

Человек, рисующий синие круги
Фред Варгас

Опубликована: 2008
Категории:
Виньетки: Detective

Матильда достала блокнот и сделала следующую запись: «Типу, что сидит слева, на меня абсолютно наплевать».

Она отхлебнула пива и бросила быстрый взгляд на соседа, крупного мужчину, добрых десять минут барабанившего пальцами по столу.

Она вновь открыла блокнот: «Он уселся так близко от меня, словно мы знакомы, хотя я никогда его прежде не видела. Совершенно уверена, что не видела. Об этом типе в черных очках нельзя сказать ничего особенного. Я сижу на террасе кафе «Сен Жак», мне принесли кружку пива. Пью. Я полностью сосредоточилась на этом самом пиве. Больше в голову ничего не приходит».

Сосед Матильды продолжал барабанить по столу.

– С вами что то случилось? – спросила она.

Голос у Матильды был низкий и хрипловатый.

Мужчина подумал, что это голос женщины, которая курит не переставая с утра до ночи.

– В общем, нет. А что? – поинтересовался он.

– Да, знаете ли, ваша барабанная дробь меня нервирует. Сегодня меня всё выводит из себя.

Матильда допила пиво. Оно показалось ей пресным – типичный воскресный вкус. Матильда называла это «болезнью седьмого дня», и ей казалось, что она подвержена этому весьма распространенному недугу больше, чем какому либо другому.

– Вам лет пятьдесят, насколько я могу судить, – произнес человек, не отодвигаясь от неё.

– Возможно, – ответила Матильда.

Она была сбита с толку. Что этот тип к ней привязался? Всего лишь секунду назад она заметила, как ветер сдувает струйку фонтана, что напротив кафе, и вода стекает по руке статуи ангела, стоящей внизу: возможно, именно такое мгновение может подарить ощущение вечности. А этот тип сейчас как раз портил ей единственное мгновение вечности за весь седьмой день.

К тому же обычно ей давали лет на десять меньше. И она не преминула ему об этом сообщить.

– Ну и что? – заявил тот. – Я не умею оценивать людей, как все. Тем не менее я предполагаю, что вы, наверное, красивы, или я ошибаюсь?

– А разве с моим лицом что то не так? Судя по вашему виду, вы на меня и не смотрели толком! – ответила Матильда.

– Вовсе нет, – сказал странный мужчина, – но я предполагаю, что вы скорее красивы, хотя и не могу в этом поклясться.

– Воля ваша, – произнесла она. – Что касается вас, уж вы то точно красавец, и я могу в том поклясться, если вам это пойдет на пользу. На самом деле это всем идет на пользу. А потом я уйду. По правде говоря, сегодня я слишком раздражена и потому не имею ни малейшего желания беседовать с кем то вроде вас.

– У меня тоже тяжело на душе. Я хотел снять квартиру и отправился было ее посмотреть, а она оказалась уже занята. А с вами что приключилось?

– Я упустила одного совершенно необходимого мне человека.

– Подругу?

– Нет, одну женщину, я за ней наблюдала в метро. Столько всего записала о ней в блокнот, и тут она внезапно исчезла. Видите, как бывает!

– Нет, ничего я не вижу.

– Вы и не пытаетесь. Вот в чем суть.

– Разумеется, не пытаюсь.

– У вас тяжелый характер.

– Очень. Ко всему прочему я еще и слепой.

– О господи, – воскликнула Матильда. – Извините меня!

Человек повернулся к ней с недоброй улыбкой:

– А зачем вам извиняться? Ведь в этом нет вашей вины.

Матильда решила, что ей пора перестать болтать. Однако, она была совершенно уверена, что ей это не удастся.

– А кто же в этом виноват?

Красавец слепой, как мысленно окрестила его Матильда, отвернулся и теперь сидел к ней почти спиной.

– Виновата одна дохлая львица: я производил ее вскрытие, изучая двигательный аппарат семейства кошачьих. Ведь это же совершенно никому не интересно! Иногда я говорил себе: какое чудо, а порой думал: черт возьми, львы просто ходят, пятятся назад, прыгают, и нечего тут больше знать. А в один прекрасный день я сделал неловкий надрез скальпелем.

– И из трупа брызнуло во все стороны.

– Точно. А вы то откуда знаете?

– Был один парень, что когда то построил колоннаду Лувра, он погиб именно так: его убил верблюд, лежавший на секционном столе. Но то было давно, и то был верблюд. Разница все же есть.

– Пададь остается пададью. Брызги попали мне в глаза. Я погрузился во тьму. И все, с тех пор я уже не мог видеть. Черт бы меня побрал!

– Вот мерзавка эта львица! Мне доводилось видеть таких животных. Сколько времени прошло?

– Одиннадцать лет. Может статься, эта львица сейчас смеется надо мной. Впрочем, я и сам над собой смеюсь. Только не над тем скальпелем, что я держал в руке. Через месяц после того случая я вернулся в лабораторию, разгромил ее и повсюду разбросал разлагающуюся плоть. Я хотел, чтобы в глаза всех окружающих проникло гниение, и я уничтожил все, что было сделано нашей группой в области исследований опорно двигательной системы кошек. Понятное дело, это не принесло мне полного удовлетворения.

Я был разочарован.

– Какого цвета были ваши глаза?

– Черные, как крыло стрижа, черные, как ночное небо.

– А теперь они какие?

– Никто пока не набрался смелости их описать. Думаю, они черно красно белые. При взгляде на них у людей перехватывает дыхание. Представляю себе, какое это должно быть отвратительное зрелище. Я теперь никогда не снимаю очки.

– Мне бы очень хотелось увидеть ваши глаза, – заявила Матильда.
– И тогда бы вы точно узнали, какие они. Ничто отвратительное не может меня смутить.

– Так все говорят. А потом плачут.

– Однажды во время погружения мне в ногу вцепилась акула.

– Сцена не из приятных, согласен.

– О чем вы больше всего сожалеете из того, что вам больше не суждено увидеть?

– Вы меня просто убиваете своими вопросами. Не стоит весь день говорить о всяких львах, акулах и прочих мерзких тварях.

– Конечно, не стоит.

– Мне жаль, что я не могу видеть девушек. Весьма банально.

– Девушки куда то подевались после того случая с львицей?

– Представьте себе, да. Вы мне не сказали, почему следили за той женщиной.

– Ни почему. Я за многими наблюдаю, знаете ли. Это сильнее меня.

– Ваш возлюбленный ушел после того, как вы повстречались с акулой?

– Один ушел, другие пришли.
– Вы особенная женщина.
– Почему вы так говорите? – удивилась Матильда.
– Из за вашего голоса.
– А что вы такое слышите в человеческих голосах?
– Ну, уж этого я вам сказать не могу! Господи боже, что же мне тогда останется? Хоть что то нужно оставить бедному слепому, мадам, – с улыбкой произнес незнакомец.

Он встал, собираясь уходить. Его стакан так и остался нетронутым.

– Пойдите. Как ваше имя? – спросила Матильда.

– Шарль Рейе, – помедлив, ответил он.

– Благодарю вас. Меня зовут Матильда.

Красавец слепой заявил, что это роскошное имя и что так звали королеву, правившую в Англии в XXII веке, а затем направился к выходу, то и дело прикасаясь к стене кончиками пальцев, чтобы не потерять дорогу. Матильде наплевать было на XII век, и она, хмурясь, осушила стакан, оставленный слепым.

Долго, несколько недель подряд, бродя по улицам, Матильда все надеялась, что красавец слепой как нибудь попадетс ей на глаза. Но ей никак не удавалось его найти. Ему, по всей вероятности, было лет тридцать пять.

Он получил должность комиссара полиции в 5 м округе Парижа. Сегодня был уже двенадцатый день его новой службы, и он шел на работу пешком.

К счастью, дело было в Париже, единственном городе, где ему нравилось жить. Многие годы он считал, что ему безразлично место его обитания, также безразлично, как пища, которую он ест, мебель, которая его окружает. Одежда, которую он носит, – все то, что ему подарили или передали по наследству или что случайно попало к нему под руку.

По правде говоря, с местом жительства все обстояло не так просто. Жан Батист Адамберг исходил босиком все каменистые склоны нижних Пиренеев. Он там жил, там спал, а впоследствии, став полицейским, там же и работал, расследуя убийства, совершенные в деревенских каменных домишках, и убийства, совершенные на горных тропах. Он прекрасно знал, как хрустят камни под ногами, как гора заставляет человека прижиматься к отвесной стене и пугает его, словно жилистый злой старик. В двадцать пять лет Адамберг начал работать в комиссариате, где его прозвали лешим. Может быть,

желая подчеркнуть его диковатые манеры и необщительность – он точно не знал. Сам он не считал это прозвище ни оригинальным, ни лестным и не понимал, откуда оно взялось.

Он спросил об этом у одного из инспекторов, молодой женщины, бывшей тогда его непосредственной начальницей (ему порой так хотелось ее поцеловать, но он не смел, ведь она была на десять лет старше его). Она смутилась, а потом сказала: «Вы могли бы и сами догадаться. Взгляните в зеркало и сразу все поймете». В тот же вечер он с сожалением изучал свое отражение: невысокий, плотный, темноволосый – ему то самому нравились высокие белокурые люди. А на следующий день сказал ей: «Я постоял перед зеркалом, посмотрел, но так и не понял, о чем вы вчера говорили».

«Адамберг, – произнесла инспекторша немного устало и раздраженно, – к чему все эти разговоры? Зачем вы задаете подобные вопросы? Мы должны работать, у нас дело о краже часов – вот и все, что вы должны понимать, я же не имею ни малейшего желания обсуждать ваши внешние данные. – А потом добавила: – Мне не платят за то, чтобы я обсуждала с вами ваши внешние данные».

«Ладно ладно, – сказал Жан Батист, – только не надо так переживать».

Час спустя стук пишущей машинки вдруг затих, и Адамберг услышал, что начальница его зовет. Она была крайне раздосадована. «Давайте покончим с вашим вопросом, – заявила она. – Скажем так: вы выглядите как юный леший, вот и все». Он спросил: «Вы хотите сказать, что это существо примитивно и безобразно?» Она, казалось, совсем потеряла терпение: «Не заставляйте меня говорить, что вы писанный красавец, Адамберг. Но вашего обаяния вполне хватило бы на тысячу мужчин. Думаю, что с этим вполне можно жить, не так ли?» Ее голос прозвучал не только устало, но и нежно, – в этом молодой человек был совершенно уверен. Он вспоминал ее слова с волнением и трепетом, в особенности потому что так она больше с ним не говорила. Он ждал продолжения, и сердце его сжималось. Может быть, она даже хотела его поцеловать, может быть... но она вновь заговорила с ним официальным тоном и больше не возвращалась к этому разговору. Лишь добавила несколько слов, словно совсем отчаявшись: «Вам нечего делать в полиции, Жан Батист. Лешие в полиции не служат».

Она ошибалась. В течение следующих пяти лет он раскрыл одно за другим четыре убийства, причем вел расследование так, что его коллеги сочли это просто невероятным, а следовательно, неправильным

и возмутительным. «Ты ни фи́га не делаешь, Адамберг, – говорили они. – Ты торчишь в конторе, слоняешься из стороны в сторону, витаешь в облаках, разглядываешь голую стену, рисуешь какие то каракули, пристроив листок на коленке – словно у тебя в ушах звучат потусторонние голоса, а перед глазами проходят картины реальных событий, – и вдруг в один прекрасный день появляешься и беззаботно, любезным тоном сообщаешь: «Нужно арестовать господина кюре, это он задушил мальчика, чтобы тот не проговорился».

Юный леший, раскрывший четыре убийства, вскоре стал инспектором, а потом комиссаром, и все эти годы он по прежнему часами что то чертил, расправив свои бесформенные брюки и пристроив на коленях листок бумаги. И вот две недели назад ему предложили место в Париже. Он покинул кабинет, где за двадцать лет его карандашом было изрисовано все вокруг, и где за все это время жизнь так и не успела ему наскучить.

Однако как же порой ему досаждали люди! Он почти всегда заведомо знал, что именно ему предстоит услышать. И всякий раз, когда он думал: «Сейчас этот тип скажет то то и то то», – он злился на себя, он был самому себе противен, в особенности в тех случаях, когда ему действительно говорили то, что он и предполагал. Он по настоящему страдал, прося какое нибудь божество хоть на один единственный день сделать так, чтобы случилось нечто неожиданное, а он бы ничего не знал заранее.

Жан Батист Адамберг помешивал кофе, сидя в бистро напротив нового места службы. Понимал ли он теперь, почему его когда то прозвали Лешим? Да, сейчас он представлял себе это несколько яснее, но ведь люди всегда несколько небрежно обращаются со словами. Он сам тоже. Абсолютно точно было одно: только Париж напоминал ему тот горный край, который, как он уже понял, был так ему необходим.

Париж, каменный город.

Здесь довольно много деревьев, что неизбежно, но на них можно не обращать внимания, просто не смотреть. Что касается скверов, мимо них лучше вообще не ходить, и тогда все вообще будет отлично. Из всего растительного мира Адамберг любил только хилые кустарники да овощи со съедобной подземной частью. Можно было сказать определенно, что комиссар не очень то изменился с годами, потому что его новые коллеги реагировали на него точно так же, как прежние сослуживцы в Пиренеях, двадцать лет назад: так же растерянно поглядывали, так же перешептывались за его спиной, качали

головами, скорбно поджимали губы и беспомощно разводили руками. Все эти живые картины означали только одно: «Что за странный субъект?»

Адамберг мягко улыбнулся, мягко пожал всем руки, сказал несколько слов и выслушал, что скажут другие, – ведь он все и всегда делал мягко. Но прошло уже одиннадцать дней, а у его коллег по прежнему при встрече с ним появлялось такое выражение, словно им было невдомек, с существом какой загадочной породы им приходится иметь дело, и чем оно питается, и как с ним говорить, как привести его в доброе расположение духа и как привлечь его внимание. Вот уже одиннадцать дней, как в комиссариате 5 го округа все только и делали, что шептались между собой, словно оказались в щекотливом положении, из за чего нарушилась их привычная жизнь.

В отличие от первых лет службы в Пиренеях, теперь, благодаря его репутации, все было гораздо проще. Тем не менее, это вовсе не позволяло ему забывать о том, что он здесь чужак. Буквально накануне он слышал, как старейший из сотрудников парижан тихонько сказал другому: «Представь себе, он раньше служил в Пиренеях, это же на другом конце света».

Адамбергу уже полчаса как следовало находиться на рабочем месте, а он все продолжал сидеть в бистро напротив комиссариата, помешивая кофе. И вовсе не оттого, что теперь, когда ему исполнилось сорок пять и все его уважали, он позволял себе опаздывать на службу. Он опаздывал и в двадцать лет. Он даже родиться опоздал на целых шестнадцать дней. У Адамберга никогда не было часов, он даже не мог объяснить почему, ведь он не питал отвращения к часам. Впрочем, как и к зонтикам. Да и ни к чему вообще. Дело не в том, что он всегда стремился делать только то, что хочется, просто он не был способен перебороть себя и сделать нечто противоречащее его настрою в данный момент. Он не смог так поступить даже тогда, когда мечтал понравиться очаровательной инспекторше. Не смог даже ради нее. Считалось, что Адамберг – случай безнадежный, и ему самому тоже так казалось. Хотя и не всегда.

А сегодня он был настроен сидеть и медленно помешивать кофе. Один тип позволил себя убить, и случилось это на его собственном складе текстиля. Он проворачивал весьма сомнительные дела, и три инспектора теперь разбирали его картотеку, в полной уверенности, что именно среди его клиентов они найдут убийцу.

Адамберга перестал беспокоить исход этого дела, после того как он познакомился с семьей покойного. В то время как его инспекторы

искали клиента злодея, и у них даже появилась одна серьезная версия, комиссар все внимательнее присматривался к пасынку убитого, Патрису Верну, красивому парню двадцати трех лет, утонченному и романтичному. Адамберг ничего не предпринимал, он только наблюдал за молодым человеком. Он уже трижды вызывал его в комиссариат под разными предлогами и задавал ему всевозможные вопросы, например, как он воспринимал то, что его отчим был лыс, не вызывало ли это у него отвращения, интересовался ли он работой текстильных фабрик, что он почувствовал, когда из за аварии в районе выключился свет, чем, на его взгляд, объясняется повальное увлечение людей генеалогией.

Последняя их встреча, накануне днем, прошла примерно так:

– Скажите, вы считаете себя красивым? – спросил Адамберг.

– Мне было бы трудно ответить «нет».

– И вы правы.

– Не могли бы вы объяснить, почему меня опять сюда вызвали?

– Разумеется, по делу вашего отчима. Вас раздражало, что он спит с вашей матерью, кажется, вы так говорили?

Парень пожал плечами:

– Я ведь не мог ничего изменить, разве что убить его, но этого то я не сделал. Но вы, конечно, правы, меня это расстраивало. Отчим всегда напоминал мне кабана. Весь в шерсти, пучки волос торчали даже из ушей. Честно говоря, это как то уж слишком. Вы бы сочли это забавным?

– Откуда мне знать? Однажды я застал свою мать в постели с ее школьным товарищем. А ведь она, бедняжка, всегда была верной женой. Я закрыл дверь, и, как сейчас помню, в голове у меня мелькнула только одна мысль: на спине у того парня зеленоватая родинка, а мама, может быть, ее даже не видела.

– Не могу понять, я то при чем в этой истории, – смущенно проворчал Патрис Верну. – Вы просто добрее меня, но это ваше личное дело.

– Вовсе нет, но это не так уж важно. Как вам кажется, ваша мать опечалена?

– Разумеется.

– Ладно. Прекрасно. Вам сейчас не стоит бывать у нее слишком часто.

Затем он отпустил молодого человека.

Адамберг вошел в здание комиссариата.

Больше других инспекторов ему пришелся по душе Адриен Данглар, человек неброской внешности, с толстым задом и плотным животиком, всегда прекрасно одетый; он любил выпить, и к четырем часам дня, а то и раньше, на него уже обычно нельзя было положиться. Но он был реалистом, реалистом до мозга костей, – другого, более точно характеризующего его слова Адамберг пока не нашел. Данглар положил комиссару на стол отчет о содержании картотеки торговца текстилем.

– Данглар, я хотел бы пригласить сегодня пасынка, того молодого человека, Патриса Верну.

– Опять, господин комиссар? Чего еще вы хотите от бедного парня?

– А почему вы называете его «бедным парнем»?

– Он очень робкий, без конца поправляет волосы, такой покладистый, все старается вам угодить, а когда сидит в коридоре и ждет, не зная, о чем еще вы будете его спрашивать, у него такой растерянный вид, что даже становится неловко. Потому то я и назвал его бедным парнем.

– И ничего другого вы не заметили, Данглар?

Данглар покачал головой.

– Я не рассказывал вам историю о глупом слюнявом псе?

– Нет, признаться, не рассказывали.

– Когда расскажу, вы будете меня считать самым мерзким полицейским на свете. Присядьте на минутку, я привык говорить медленно, мне трудно формулировать свои мысли, я то и дело сбиваюсь. Я вообще не склонен к определенности, Данглар.

Когда мне было одиннадцать лет, однажды рано утром я отправился в горы. Я не люблю собак и, когда был маленьким, тоже их не любил. Тот большой слюнявый пес стоял прямо на тропинке и смотрел на меня. Он облизал меня, вымазав своей вязкой слюной сначала мои ноги, затем руки. Вообще то это был удивительно глупый и милый пес. Я ему сказал: «Слушай, псина, мне еще далеко идти, я хочу забрести далеко в горы, а потом выбраться оттуда, ты можешь пойти со мной, только боже тебя упаси мазать меня своими слюнями, меня от этого тошнит». Пес все понял и поплелся за мной.

Адамберг замолчал, закурил сигарету и вытащил из кармана маленький листок бумаги. Он положил ногу на ногу, пристроил руку так, чтобы удобнее было рисовать, затем продолжил, бросив беглый взгляд на инспектора:

– Мне наплевать, что вам скучно, Данглар. Я хочу рассказать вам историю о слюнтявом псе. Мы с той здоровенной псиной всю дорогу беседовали о звездах Малой Медведицы и о телячьих косточках, потом сделали остановку у заброшенной овчарни. Там сидели шестеро мальчишек из соседней деревни, я их плохо знал. Мы часто дрались.

Они спросили: «Это твоя собака?» – «Только на сегодня», – ответил я. Собака была трусливая и мягкая, как коврик. Самый маленький мальчуган вцепился в длинную шерсть и потащил пса к отвесной скале. «Мне твоя псина не нравится, – заявил мальчишка, – она у тебя полная дура». Собака только жалобно скулила и не сопротивлялась, она и вправду была на редкость глупой. Тогда этот малявка что было силы пнул собаку в зад, и она полетела в пустоту.

Я медленно поставил сумку на землю. Я все делаю не торопясь. Я вообще медлительный, Данглар.

...Я все делаю не торопясь. Я вообще медлительный, Данглар.

«Да уж я заметил», – хотел было сказать Данглар. Не склонен к определенности, не любит спешить. Но произнести это вслух он не решился, ведь Адамберг был теперь его начальником. Кроме того, Данглар его уважал.

Как и другие его коллеги, инспектор был наслышан о самых крупных преступлениях, раскрытых Адамбергом, и восхищался его уникальной способностью распутывать сложнейшие дела, однако инспектору казалось, что талант комиссара как то не вяжется с другими чертами его характера, которые этот странный человек проявлял с самого своего приезда в Париж.

Теперь, глядя на него, Данглар чувствовал удивление, но не только оттого, что Адамберг медленно двигался и говорил. Поначалу Данглар был разочарован тем, какой невысокий и худой, хотя и крепкий, его новый начальник. В общем, ничего впечатляющего, особенно если учесть, что выглядел этот тип весьма неопрятно, не явился для представления коллегам в назначенный час, его галстук красовался на совершенно мятой сорочке, кое как заправленной в брюки.

Но постепенно все сотрудники комиссариата стали подпадать под его обаяние, тонуть в нем, как в полноводной реке. Все началось с того момента, когда они слышали его голос. Данглару этот голос очень понравился, он успокаивал, почти убаюкивал. «Он говорит, будто ласкает», – заметила Флоранс, впрочем, бог с ней, с Флоранс, она же молодая девушка, и никто не станет нести ответственность за слова, произнесенные девушкой, кроме нее самой. Кастро вскричал:

«Скажи еще, что он красавец!» Выражение лица Флоранс стало озадаченным. «Постой ка, мне надо подумать», – заявила она.

Флоранс всегда так говорила. Она ко всему подходила основательно и тщательно взвешивала слова, прежде чем высказаться. Она неуверенно протянула: «Пожалуй, нет, но есть в нем какое то очарование или что то еще в этом роде. Я подумаю». Вид у Флоранс был весьма сосредоточенный, коллеги расхохотались, и тут Данглар произнес: «А ведь Флоранс права, это очевидно».

Маржелон, молодой сотрудник, воспользовался случаем и намекнул, что у Данглара, должно быть, нетрадиционная сексуальная ориентация. Хоть бы раз в жизни этот Маржелон сказал чтонибудь умное! Данглар нуждался в обществе умных людей, как в хлебе насущном. Инспектор пожал плечами и внезапно подумал, что было бы неплохо, если бы Маржелон оказался прав, потому что Данглару пришлось немало потратиться на женщин, потому что он всегда считал, что мужчинам не следует быть скупыми, потому что ему не раз доводилось выслушивать упреки в том, что все мужчины – негодяи: стоит им переспать с женщиной, как они начинают ею помыкать; а что касается самих женщин, так те еще хуже: они не согласятся на близость с мужчиной, если не вполне уверены, что он им подходит. Вот и получается, что вам сначала произведут точную оценку, но потом еще и не станут с вами спать.

Печально.

С девушками все очень сложно. У Данглара было несколько знакомых девушек, которые сначала тщательно его оценивали, а потом ему отказывали. Хоть плачь. Как бы то ни было, но относительно Адамберга серьезная Флоранс оказалась права, Данглар подпал под обаяние этого невысокого человека, на две головы ниже его ростом.

Понемногу инспектор начал понимать, что у всякого, кто общался с комиссаром, возникало неосознанное желание о чемнибудь ему рассказать, и именно этим могло объясняться стремление многих убийц подробно поведать полицейскому о своих преступлениях – просто так, словно по оплошности. Только лишь для того, чтобы поговорить с Адамбергом.

Многие отмечали особую способность Данглара к рисованию. Он делал меткие шаржи на своих коллег, следовательно, неплохо разбирался в особенностях человеческого лица. К примеру, он удивительно верно изобразил Кастро. Однако в случае с комиссаром Данглар знал заранее, что за карандаш лучше не браться: у Адамберга было словно не одно, а несколько десятков лиц, пытающихся соединиться

в единое целое в разных комбинациях. Нос его был несколько крупноват, подвижный чувственный рот то и дело странно кривился, глаза, прикрытые веками, смотрели туманно и неопределенно, а нижняя челюсть была очерчена слишком резко – словом, эта странная физиономия, сотворенная из какого то хлама против классических канонов гармонии, казалась поначалу просто подарком для карикатуриста.

Можно было подумать, что у Господа Бога, когда он создавал Жан Батиста Адамберга, закончился материал и пришлось выскребать из ящиков все остатки, собирать последние кусочки, какие он никогда не слепил бы вместе, будь у него в тот день все необходимое. Но по ходу дела Господь, осознав сложность возникшей проблемы, решил все изменить. Он приложил немало труда, и из под Его искусной руки таинственным образом появилось это самое лицо. Подобного ему Данглар не в состоянии был припомнить и потому считал, что несколькими штрихами его не изобразить, что быстрый росчерк карандаша не сможет передать всей его оригинальности, что на рисунке угаснет неуловимый свет, от него исходящий.

Именно поэтому в ту минуту Данглар сосредоточенно размышлял над тем, что же такое могло завалиться на дне ящиков, где рылся Господь.

– Вы меня слушаете или спите? – поинтересовался Адамберг. – Я спрашиваю, потому что давно уже заметил: иногда я убаюкиваю своих собеседников и они действительно засыпают. Точно не знаю, но, возможно, это из за того, что я говорю негромко и небыстро. Помните, на чем мы остановились? Я рассказывал вам о собаке, которую столкнули со скалы. Я отвязал от пояса жестяную флягу и изо всех сил стукнул ею по голове того мальчишку.

А потом пошел искать ту безмозглую псину. Целых три часа я до нее добирался. Конечно же, она была мертва. Самое главное в этой истории – бесспорная жестокость мальчишки. Я уже давно подмечал, что с ним не все ладно, и тут понял, в чем дело: в его жестокости.

Уверяю вас, лицо у него было совершенно нормальное, никаких, знаете ли, вывернутых ноздрей. Наоборот, красивый такой мальчишка, но от него так и несло жестокостью. Не спрашивайте меня ни о чем, мне больше ничего о нем не известно, кроме того, что восемь лет спустя он насмерть задавил одну из своих бабок, сбросив на нее тяжелые стенные часы. А еще я знаю, что преднамеренное убийство совершают не столько от тоски, унижения, угнетенного состояния

или чего то еще, сколько из за природной жестокости, ради наслаждения, доставляемого страданиями, смиренными мольбами и созерцанием агонии ближнего, ради удовольствия терзать живое существо: Конечно, такое в незнакомом человеке заметишь не сразу, но обычно чувствуешь, что с ним что то не так, он слишком много чего то вырабатывает, в нем образовался какой то нарост. Иногда оказывается, что это – жестокость, вы понимаете, что я хочу сказать? Нарост жестокости.

– Это не согласуется с моими понятиями,– произнес Данглар, – и как то не очень вразумительно. Я не помешан на принципах, но все же не думаю, что есть люди, отмеченные каким то клеймом, словно коровы, и что посредством одной только интуиции можно отыскать убийцу. Знаю, я сейчас говорю банальные и скучные слова, но обычно мы оперируем уликами и основываемся на доказательствах. И рассуждения о каких то наростах меня просто пугают, потому что это путь к диктатуре субъективизма и к судебным ошибкам.

– Вы целую речь произнесли, Данглар. Я же не говорил, что преступников видно по лицу, я сказал, что у них внутри есть какой то чудовищный нарыв. И я вижу, как гной из этого нарыва просачивается наружу. Как то раз я даже видел, как он на мгновение выступил на губах одной юной девушки и исчез так же стремительно, как таракан, пробежавший по столу. Я не в состоянии заставить себя не замечать, когда в ком нибудь что то не так. Дело может быть в наслаждении, которое испытывает человек, совершая преступление, или в менее серьезных вещах. От кого то пахнет тоской, от кого то – несчастной любовью, и то и другое легко распознать, это витает в воздухе, Данглар. Но есть иное вещество, вырабатываемое человеком, и этот запах – запах преступления – мне, я думаю, тоже хорошо знаком.

Данглар поднял голову. Он чувствовал во всем теле странное напряжение.

– Не важно, что вы полагаете, будто можете заметить в людях нечто необычное, что вы видели таракана на чьих то там губах и что вы считаете ваши впечатления откровениями, потому что это ваши впечатления, не важно, что вы думаете, будто человек может гнить изнутри, – так не бывает. Истина – она тоже банальна и скучна – состоит в том, что людям присуща ненависть, и это так же обычно, как волосы, растущие на голове. Каждый может, оступиться и убить. Я в этом убежден. Любой мужчина может совершать насилие и убивать, любая женщина способна отрезать ноги жертве, как та, с улицы Гей

Люссака, месяц назад. Все зависит от того, что человеку выпало пережить, и от того, есть ли у него желание утонуть в грязи самому и утащить за собой побольше народу. Вовсе не обязательно с самого рождения иметь внутри гнойный нарыв, чтобы в отместку за отвращение к жизни стремиться уничтожить весь мир.

– Я вас предупреждал, Данглар, – заметил Адамберг, нахмурившись и перестав рисовать, – после истории о глупой собаке вы станете мною брезговать.

– Скажем так, стану вас опасаться, – проворчал Данглар. – Не следует считать себя таким сильным.

– Разве это сила – видеть, как бегают тараканы?

С тем, о чем я вам рассказал, я ничего не могу поделать. А моя собственная жизнь? Да она вся состоит из потрясений. Я ни разу не ошибся ни на чей счет, я всегда знал, что происходит с тем или иным человеком: стоит он или лежит или, может, грустит, умный ли он или лживый, страдающий, равнодушный, опасный, робкий, – все это я знал заранее, вы можете себе представить, всегда, всегда! Вы понимаете, до чего это тяжело? Когда я в начале расследования уже четко представляю, чем оно закончится, я всякий раз молюсь, чтобы люди преподнесли мне какойнибудь сюрприз. В жизни моей, если можно так выразиться, были только начала, и каждое из них, на миг наполняло меня безумной надеждой. Но тут перед глазами неизбежно рисовался конец дела, и все происходило как в скучном фильме: вы сразу догадываетесь о том, кто в кого влюбится и с кем произойдет несчастный случай. Вы все же досматриваете кино, но уже все и так знаете, и вам противно.

– Допустим, у вас замечательная интуиция, – произнес Данглар. – У вас нюх полицейского, в этом вам не откажешь. Тем не менее, вы не имеете права постоянно пользоваться этой способностью, это слишком рискованно, да и просто отвратительно. Даже когда вам уже гораздо больше двадцати, вы не можете утверждать, что досконально знаете людей.

Адамберг подпер рукой подбородок. Его глаза влажно блестели от табачного дыма.

– Лишите меня этого знания, Данглар. Избавьте меня от него, это все, чего я жду.

– Люди – это вам не какиенибудь козявки, – продолжал инспектор.

– Нет, конечно, людей я люблю, а вот на козявок мне наплевать, и на все их мысли, и на все их желания. Хотя с козявками тоже не так то просто сладить, они ведь не обладают разумом.

– Ваша правда, – согласился Данглар.

– Вы когданибудь допускали юридическую ошибку?

– Так вы читали мое личное дело? – спросил Данглар, искоса взглянув на комиссара, продолжавшего курить и рисовать.

– Если я стану отрицать, вы упрекнете меня в том, что я изображаю из себя волшебника. А я ваше личное дело действительно не читал. Кстати, что тогда произошло?

– Была одна девушка. В ювелирном магазине, где она работала, случилась кража со взломом. Я с полной уверенностью изобличал ее как сообщницу преступников. Все казалось совершенно очевидным: ее манера поведения, ее скрытность, ее порочность, и в довершение всего я же обладал нюхом полицейского! Ей дали три года, а два месяца спустя она совершила самоубийство, причем ужасным способом. К краже со взломом она оказалась непричастна, что стало ясно всего несколькими днями позже. С тех пор плевать я хотел на все ваши интуиции, на всех ваших тараканов, ползающих по губам юных девиц. С этим покончено. С того самого дня я отвергаю любые премудрости и внутренние убежденности и меняю их на нерешительность и обыденность.

Данглар встал, собираясь уйти.

– Погодите, – окликнул его Адамберг. – Не забудьте вызвать папыньку Верну.

Комиссар немного помолчал. Он чувствовал себя неловко. Его приказание стало не слишком удачным завершением их спора. Тем не менее Адамберг закончил:

– И поместите его в камеру предварительного заключения.

– Вы шутите, комиссар? – воскликнул Данглар.

Адамберг прикусил нижнюю губу.

– Подружка защищает парня. Я совершенно уверен, что они не ходили в ресторан в тот вечер, когда произошло убийство, даже если их показания совпадают. Расспросите их еще разок, одно-го за другим: сколько времени прошло между сменами блюд, играл ли в зале гитарист? Где стояла бутылка вина, справа или слева? Какой марки было вино? Какой формы были бокалы? Какого цвета скатерть? И далее в таком же духе, пока не обнаружатся новые детали. Они выдают себя, вот увидите. Кроме того, выясните все, что касается обуви этого парня. Поговорите с домработницей, которую наняла для

него мать. Одной пары должно не хватать, той, что была на нем во время убийства: вокруг склада много грязи, так как рядом идет стройка, копают котлован, все вокруг в глине, липкой, как смола. Этот юноша не так глуп, он, скорее всего, избавился от ботинок. Распорядитесь обшарить сточные канавы в окрестностях его дома: последние метры до двери своей квартиры он мог пробежать в одних носках.

– Если я вас правильно понял, то вы чувствуете, что у бедного парня внутри нарыв? – спросил инспектор.

– Боюсь, что так, – тихо произнес Адамберг.

– И чем же от него пахнет?

– Жестокостью.

– И у вас нет сомнений на этот счет?

– Нет, Данглар.

Последние слова инспектор едва расслышал.

Когда Данглар вышел за дверь, комиссар схватил стопку газет, которые ему принесли по его просьбе. В трех из них он нашел то, что искал.

В трех из них он нашел то, что искал. Это явление пока еще не очень широко освещалось в прессе, но, без сомнения, все еще было впереди. Адамберг кое как вырезал ножницами маленькую заметку в одну колонку и положил ее перед собой. Ему всегда было трудно сосредоточиться, прежде чем что то прочесть, но хуже всего ему приходилось, когда предстояло читать вслух. Адамберг всегда плохо учился, ему было невдомек, зачем его заставляют ходить в школу, но, насколько мог, он старался делать вид, что трудится изо всех сил, лишь бы не огорчать родителей, а главное, они не должны были догадаться, что ему наплевать на учебу. Он прочел следующее:

Шутка или навязчивая идея философа неудачника? Так или иначе, но по ночам в столице то здесь, то там, продолжают появляться крути, вычерченные синим мелком, их становится все больше, словно сорняков, пробивающихся сквозь асфальт, они возбуждают все возрастающее любопытство парижан интеллектуалов. Крути возникают все чаще и чаще. Первый из них был обнаружен около четырех месяцев назад в 12 м округе, с тех пор их найдено уже 63. Новый вид развлечения становится все более похожим на некую игру вроде «найди меня», он служит свежей темой для разговоров посетителям кафе, которым больше не о чем поболтать. А поскольку синих кругов так много, то и говорят о них буквально повсюду...

Адамберг прервал чтение, чтобы взглянуть на подпись под заметкой. «Это тот самый придурок, – пробормотал он. – Ничего толкового от него не дождешься»...

Скоро будут говорить о тех, кому выпала честь обнаружить синий круг у дверей дома, утром, когда люди идут на работу. Кто он, рисующий круги: бессовестный шутник или настоящий безумец? Если он жаждет славы, то он достиг своей цели. Его подвиги способны напроць отбить у людей охоту всю жизнь добиваться известности: ему оказалось достаточно вооружиться синим мелком и побродить немного по ночному городу, чтобы стать в 1990 году самой популярной личностью в Париже. Если его поймают, то он, без сомнения, будет приглашен на телевидение для участия в передаче «Необычные явления в культуре конца II тысячелетия».

Однако наш герой неуловим, словно призрак. Никто еще ни разу не застал его в тот момент, когда он вычерчивал на асфальте широкие синие круги. Он занимается этим не каждую ночь и произвольно выбирает то один, то другой квартал Парижа. Будьте уверены, что многие из тех, кому не спится по ночам, уже вовсю стараются выследить загадочного художника. Удачной охоты!

Другая, более любопытная заметка попала в Адамбергу в одной провинциальной газете.

Париж вступил в борьбу с безобидным маньяком.

Всех это только забавляет, но сам факт представляется интересным. В Париже вот уже четыре месяца некто, вероятнее всего мужчина, по ночам рисует синим мелом круги диаметром около двух метров; этими кругами он очерчивает предметы, лежащие на мостовой. Единственными «жертвами» его мании стали старые, выброшенные за ненадобностью вещи, всякий раз разные; их он и заключает внутрь круга. Те шестьдесят эпизодов, что он уже предложил нашему вниманию, позволяют составить довольно странный список находок: дюжина крышек от пивных бутылок, ящик из под овощей, четыре скрепки, два ботинка, журнал, хозяйственная сумка из кожи, четыре зажигалки, носовой платок, лапка голубя, стекло от очков, пять блокнотов, косточка от бараньей котлеты, стержень от шариковой ручки, одна серьга, кусок собачьего кала, осколок автомобильной фары, батарейка, бутылка кока колы, железная проволока, моток шерстяных ниток, брелок для ключей, апельсин, флакон инсектицида, лужа блевотины, шляпа, кучка окурков из автомобильной пепельницы, две книги («Метафизика реальности» и «Готовим без труда»), автомобильный номер, разбитое яйцо, значок с надписью «Я

люблю Элвиса», пинцет для выщипывания бровей, голова куклы, ветка дерева, мужская майка, фотопленка, ванильный йогурт, свеча, резиновая шапочка для плавания. Скудное перечисление, однако оно показывает, сколько сокровищ может неожиданно обнаружить на тротуарах города тот, кто ищет.

Именно поэтому описанный нами случай заинтересовал психиатра Рене Веркора Лори, постаравшегося пролить свет на эту загадку, именно поэтому теперь все обсуждают «предметы, увиденные по новому», именно поэтому человек, рисующий круги, становится общей проблемой всех столиц мира, он заставляет предать забвению молодых людей с их гигантскими граффити на стенах городских домов, он легко побеждает в суровой конкурентной борьбе. Все безуспешно пытаются понять, что движет человеком, рисующим синие круги. Наиболее интригует то, что по внешней стороне каждого круга сделана надпись красивым наклонным почерком, принадлежащим, судя по всему, образованному человеку, всегда одна и та же фраза, вызывающая у психологов множество неразрешимых вопросов. Вот эта фраза: «Парень, горек твой удел, лучше б дома ты сидел!»

Текст сопровождался размытой фотографией.

Наконец, третья заметка содержала меньше точной информации и была очень короткой, однако в ней говорилось о находке, имевшей место прошлой ночью на улице Коленкур: снова был обнаружен большой синий круг, в нем –дохлая мышь, а по внешней стороне линии – все та же надпись: «Парень, горек твой удел, лучше б дома ты сидел!» Адамберг поморщился. Именно это он и предчувствовал.

Он сунул газетные вырезки под ножку настольной лампы и решил, что ему пора бы уже проголодаться, хотя и не знал точно, который теперь час.

Он вышел, долго бродил по еще мало знакомым улицам, купил булочку с чем то, какой то напиток, пачку сигарет и вернулся в комиссариат.

Пока он шел, он при каждом шаге чувствовал, как в кармане его брюк шуршит письмо Кристианы, полученное утром. Она всегда питала пристрастие к дорогой плотной бумаге, что было крайне неудобно, когда письмо лежало в кармане. Адамбергу такая бумага совсем не нравилась.

Ему следовало бы сообщить ей свой новый адрес. Ей не так уж трудно было бы наведываться к нему, поскольку она работала в Орлеане. Кроме того, в письме она намекала, что подыскивает место в Париже. Из за него. Он покачал головой. Он подумает об этом после.

С тех пор как они познакомились полгода назад, так было всегда: он успокаивался на том, что «подумает об этом после». Для женщины Кристиана была далеко не глупа, даже, пожалуй, хитра, вот только слишком привержена некоторым предрассудкам. Жаль, конечно, но это не страшно, ведь такой недостаток вполне простителен, и не стоит желать невозможного. К тому же однажды, восемь лет назад, в его жизни уже была одна женщина – невероятная, блестящая, непредсказуемая, с нежнейшей кожей, ее звали Камилла.

Ее настроение мгновенно менялось от глубочайшей серьезности до полнейшего легкомыслия; дома у нее жила удивительно глупая обезьянка уистити по имени Ричард Третий. Камилла выводила ее пописать на улицу и всем прохожим, выражавшим неудовольствие, объясняла: «Ричарду Третьему нельзя писать дома».

От обезьянки пахло апельсинами – странно, ведь она наотрез отказывалась их есть. Иногда Ричард Третий забирался на Жан Батиста или Камиллу и делал вид, будто ищет у них блох; на его мордочке появлялось выражение сосредоточенности, а движения лапок были на диво аккуратными и точными. Потом все втроем они почесывались, расправляясь с невидимыми жертвами на своих запястьях.

Но однажды любимая малышка Адамберга ушла. Он, профессиональный сыщик, конечно, не растерял своих способностей и мог добраться до нее; он искал ее целый год, бесконечно долгий год, а потом сестра ему сказала: «Ты не имеешь права, оставь ее в покое». – «Моя любимая малышка», – повторил Адамберг. «Тебе хотелось бы снова ее увидеть?» – спросила сестра. Только ей, младшей из пяти его сестер, он позволял безнаказанно говорить о его малышке. Он сделал попытку улыбнуться и сказал: «Всем сердцем я хочу встретиться с ней, хоть на часок, а потом и сдохнуть не жалко».

В кабинете Адамберга ждал Адриен Данглар, его рука сжимала пластиковый стакан с белым вином, а лицо выражало борьбу противоположных чувств.

– У этого парня, Верну, не хватает пары сапог, комиссар. Таких невысоких сапог с застёжками.

Адамберг ничего не ответил. Он не хотел еще больше огорчать и без того недовольного Данглара.

– Сегодня утром я вовсе не собирался производить на вас впечатление, – сказал комиссар. – Если Верну убийца, я тут совершенно ни при чем. Вы пытались найти его сапоги?

Данглар поставил на стол пластиковый пакет.

– Вот они, – вздохнул он. – Эксперты уже начали работать, но и невооруженным глазом видно, что на подошвах глина с той самой стройки, такая вязкая, что даже поток воды не смог ее смыть. Кстати, отличные сапоги. Жаль.

– Они действительно были в водостоке?

– Да, в двадцати пяти метрах от того отверстия, что рядом с его домом.

– Быстро же вы работаете, Данглар.

В кабинете повисло молчание. Адамберг покусывал губы. Он взял сигарету, нащупал в глубине кармана огрызок карандаша и пристроил на колене листок бумаги. Он подумал: «Сейчас этот тип будет толкать речь, ведь он чувствует себя униженным, он потрясен. И зачем я только рассказал ему о слюнявой псине, зачем я говорил ему, что от Патриса Верну так и разит жестокостью, как от того мальчишки из горной деревни?»

Однако никакой речи не последовало. Адамберг поднял глаза на своего сотрудника. Длинное вялое тело Данглара, мирно развалившегося на стуле, имело форму бутылки, начавшей плавиться снизу. Он сидел, поставив пластиковый стаканчик на пол рядом с собой и засунув здоровенные ручки в карманы своего великолепного костюма, а взгляд его блуждал где то далеко. Даже сейчас Адамберг не мог не заметить, что его коллега чертовски умен. Данглар произнес:

– Поздравляю вас, комиссар.

Потом неторопливо поднялся, точно так же, как делал это всегда: сначала подался корпусом вперед, затем оторвал зад от стула и наконец полностью выпрямился. Уже почти совсем отвернувшись, он добавил:

– Мне надо сказать вам еще кое что. Как вы, наверное, заметили, после четырех часов дня я уже мало на что гожусь. Когда вы захотите поручить мне что нибудь серьезное, делайте это с утра. Что касается слежки, стрельбы, погони за преступником и прочей ерунды, то это мне и вовсе поручать не стоит: руки у меня трясутся, да и на ногах я стою нетвердо. Правда, в остальных случаях на мои ноги и голову вполне можно рассчитывать. Думаю, с мозгами у меня все в порядке, хотя мне и кажется, что устроены они не так, как ваши. Один мой невероятно доброжелательный коллега как то сказал, что при том, сколько я пью, мне посчастливилось удержаться на должности инспектора только благодаря подозрительной снисходительности начальства, да еще тому, что когда то я совершил подвиг: дважды произвел на свет по двойне, то есть, получается, всего у меня четверо

детей, и я теперь воспитываю их один, поскольку моя жена отбыла изучать статуи на остров Пасхи вместе со своим любовником. Когда я был еще пацаном лет так двадцати, я хотел написать что-нибудь в духе «Замогильных записок» Шатобриана – или вообще ничего. Я, наверное, не удивлю вас, если скажу, что все вышло иначе. Ну да ладно. Сапоги эти я у вас забираю и отправляюсь к Патрису Верну и его подружке: они ждут меня тут неподалеку.

– Вы мне нравитесь, Данглар, – произнес Адамберг, не поднимая глаз от очередного рисунка.

– Да я об этом вроде бы уже догадался, – ответил Данглар, подбирая с пола стакан.

– Попросите, чтобы фотограф нашел завтра утром время и отправился с вами. Мне нужно описание и точное изображение синего мелового круга, который, вероятно, появится сегодня ночью в одном из районов Парижа.

– Круга? Вы имеете в виду эту историю с крышками от пивных бутылок, обведенными мелом? «Парень, горек твой удел, лучше б дома ты сидел!», так?

– Об этом я и толкую, Данглар. Именно об этом.

– Но это такая глупость. И вообще, зачем...

Адамберг нетерпеливо тряхнул головой:

– Да знаю я, знаю! И все же сделайте это. Я вас очень прошу. И никому пока об этом не говорите.

Вскоре Адамберг закончил рисунок, так долго лежавший у него на колене. Из соседнего кабинета доносились громкие голоса. У подружки Верну сдали нервы. Совершенно очевидно, что она была не причастна к убийству старика коммерсанта. Единственной ее серьезной ошибкой, способной завести дело слишком далеко, была чрезмерная любовь – или чрезмерная покладистость, – заставлявшая ее покрывать ложь своего друга. Хуже всего для нее было не то, что ей предстояло явиться в суд, а то, что сейчас, именно в эту минуту, ей открылась жестокость ее любовника.

Интересно, что же нужно было съесть в полдень, чтобы сейчас так разболелся живот? Теперь уж и не вспомнить. Комиссар снял трубку и позвонил психиатру Рене Веркору Лори, чтобы условиться о встрече. Секретарша предложила приехать на следующее утро в одиннадцать. Он назвал свое имя: Жан Батист Адамберг – и двери для него тут же широко распахнулись. Он еще не привык к такой славе. Между тем он стал известным уже давно. Однако у Адамберга сложилось впечатление, будто он не имеет абсолютно ничего общего с тем

человеком, каким он выглядел в глазах общества, и поэтому ему казалось, что он как бы раздваивается. В детстве он уже ощущал себя раздвоенным, он был, во первых, Жан Батистом, и во вторых, Адамбергом; последний как бы наблюдал со стороны за тем, что подделывает тот, другой, и, ухмыляясь, ходил за ним по пятам. А вот теперь их стало трое: Жан Батист, Адамберг и известная в обществе личность – Жан Батист Адамберг. Святая Троица, терзаемая противоречиями.

Он встал и отправился за кофе в соседнюю комнату, где стоял автомат, а рядом частенько болтался Маржелон. Оказалось, что там собрались почти все сотрудники, и еще была какая то женщина, судя по всему, взбудоражившая всех до крайности. Кастро терпеливо увещевал ее: «Мадам, послушайте, вам лучше уйти».

Адамберг налил себе кофе и посмотрел на женщину. Она говорила хриплым голосом, сильно нервничала и казалась расстроенной.

Очевидно, полицейские порядком ее раздражали. Одета она была во все черное. Адамберг подумал, что таких, как она, можно встретить только в Египте или еще в каком нибудь краю, где рождаются люди с прекрасными смуглыми, горбоносыми лицами, которые невозможно забыть, – как лицо его любимой малышки.

Тем временем Кастро продолжал:

– Здесь же не справочное бюро, мадам, будьте так любезны, уйдите отсюда, пожалуйста.

Женщина была уже немолода, Адамберг прикинул, что ей, должно быть, между сорока пятью и шестьюдесятью. Загорелые, сильные руки, ногти коротко подстрижены – руки женщины, много странствовавшей по свету и много чего державшей в своих ладонях.

– А зачем тогда вообще полицейские?– заявила женщина и тряхнула головой, откинув черные, до плеч волосы. – Вам всего то и нужно, что чуть чуть потрудиться и дать мне маленький совет. Разве вы от этого умрете? Если я буду сама его искать, мне понадобится лет десять, а вы за один день управитесь!

Теперь уже Кастро окончательно потерял терпение.

– Плевать я хотел на ваши дурацкие истории! – заорал он. – Тот мужик, о котором вы спрашиваете, он что, числится среди пропавших без вести? Не числится! Ну так и идите отсюда! Мы не обязаны давать частные объявления в газеты! А будете и дальше скандалить, я позову сюда начальство!

Адамберг все так же стоял в глубине комнаты, прислонившись к стене.

– Я – начальство, – произнес он, не трогаясь с места.

Матильда обернулась. Его глаза, наполовину прикрытые веками, смотрели на нее необычайно ласково, из брюк с одной стороны торчал подол небрежно заправленной сорочки, худое лицо и руки, словно украденные у статуи Родена, казалось, принадлежали двум разным людям. И тут она вдруг поняла, что теперь все пойдет хорошо.

Отделившись от стены, Адамберг толкнул дверь в свой кабинет и жестом пригласил ее войти.

– Пусть так, вы не справочное бюро, – сказала Матильда и села. – Сегодня день начался для меня неудачно. Впрочем, вчера и позавчера было не лучше. Целый отрезок недели пропал даром. Надеюсь, для вас этот отрезок прошел благополучно.

– Отрезок?

– Согласно моей теории, понедельник, вторник и среда составляют единый отрезок, отрезок первый. То, что происходит в первом отрезке, весьма отличается от того, что происходит во втором.

– То есть в четверг, пятницу и субботу?

– Точно. Если как следует понаблюдать, то можно заметить, что в первом отрезке, в общем и целом, случается больше неожиданных и серьезных событий, я подчеркиваю, в общем и целом; а вот во втором отрезке всегда больше суеты и развлечений. Все дело в ритме жизни. Такой порядок неизменен, в отличие от порядка парковки автомобилей на некоторых улицах, где полмесяца можно ставить машины, а другие полмесяца – нельзя. Интересно, почему? Чтобы улица отдохнула, что ли? Как поле под паром? Вот где загадка. Так или иначе, отрезки недели всегда постоянны. Отрезок первый: человек любознателен, он размышляет и действует. В результате случаются несчастья или творятся чудеса. Отрезок второй: человек пассивен и нелюбопытен, он равнодушен к людям и событиям. Во втором отрезке кто попало занимается чем попало, и люди частенько напиваются, в то время как в первом отрезке, вне всяких сомнений, важно все происходящее. Практика показывает, что вторые отрезки обычно не имеют серьезных последствий. С первыми – все наоборот: если в течение первого отрезка устроить какую-нибудь пакость, как было на этой неделе, она не останется безнаказанной. А тут еще вдобавок в кафе в меню значилась баранья лопатка с чечевицей. От бараньей лопатки с чечевицей у меня становится тоскливо на душе. Она приводит меня в отчаяние. Чтобы такое – и в самом конце первого отрезка! Эта проклятая лопатка – к несчастью!

– А воскресенье?

– Ну, воскресенье – это третий отрезок. Это единственный день, составляющий целый отрезок недели, что свидетельствует о том, насколько он важен. В третьем отрезке люди обращаются в паническое бегство. Если соединить ту самую баранью лопатку и третий отрезок – останется только лечь и умереть.

– Итак, на чем мы остановились? – спросил Адамберг. Внезапно у него возникло впечатление, что мысли этой женщины сбили его с толку еще больше, нежели его собственные.

– Ни на чем.

– Ах да, конечно, ни на чем.

– Мне это нравится, – произнесла Матильда. – Поскольку мой первый отрезок почти пропал даром, то, когда я шла мимо вашего здания, у меня возникла мысль, что я все же попытаю счастья, несмотря ни на что. Теперь понимаете, какой был соблазн – попытаться спасти хотя бы остаток первого отрезка, впрочем, ничего хорошего из этого все равно выйти не могло. А у вас как прошел первый отрезок?

– Неплохо, – признался Адамберг.

– На прошлой неделе первый отрезок у меня был просто потрясающий, можете мне поверить!

– И что же тогда произошло?

– Я с ходу не смогу вам рассказать, нужно заглянуть в дневник. В конце концов, завтра начнется второй отрезок и можно будет расслабиться.

– Завтра я встречаюсь с одним психиатром. Это хорошее начало для второго отрезка?

– Господи, вам что, нужна помощь врача? – изумилась Матильда. – Да нет, какая я дура, этого не может быть. Думаю, даже если бы у вас была мания мочиться под каждым фонарем на тротуарах с левой стороны улиц, вы сказали бы себе: «Будь что будет, и да хранит Господь все фонари и все тротуары на левой стороне всех улиц», – но не пошли бы выяснять у психиатра, что с вами происходит. Черт возьми, что то я слишком много болтаю. Довольно. Я сама себя утомляю.

Матильда, попросив разрешения, взяла сигарету и оторвала фильтр.

– Наверное, вы идете к психиатру из за того типа, что рисует синие круги, – добавила она. – Не смотрите так на меня, вы и сами понимаете, что я ничего здесь не вынюхивала, только вот здесь, под ножкой лампы, у вас лежат вырезки из газет, тут поневоле догадаешься...

– Да, правда,– согласился Адамберг,– из за него. Зачем вы решили зайти в комиссариат?

– Я ищу одного человека, которого не знаю.

– И почему же в таком случае вы его ищете?

– Потому что я его не знаю, вот в чем дело!

– Ну разумеется, – отозвался Адамберг.

– Я как раз шла по улице за одной женщиной, а потом потеряла ее из виду. Поэтому я зашла посидеть в какое то кафе, вот там я и познакомилась с одним красивым слепым мужчиной. Просто невероятно, сколько всяких людей ходит по улицам. Тут недолго и растеряться, ведь по хорошему то стоило бы понаблюдать за каждым. Мы немного поболтали с тем красавцем слепым, уже не помню, о чем, надо заглянуть в записи. В итоге он мне понравился. Обычно, если мне кто то понравился, я не особенно беспокоюсь: ведь я абсолютно уверена, что встречу этого человека вновь. Здесь все не так. В прошлом месяце я двадцать восемь раз предпринимала попытки выследить его и девять раз устраивала засады. Я сделала уйму записей, истратив на это две с половиной толстых тетради. Ведь так можно лучше изучить место, где живешь, правда? И что же? У меня ничего не вышло, того слепого и след простыл. С таким поражением трудно смириться. Его зовут Шарль Рейе, и это все, что мне о нем известно. Скажите, вы все время что то рисуете или мне кажется?

– Именно так.

– Думаю, взглянуть вы не позволите.

– Разумеется, не позволю.

– Любопытно смотреть на вас, когда вы поворачиваетесь на стуле в разные стороны. Слева ваш профиль кажется суровым, а справа – мягким. Получается, если вы хотите, чтобы подозреваемый заволновался, вы поворачиваетесь к нему левым боком, а если собираетесь его растрогать – то правым.

Адамберг улыбнулся:

– А если я все время верчусь то в одну, то в другую сторону?

– Тогда человек совсем теряется. Ад и рай.

И Матильда рассмеялась. Потом спохватилась и умолкла.

– Так нельзя,– вновь заговорила она,– я слишком много болтаю. Мне стыдно. «Матильда, ты все время говоришь невпопад»,– сказал как то один мой друг философ. Я ему ответила: «Да, а как нужно говорить, чтобы все время попадать в точку?»

– Можно я попытаюсь задать вопрос? – поинтересовался Адамберг. – Вы работаете?

– Вы мне, пожалуй, не поверите. Меня зовут Матильда Форестье. Адамберг убрал карандаш в карман.

– Матильда Форестье, – повторил он. – Так вы, значит, знаменитый океанограф... Я ведь не ошибся?

– Не ошиблись, но это не значит, что вы должны перестать рисовать. Я то уже знаю, кто вы, я видела табличку на двери, а ваше имя всем известно. Однако это не помешало мне болтать невесть о чем, да еще в самом конце первого отрезка.

– Если я найду красавца слепого, я вам об этом скажу.

– Почему? Кому вы хотите сделать приятное? – подозрительно осведомилась Матильда. – Мне или знаменитому океанографу, чье имя мелькает в прессе?

– Ни той, ни другой. Просто женщине, которую я пригласил войти в свой кабинет.

– Ну что ж, меня это устраивает, – сказала Матильда.

Какое то время она сидела молча, словно колебалась и никак не могла принять решение. Адамберг снова вытащил сигареты и листок бумаги. Он понял, что никогда не сможет забыть эту женщину, крохотную частичку мировой красоты, готовую вот вот исчезнуть. И невозможно предугадать, что эта женщина скажет в следующее мгновение.

– Знаете, – вновь заговорила Матильда, – в городе, как и в океане, все важные события происходят перед рассветом. Все поднимаются: и те, кто голоден, и те, кому плохо. И те, кто что то ищет, как вы, Жан Батист Адамберг, поднимаются тоже.

– Вы думаете, я ищущу?

– Несомненно, более того, ищите сразу много всего. Например, человек, рисующий синие круги, выходит из дому, когда голоден. Он рыщет, ждет удобного момента, затем внезапно оставляет след. Я то его знаю. Я искала его с самого начала, и я его выследила в ночь зажигалки, в ночь кукольной головы, а потом еще вчера, на улице Коленкур.

– Как вам это удалось?

– Я расскажу, это не так уж важно. У меня свои хитрости. Самое забавное вот что: можно подумать, он позволяет мне выслеживать его, словно дает себя приручать, но на расстоянии. Если захотите какнибудь его увидеть, свяжитесь со мной. Вы сможете только посмотреть на него издали, но не приближаться к нему и не докучать. Я делюсь тайной не со знаменитым полицейским, а с человеком, впусившим меня в свой кабинет.

– Ну что ж, меня это устраивает, – отозвался Адамберг.

– Но почему именно он, человек, рисующий синие круги? Он же не совершил ничего страшного. Чем он вас так заинтересовал?

Адамберг поднял голову и посмотрел на Матильду:

– Потому что в один прекрасный день дело примет скверный оборот. Только не спрашивайте, откуда я это знаю, очень вас прошу, ведь я не знаю, откуда, но это неизбежно.

Он тряхнул головой и откинул назад волосы, упавшие ему на глаза.

– Да, дело примет скверный оборот!

Адамберг снял ногу с колена и принялся без особого старания разбирать бумаги на столе.

– Я не могу запретить вам его преследовать, – добавил он. – Однако я не советую вам это делать. Будьте осторожны и предельно внимательны. Не забывайте о том, что я вам сказал.

Казалось, ему внезапно стало дурно, словно его собственная убежденность вызвала у него тошноту. Матильда улыбнулась и исчезла за дверью.

Некоторое время спустя Адамберг вышел из кабинета и, взяв Данглара за плечо, тихо сказал:

– Начиная с завтрашнего утра старайтесь получать информацию о том, не появился ли за ночь новый круг. Если появился, досконально его изучите. Я вам очень доверяю, Данглар. Я предупредил ту женщину, чтобы она остерегалась: дело обязательно примет скверный оборот. За последний месяц кругов стало гораздо больше. Процесс ускоряется. Есть во всем этом что то мерзкое, вы не чувствуете?

Данглар подумал и ответил неуверенно:

– Скорее что то нездоровое, как мне кажется... Но, возможно, это только грандиозный фарс...

– Нет, Данглар, нет. Эти круги прямо таки источают жестокость.

Шарль Рейе в тот момент тоже выходил из своего кабинета. Ему так надоело работать для слепых, проверять качество печати и перфорации всех этих проклятых книжек со шрифтом Брайля, ощупывать миллиарды микроскопических отверстий, общавшихся с кожей его пальцев. Однако больше всего ему надоело отчаянно изображать оригинала, мотивируя это тем, что он потерял зрение и хотел бы стать исключением из правила и заставить людей забыть о его слепоте. Как тогда, с той милой женщиной, что заговорила с ним в кафе «Сен Жак». Она была такая умная, наверное, немного сумасшедшая, хотя в этом он сомневался, но такая ласковая, такая живая, это уж

точно. А он? По обыкновению, пытался изображать оригинала. Говорил замысловатыми фразами, подбирал необычные слова с единственной целью: пусть все думают, что он, хотя и слепой, все же личность необыкновенная.

Она поддавалась на его уловки, та женщина. Старалась включиться в игру, как можно быстрее реагировать на смену притворной откровенности и вызывающего хамства. Она то была с ним искренней, просто, без рисовки рассказала историю с акулой, такая восприимчивая, чуткая, готовая прийти на помощь; она тогда еще хотела увидеть его глаза, чтобы рассказать ему, как они выглядят со стороны. Но он был поглощен тем, чтобы произвести на нее потрясающее впечатление, он не давал воли чувствам, продолжая изображать циничного и прозорливого мыслителя. "Нет, правда, Шарль, – сказал он себе, – ничего у тебя не выходит. Ты до того заигрался, что уже не способен трезво рассудить, все ли у тебя в порядке с головой".

Взять хотя бы эту его манеру ходить по улицам, вплотную прижимаясь к людям, чтобы нагнать на них страху и испытать свою ничтожную власть над ними. Или подойти к стоящим на переходе, когда горит красный свет, и, помахав белой тростью, спросить: «Может, помочь вам перейти дорогу?» – и все только для того, чтобы смутить их и воспользоваться своим положением неприкасаемого. Бедняги, они не смеют ответить и продолжают стоять у края тротуара, несчастные, как неподвижные и молчаливые камни. Ты мстишь за себя, вот что ты делаешь, Шарль. Ты мелкий негодяй высокого роста. А та женщина, королева Матильда, она даже сказала, что ты красив. А ты, хотя и испытал мгновение счастья, даже не дал ей это понять, не смог даже ее поблагодарить.

Ощупав дорогу, Шарль остановился у края тротуара. Другие люди сейчас видят скомканные тряпки, заткнутые в водосточные трубы, чтобы регулировать напор воды, и даже не подозревают о том, как это прекрасно. Подлая львица. Ему захотелось выставить на всеобщее обозрение белую трость и с гадкой улыбочкой произнести: «Может, вам помочь перейти дорогу?» Он постарался вспомнить голос Матильды, когда она сказала мягко: «У вас тяжелый характер», – и повернул в другую сторону.

Данглар тщетно пытался не поддаваться влиянию шефа. Тем не менее на следующее утро он кинулся просматривать все газеты, не задерживаясь на политике, экономике, общественных проблемах и прочей дребедени, что обычно его интересовала. Ничего. Ничего о

человеке с кругами. В этом деле нет ничего такого, что могло бы постоянно привлекать внимание журналистов.

А вот Данглар им уже заболел.

Вчера вечером его дочь, старшая из второй пары близнецов, более других детей любившая слушать рассказы отца, попутно бросив: «Пап, кончай пить, ты и так уже хорош», – сказала: «У твоего нового начальника классное имя. Если перевести, получается «Святой Иоанн Креститель с Адамовой горы». Ничего себе программу в него заложили! Ладно, раз он тебе нравится, мне он тоже нравится. Ты мне его какнибудь покажешь?» На самом деле, Данглар был совершенно помешан на своих близнецах, на всех четверых, и сам давно горел желанием показать их Адамбергу, чтобы тот сказал ему: «Они просто очаровательны». Но он не был уверен, что его малыши будут интересны Адамбергу. «Мои ребятки – мои ребятки – мои ребятки, – повторял про себя Данглар. – Мои чудесные создания».

Придя на службу, он принялся обзванивать все окружные комиссариаты и расспрашивать, не попадался ли где комунибудь из патрульных новый синий круг – «просто так, на всякий случай», ведь никто эту историю всерьез не воспринимал. Его вопросы вызывали удивление, и он объяснял, что выполняет просьбу одного из своих друзей, врача психиатра: не может же он не оказать такую маленькую услугу. О да, полицейских вечно просят оказать маленькую услугу, это всем известно, отвечали ему.

Оказывается, минувшей ночью в Париже появилось два новых круга. Один – на улице Мулен Вер, его заметил полицейский из 14 го округа, страшно обрадованный тем, что его дежурство не прошло впустую. Другой был замечен в том же квартале, на улице Фруадево: какая то женщина, увидев круг, решила, что это уже слишком, и пришла в участок жаловаться.

Возбужденный и сторающий от любопытства Данглар поднялся этажом выше и зашел к Конти, фотографу. Тот, обвешанный сумками с оборудованием, выглядел как солдат, готовый к бою. Данглар подумал, что щуплому Конти вся эта аппаратура придавала уверенности, все эти кнопки и сложные штуки внушали почтение к фотографу; впрочем, инспектору было хорошо известно, что Конти далеко не глуп. Сначала они домчались до улицы Мулен Вер: их взору предстал широкий синий круг, с наружной стороны которого вилась надпись, сделанная красивым почерком. Почти в самой середине лежали наручные часы с обрывком браслета. «Зачем нужны такие

большие круги для таких крохотных вещей?» – подумал Данглар. До сих пор он не задумывался об этой несоразмерности.

– Не трогай! – завопил он, когда Конти вошел внутрь круга, чтобы все разглядеть.

– Ты что! – возмущенно воскликнул фотограф. – Эти часы никто вроде пока не убивал. Может, еще медэксперта позовешь, раз уж на то пошло.

Конти пожал плечами и вышел из круга.

– Отстань, – проворчал Данглар, – он велел сфотографировать все как есть. Прошу тебя, сделай, как он сказал.

Впрочем, надо отметить, что, пока Конти снимал место происшествия, Данглар думал об Адамберге, поставившем его в довольно нелепое положение. Если им с Конти не повезет и поблизости окажется кто либо из местных полицейских, он совершенно справедливо решит, что в комиссариате 5 го округа все сошли с ума, раз ходят и фотографируют валяющиеся на земле сломанные часы. А еще Данглар подумал, что полиция 5 го округа и вправду окончательно спятила и он, инспектор Данглар, спятил вместе с остальными. Между тем он даже не оформил документы по делу Патриса Верну, хотя должен был это сделать в первую очередь. Коллега Кастро, наверное, пребывает в недоумении.

Попав на улицу Эмиля Ришара, мрачный и идеально прямой проход через самый центр кладбища Монпарнас, Данглар понял, почему та женщина решила подать жалобу. Обнаружив причину, он почти почувствовал облегчение.

Дело начало принимать скверный оборот.

– Ты видел? – спросил он Конти.

Перед ними были останки раздавленной машиной кошки, очерченные синим кругом. Нигде не было ни пятнышка крови, животное, видимо, подобрали в канаве, когда оно уже несколько часов как погибло. На сей раз зрелище было действительно угнетающим: бесформенный комок грязной шерсти, наводящая тоску улица, синий круг и уже знакомое: «Парень, горек твой удел, лучше б дома ты сидел!». Словно ведьмы всем напоказ устроили здесь свой жалкий шабаш.

– Я закончил, – окликнул Конти Данглара.

Возможно, это было глупо, но Данглару показалось, что увиденное произвело на Конти впечатление.

– У меня тоже все, – отозвался Данглар. – Пора смываться, не нужно, чтобы нас застукали ребята из здешнего участка.

– Еще бы, – согласился Конти. – Интересно, за кого бы они нас приняли?

Адамберг флегматично выслушал доклад Данглара, не выпуская изо рта сигарету и прищурившись, чтобы дым не ел глаза. Единственное, что он сделал, – это разом отхватил зубами ноготь на пальце. А поскольку Данглар в общих чертах уже представлял себе, что за человек его начальник, он понял: Адамберг оценил значение находки на улице Эмиля Ришара.

Как именно оценил? На сей счет у Данглара пока не было определенного мнения. То, как работает голова Адамберга, по-прежнему озадачивало и пугало Данглара. Иногда на какое то мгновение у инспектора возникала мысль: «От этого парня надо держаться подальше».

Тем не менее он знал: как только в комиссариате сообразят, что начальник тратит свое время и время своих подчиненных на поиски человека с кругами, инспектору Данглару придется его защищать. И постарался подготовиться.

– Вчера была мышь, – произнес Данглар, словно рассуждая сам с собой, а на самом деле репетируя будущую речь перед коллегами, – сегодня – кошка. Довольно мерзко. Но еще были часы. Тут Конти, конечно, прав: часы то никто не убивал.

– Убивал, еще как убивал, Данглар, – произнес Адамберг. – Завтра с утра продолжим. Я собираюсь повидаться с Веркором Лори, психиатром, он первый обратил внимание на это дело. Мне интересно узнать его точку зрения. А пока помалкивайте. Чем позже надо мной начнут потешаться, тем будет лучше для всех.

Перед выходом Адамберг отправил послание Матильде Форестье. Ему понадобилось меньше часа, чтобы отыскать ее Шарля Рейе, он лишь обзвонил основные учреждения, привлекающие к работе слепых: мастерские настройщиков, издательства, консерватории. Рейе уже несколько месяцев находился в Париже, он проживал в одном из номеров гостиницы «Жилище Великих Людей» близ Пантеона. Сообщив Матильде эту информацию, Адамберг тут же все выбросил из головы.

«Ничем не примечательный человек», – подумал Адамберг, едва взглянув на Рене Веркора Лори. Комиссар был огорчен, поскольку всегда ждал от людей слишком многого, и неминуемые разочарования причиняли ему боль.

Нет, в нем решительно нет ничего примечательного. Ко всему прочему, этот психиатр был способен кого угодно вывести из себя! Он

постоянно прерывал свою речь репликами вроде: «Вы меня понимаете? Вы следите за моей мыслью?» – или заявлениями типа: «Вы, конечно, согласитесь, что самоубийство Сократа не нужно принимать за образец», – не дожидаясь ответа, поскольку это все равно было бы напрасно. Вообще Веркор Лори тратил время и немислимое количество слов впустую. Доктор грузно откидывался в кресле, держась руками за пояс, затем замирал, изображая раздумье, и, наконец, резко подавался вперед и бросал очередную фразу: «Комиссар, наш клиент существенно отличается от других...»

Между тем доктор, само собой разумеется, вовсе не был кретином. А когда они проговорили четверть часа, дело вообще пошло на лад – не блестяще, но вполне терпимо.

– Если вам интересно узнать мнение врача клинициста, – с нажимом произнес Веркор Лори, – то скажу, что наш с вами клиент не принадлежит к категории «нормальных» маньяков. По определению, маньяки – личности маниакальные, и об этом нельзя забывать, вы меня понимаете?

Похоже, Веркор Лори пришел в полный восторг от собственных слов. Он продолжал:

– Будучи маниакальными личностями, маньяки крайне точны, придирчивы, склонны придумывать для себя определенные ритуалы и неукоснительно им следовать. Вы следите за моей мыслью? А объект наших исследований, что же мы видим у него? В его случае определенного ритуала нет ни в выборе предмета, ни в выборе места или времени совершения действия, не прослеживается ритуальность даже в количестве кругов, нарисованных в течение одной ночи... Вот! Вы чувствуете, какой колоссальный сбой! Все параметры его поступков: предмет, место, время, количество – постоянно меняются, словно это зависит от каких то обстоятельств.

А между тем, комиссар Адамберг, у настоящего маньяка ничто не зависит от обстоятельств. Вам понятно, что я говорю? Это тоже характерная черта маньяка. Маньяк скорее подчинит любые обстоятельства своей воле, чем сам им поддастся. Никакие случайности не могут стать достаточно мощным препятствием неуклонному развитию их мании. Не знаю, понимаете ли вы меня.

– Итак, вы считаете, что этот маньяк – необычный? Даже можно сказать, он и не маньяк вовсе?

– Да, комиссар, можно сказать и так. Отсюда возникает море вопросов: если речь не идет о маньяке в патологическом смысле, значит, появление кругов служит некой цели, хорошо продуманной

автором, значит, наш клиент испытывает неподдельный интерес к тем предметам, на которые он нам указывает, на которые старается обратить наше внимание. Вы следите за моей мыслью? Чтобы, к примеру, дать понять, что человеческие существа не ценят вещи, ставшие им ненужными. С того момента, когда вещи отслужили свой срок и выполнили свое предназначение, наши глаза перестают даже воспринимать их как материальный объект. Я тычу пальцем в тротуар и спрашиваю вас: «Что это там лежит?» А вы отвечаете: «Ничего». В то время как на самом деле, – доктор подчеркнул последние слова, – там целая куча всяких вещей. Вы меня понимаете? Думается мне, наш незнакомец вступил в столкновение с целым рядом мучительных вопросов, метафизических, философских, даже, если хотите, поэтических: они связаны с тем, каким образом человеческие существа решают, когда начнет и когда закончит свою реальную жизнь та или иная вещь, и здесь он выступает судьей, при том что, на его взгляд, вещи существуют вне зависимости от людей. Главное, чего я добивался, проявляя интерес к нашему клиенту, – это предупредить всех: будьте осторожны, не шутите с такого рода манией; человек, рисующий круги, возможно, обладает ясным умом, только не знает, как по иному, не прибегая к подобным акциям, выразить свои идеи. А его действия доказывают, что его ум если и расстроен, то, безусловно, очень тонко организован, вы меня понимаете? Во всяком случае, у этого господина очень мощный интеллект, поверьте мне.

– Но последовательность его действий имеет отклонения: мышшь, кошка – это ведь не вещи.

– Я вам уже говорил, что в этой истории меньше логики, чем может показаться на первый взгляд; логики было бы больше, если бы речь шла о настоящей мании. Вот это и сбивает с толку. Однако, с точки зрения нашего клиента, он нам демонстрирует, что смерть превращает живое существо – и это правда – в неодушевленный предмет с того самого мгновения, когда чувства покидают тело. С того самого мгновения, когда крышка перестает закрывать бутылку, эта крышка становится ничем, с того самого момента, когда тело твоего друга перестает шевелиться... чем становится твой друг? Вопросы примерно такого порядка и терзают ум нашего приятеля... назвать их можно одним словом: смерть.

Веркор Лори резко откинулся назад в своем кресле и замолчал. Он посмотрел Адамбергу прямо в глаза, словно говоря: «А теперь настало время обратиться в слух, потому что сейчас я сообщу вам нечто

из ряда вон выходящее». И Адамбергу подумалось, что ничего такого, пожалуй, не существует.

– Вас как полицейского наверняка интересует, представляет ли он опасность для людей, не так ли, комиссар? Скажу вам следующее: наш феномен может остаться в неизменном состоянии и постепенно исчерпать сам себя, однако, с другой стороны, теоретически, я не вижу причин, чтобы человек подобного склада, – сумасшедший, способный владеть собой, если вы меня поняли, – да еще и страдаемый жадой самовыражения, остановился на полпути. Помните, я сказал: теоретически.

Пока Адамберг пешком возвращался в комиссариат, его одна за другой посещали разные смутные мысли.

Он никогда не погружался в размышления. Он не понимал, что происходит с людьми, когда они сжимают голову руками и говорят: «Теперь надо подумать». Что за каша варится в их мозгу, как они приводят в порядок мысли, всякие там индукции, дедукции, логические выводы оставались для него полнейшей тайной. Он признавал, что все это, несомненно, приносит свои плоды, что, поразмыслив какое то время, человек делает выбор. Комиссар приходил от этого в восхищение и думал, что ему самому, наверное, чего то недостает. Когда он пытался проделать нечто похожее, когда садился и говорил себе: «Будем думать», – в его голове ничего не происходило. Более того, именно в такие моменты он ощущал свое полное ничтожество. Адамберг никогда не отдавал себе отчета в том, что он размышляет, а едва он это осознавал, как процесс останавливался. Из чего следует, что он никогда не мог сказать, откуда взялись все его идеи, замыслы и решения.

В любом случае, ему показалось, что рассуждения Веркора Лори ничуть не удивили его, он всегда знал: человек, рисующий круги, – не просто очередной маньяк. Знал и другое: этим безумцем движет вдохновенная жестокость, череде предметов в кругах непременно суждено завершиться и ее чудовищным апофеозом станет человеческая смерть. Матильда Форестье сказала бы, что комиссару не удалось узнать ничего существенного, потому что наступил второй отрезок, но сам Адамберг видел причину в том, что Веркор Лори оказался хорошим, но ничем не примечательным человеком.

Назавтра утром круг обнаружился на улице Кюнена Гридена в 3 м округе. В центре лежала одна трубочка бигуди.

Ее то Конти и сфотографировал.

В течение следующей ночи круги появились на улицах Лакретель и Кондамин в 17 м округе, в первом лежала старая дамская сумка, во втором – ватная палочка.

Конти сделал снимки сумки, потом ватной палочки, никак не комментируя происходящее, но всем своим видом выказывая раздражение. Данглар хранил молчание.

Последующие три ночи принесли новые трофеи: монету в один франк, ампулу с жидким удобрением, отвертку, а также мертвого голубя с оторванным крылом – его обнаружили на улице Жофруа Сент Илер, и эта находка, если можно так выразиться, подняла боевой дух Данглара.

Вид Адамберга, бесстрастного, с неизменной улыбкой на лице, приводил инспектора в замешательство. Он по прежнему искал в газетах и журналах статьи, содержащие хотя бы упоминание о человеке, рисующем синие круги, и беспорядочно засовывал в ящик вырезки вперемешку с фотографиями, которые по мере поступления печатал для него Конти. Теперь в комиссариате уже всем обо всем было известно, и Данглар начал беспокоиться. Однако после того, как Патрис Верну сознался в совершении преступления, Адамберга никто не рискнул трогать, хотя, конечно, так не могло продолжаться до бесконечности.

– Сколько еще будет тянуться эта история, комиссар? – поинтересовался Данглар.

– Какая история?

– Да круги эти, господи боже мой! Что ж нам теперь, всю жизнь каждое утро предаваться размышлениям, стоя над валяющимися на асфальте бигуди?

– А, так вы о кругах! Это может быть надолго, Данглар. Даже очень надолго. Но разве это так уж плохо? Заниматься кругами или чем то другим, не все ли равно? Да и бигуди выглядят очень забавно.

– Значит, мы приостанавливаем работу? Адамберг резко поднял голову:

– Об этом не может быть и речи, Данглар, ни в коем случае.

– Вы не шутите?

– Меньше, чем когда либо. Дело скоро примет скверный оборот, Данглар, я уже вам говорил.

Данглар пожал плечами.

– И нам понадобятся все документы, что лежат здесь, – произнес Адамберг, указывая на ящик стола. – Возможно, после они будут нам совершенно необходимы.

– И после чего же?

– Не будьте таким нетерпеливым, Данглар, неужели вы желаете, чтобы кто то поскорее умер!

На другое утро в 7 м округе, на проспекте Доктора Бруарделя, был найден рожок мороженого.

Матильда явилась в гостиницу «Жилище Великих Людей», чтобы найти красавца слепого. «Для такого громкого названия отель, пожалуй, маловат», – подумала она. Или, может быть, предполагается, что не нужно много номеров, чтобы поселить всех великих людей.

Дежурный у стойки позвонил в комнату Рейе и назвал имя посетительницы, затем сообщил, что господин Рейе не может к ней спуститься, у него неотложные дела. Тогда Матильда сама отправилась к нему.

– Что случилось? – крикнула Матильда через дверь. – Вы там голый и вы не один?

– Вовсе нет, – ответил Шарль.

– Чтонибудь еще похуже?

– Я мерзко выгляжу, я не могу найти бритву. Матильда задумалась:

– Вы не видите, где она? Так?

– Правильно, – отозвался Шарль. – Я обшарил все. Не понимаю, куда она могла подеваться. И он открыл дверь.

– Понимаете, королева Матильда, вещи пользуются моей слабостью. Они скрываются от меня, прячутся между сеткой кровати и матрасом, они выскакивают на пол из мусорной корзины, протискиваются в щели между плинтусом и паркетом. С меня довольно. Думаю, мне придется освободиться от вещей.

– У вас способностей даже меньше, чем у рыб, – заявила Матильда. – Те рыбы, что живут на больших глубинах, в полной темноте, как и вы, между прочим, выходят из положения и еды себе находят хоть отбавляй.

– Рыбам бриться не надо, – проворчал он. – Черт бы побрал ваших рыб, глаза б мои их не видали!

– Опять вы: «видел», «глаза»! Вы что, нарочно?

– Вот именно, нарочно. У меня целый репертуар подобных выражений: «глаза б мои не видали», «взглянул одним глазком», «я вам глазки строю», «глазам своим не верю», «у меня дурной глаз», «я на вас давно косо поглядываю», «в этом кафе меня кормят за красивые глаза», «когданибудь и я навсегда закрою глаза», «у меня глаз алмаз», и все в таком же духе. У меня этих выражений сотни. Очень

люблю их употреблять. Как те, кто снова и снова возвращается к одним и тем же воспоминаниям. Что до ваших рыб, то это правда: глаза б мои их не видали.

– Не вы один такой. Честно говоря, большинству людей на рыб наплевать. Можно я сяду на этот стул?

– Прошу вас, садитесь. Скажите, а вы то что находите в рыбах?

– Мы с ними друг друга понимаем. Кроме того, мы прожили вместе тридцать лет и теперь просто не решаемся расстаться. Если бы меня вдруг бросила какая-нибудь рыба, я бы совершенно растерялась. И потом, я с ними работаю, они мне помогают зарабатывать деньги, если хотите, они общаются со мной.

– Вы пришли ко мне потому, что я напоминаю вам одну из ваших чертовых рыб, живущих в полной темноте?

Матильда на секунду задумалась.

– Знаете, так у вас ничего не получится, – заключила она. – Хорошо бы вам стать немного рыбообразным, более гибким, более податливым. Конечно, это ваше дело, если вы поставили перед собой цель мучить всех и вся. Я пришла, потому что вам нужна была квартира, и, судя по всему, она вам по-прежнему нужна. Должно быть, у вас не так уж много денег. Между тем гостиница эта дорогая.

– Мне также дороги призраки, в ней обитающие. Главная же причина в том, что люди не хотят сдавать жилье слепому, так то, королева Матильда. Люди боятся, как бы он чего не натворил, как бы не поставил тарелку мимо стола, не помочился на ковер, решив, что он в туалете.

– Лично меня слепые вполне устраивают. Мои работы о колюшке, морском петухе и особенно о морском ангеле позволили мне купить три квартиры, расположенные одна над другой. Большая семья, занимавшая квартиры на втором и четвертом этажах, то есть «Морского ангела» и «Колюшку», уехала. Сама я живу на третьем этаже, в «Морском петухе». «Колюшку» я сдала одной странной даме, а в «Морском ангеле» вполне могли бы поселиться вы, тем более что это на втором этаже, возможно, там вам будет удобнее. Я возьму за нее недорого.

– Почему недорого?

Шарль услышал, как Матильда усмехнулась и закурила. Он нащупал рукой пепельницу и протянул ей.

– Вы подаете пепельницу окну, – сказала Матильда. – Я сижу минимум в метре слева от того места, где, как вы считаете, я должна находиться.

– О, простите. Все таки вы слишком прямолинейны. В подобных случаях люди стараются приспособиться, встают, хватают пепельницу и никак это не комментируют.

– Вы сочтете меня еще более прямолинейной, когда я вам сообщу, что квартира большая, красивая, но никто не хочет в ней жить, потому что она слишком темная. Поэтому я сказала себе: Шарль Рейе мне очень нравится. А поскольку он не видит, все сходится как нельзя лучше: ему же все равно, если он будет жить в темной квартире.

– Тактичной вас и раньше нельзя было назвать, а сейчас и подавно, – вздохнул Шарль.

– Что верно, то верно, – согласилась Матильда вполне серьезно. – Так как же, «Морской ангел» вас не прельщает?

– Пожалуй, я не прочь взглянуть на него одним глазком, – с улыбкой ответил Шарль и притронулся к своим очкам. – Думаю, это мне очень подходит: мрачный морской ангел. Но если я хочу там поселиться, я должен досконально изучить повадки этой рыбины, в противном случае моя собственная квартира станет обращаться со мной как с идиотом.

– Проще простого. *Squatina aculeata*, странствующая рыба, населяющая рыхлые придонные отложения в прибрежных зонах Средиземного моря. Почти безвкусная, мало кому нравится. Плавает как акула, загребая хвостом. Морда округлая, бахромчатые ноздри расположены по бокам, жабры широкие, в форме полумесяца, пасть оснащена многочисленными зубами, широкими у основания и заостренными к концу, наподобие шипов. И кое что напоследок: окраска коричневатая, с темными мраморными прожилками и светлыми пятнами, немного похожая, если угодно, на ковровое покрытие у входа.

– Пожалуй, этот зверь может мне понравиться, королева Матильда.

Было семь часов. Клеманс Вальмон работала у Матильды.

Она разбирала по порядку диапозитивы и умирала от жары. Она с удовольствием сбросила бы свой черный берет, с удовольствием сделала бы так, чтобы куда нибудь подевались ее семьдесят лет и волосы стали, как прежде, густыми. Но теперь она уже никогда не снимала берет. Вечером Клеманс собиралась показать Матильде в сегодняшних газетах два интересных объявления, на которые очень хотелось ответить:

Г., мужчина 66 лет, хорошо сохранившийся, высокого роста, но с небольшой пенсией, ищет женщину приятной наружности,

небольшого роста, но с приличной пенсией, чтобы вместе дожить остаток дней.

Честно и откровенно. Но было еще одно объявление, тоже весьма соблазнительное:

Сильный медиум, потомственный ясновидящий, с первого сеанса обеспечит вам необходимую защиту. Прочные любовные отношения, удача в делах, возвращение неверных супругов, хорошая работа, приворот: усиление любовных чувств и укрепление счастья. Работаю по письмам: прислать фото и конверт с маркой для ответа. Полный успех гарантирован.

«Я ничем не рискую», – подумала Клеманс.

«Морской ангел» понравился Шарлю Рейе. На самом деле он все решил сразу, как только в гостинице Матильда сказала ему о квартире; колебался он лишь потому, что хотел скрыть, до чего ему не терпелось согласиться. Шарль чувствовал, как с течением времени он становится все ужаснее, и его постепенно охватывал страх. Ему казалось, что именно Матильда, сама того не ведая, сможет вырвать его мозг из состояния болезненной ненависти, в которое он стремительно погружался. В то же время он не видел иного средства выжить, кроме как по-прежнему упорствовать в своей ненависти, и идея стать «добрым слепым» вызывала в нем чувство омерзения. Шарль шаг за шагом обходил всю квартиру, проводя ладонями по стенам, а Матильда указывала ему, где находятся двери, краны, выключатели.

– Зачем мне ваши выключатели? – спросил Шарль. – Зачем мне свет? Какая вы глупая, королева Матильда!

Матильда пожала плечами. Она уже усвоила, что приступы озлобления случаются у Шарля Рейе примерно каждые десять минут.

– А другие? – ответила Матильда. – Если ктонибудь придет к вам в гости, вы не станете включать свет и будете держать их в темноте?

– Поубивал бы всех на свете, – пробормотал Шарль сквозь зубы, словно желая оправдаться.

Он попытался отыскать кресло, натыкаясь на всю мебель в комнате, еще ему незнакомой, а Матильда не стала ему помогать. Ему так и не удалось сесть, и он повернулся к ней:

– Я сейчас стою к вам лицом?

– Более или менее.

– Включите свет.

– Он включен.

Шарль снял очки, и Матильда увидела его глаза.

– Да, конечно, – произнесла она после недолгого молчания. – Не надейтесь, что я сейчас скажу, что ваши глаза выглядят вполне сносно, потому что они ужасны. А с вашей бледной кожей они, честно говоря, делают вас похожим на живого мертвеца. В очках вы просто великолепны, а без очков смахиваете на скорпену. Если бы я была хирургом, милый Шарль, я бы вам все это подправила, чтобы вид был более подходящий. Нет никаких причин оставаться похожим на скорпену, если можно это изменить. У меня есть друг, он очень хорошо умеет делать такие вещи, он как то раз привел в порядок одного парня, который после несчастного случая напоминал рыбу солнечника – так его сплющило. Надо сказать, солнечники тоже не красавцы.

– А что, если мне нравится быть похожим на скорпену? – заявил Шарль.

– Черт возьми!– воскликнула Матильда. – Не будете же вы до конца дней утомлять меня историей своей слепоты, честное слово! Вы желаете остаться уродливым? Отлично, оставайтесь уродливым. Вы желаете быть мерзким злюкой, освежевать и выпотрошить весь мир и нарезать его на тонкие полоски? Отлично, сделайте это, милый мой Шарль, мне без разницы. Вы еще не знаете, но сейчас неудачный для вас момент: сегодня четверг, а значит, самое начало второго отрезка, а значит, до самого воскресенья никакие моральные принципы во мне не проснутся. Сострадание, терпение, утешение, вселяющие надежду предсказания и иные доблестные проявления любви к ближнему – всего этого до конца недели не предвидится. Мы рождаемся и умираем, а в промежутке, выбиваясь из сил, теряем время, делая вид, что хотим его сэкономить, – только это я могу сказать о людях. Когда наступит понедельник, я снова начну восхищаться их противной медлительностью и тысячелетиями их блистательного пути, но только не сегодня, это совершенно немыслимо. Сегодня – время бесстыдства, разброда, пустячных дел и сиюминутных удовольствий. Значит, вы вправе желать быть скорпенообразным, муреноподобным или кишечнорастворимым, или гидрой с двух головами, или Горгоной, или просто чудовищем, – пожалуйста, если вам так хочется, милый мой Шарль, только не надейтесь этим вывести меня из равновесия. Лично я люблю всех рыб без исключения, даже самых противных. Следовательно, в четверг все эти разговоры неуместны, совершенно неуместны. Своими истерическими приступами реваншизма вы вносите разлад в размеренное течение моей недели.

Что действительно могло бы стать неплохим реваншем во втором отрезке, так это подняться в «Морского петуха» и выпить по стаканчику; а заодно я представила бы вам пожилую даму, живущую наверху. Однако сегодня ничего не выйдет, вы будете плохо с ней обращаться. С Клеманс следует быть особенно деликатным. Уже семьдесят лет она одержима одной идеей: найти любовь и мужчину, и если возможно, в одном лице, а это такая редкость. Вот видите, Шарль, у каждого в жизни свои проблемы. У нее то у самой любви хоть отбавляй, порой ей случается влюбиться в когонибудь по объявлению в разделе знакомств. Она читает, теряет голову, отвечает, отправляется на свидание, ее унижают, она возвращается и начинает все снова. Она кажется слабоумной и порой немного раздражает своей чрезмерной любезностью и навязчивыми знаками внимания; при всяком удобном случае она достает карты из кармана своих широких брюк и начинает раскладывать пасьянсы и гадания. А еще я постараюсь описать вам ее внешность, поскольку в голове у вас засела нелепая мысль, будто вы ничего не видите: у нее неприветливое, худое и по мужски грубоватое лицо и мелкие острые зубки, как у землеройки, *Crocідura russula*, – пожалуй, палец ей в рот я бы совать не стала. Она очень сильно красится. Я наняла ее два раза в неделю разбирать мои бумаги. Она аккуратна и невероятно терпелива, словно у нее впереди уйма времени и умирать она не собирается никогда. Порой это меня успокаивает. Когда она работает, мысли ее где то витают, она тихонько обсуждает сама с собой свои желания и разочарования, перебирает в уме возможные свидания, репетирует то, что собирается сказать, – и старательно раскладывает по порядку документы и материалы, хотя, как и вы, рыб она всерьез не принимает. Наверное, это единственное, что у вас с нею есть общего.

– Вам кажется, мы поладим? – спросил Шарль.

– Не беспокойтесь, вы будете видеть ее нечасто, точнее, почти никогда. Она всегда где то ходит, рыщет в поисках супруга. И потом, вы ведь никого не любите – в таком случае, разве это важно, как говорила моя мать?

– Вы правы, – согласился Шарль.

Несколько дней спустя, в четверг утром, на улице Абэ де л'Эпе нашли пробку от винной бутылки, а на улице Пьера и Марии Кюри, в 5 м округе, – зарезанную женщину, лежащую лицом вверх с открытыми глазами.

Несмотря на потрясение, Адамберг невольно подсчитал, что находка имела место в начале второго отрезка, отрезка пустяков, но убийство произошло в конце первого отрезка, отрезка важных дел.

Адамберг бродил по комнате из угла в угол, но выражение его лица было более определенным, чем обычно: подбородок вперед, рот полуоткрыт, словно ему не хватало воздуха. Данглар видел, что комиссар озабочен, тем не менее он не выглядел сосредоточенным. Их предыдущий начальник был прямой противоположностью Адамберга. Прежний комиссар вечно пребывал в раздумьях, о чем то постоянно размышлял. А Адамберг, как дощатая хижина, был открыт всем ветрам. «У него мозги всегда на свежем воздухе», – думал о нем Данглар. И вправду, казалось, будто то, что проникало в его голову через уши, нос, с дымом, с шуршанием бумаги, посредством цветовых восприятий, – все это сквозняком продувало его мысли и мешало им принять четкие очертания. «Этот тип, – подумал Данглар, – обращает внимание абсолютно на все, а значит, ни на что».

Остальные четыре инспектора уже привыкли заходить в кабинет шефа и выходить, когда им вздумается, не опасаясь прервать нить его... ну, чего то вроде размышлений. Данглар действительно несколько раз замечал, что Адамберг витает где то очень далеко, дальше, чем обычно. Когда он рисовал, пристроив листок бумаги не на согнутом колене, а на животе, Данглар говорил себе: «Если я сию минуту сообщу ему, что гигантский гриб пожирает планету и остановится только тогда, когда она уменьшится до размеров ананаса, он не обратит внимания. Между тем это было бы опасно, ведь на ананасе поместилось бы не так уж много людей. Чтобы это понять, большего ума не надо».

Флоранс тоже внимательно поглядывала на комиссара. После спора с Кастро она какое то время думала, а потом заявила, что новый начальник кажется ей флорентийским принцем, немного потрепанным жизнью, – такого она видела на репродукции одной картины в какой то книжке, но в какой- точно не помнит. Во всяком случае, ей бы больше понравилось сидеть на банкетке и смотреть на него, как на выставке, особенно когда жизнь кажется отвратительной, или когда снова порвутся колготки, или когда Данглар опять будет долдонить о том, что ему неизвестно, где заканчивается вселенная и внутри чего она находится. Флоранс наблюдала за тем, как они уехали на двух автомобилях на улицу Пьера и Марии Кюри.

В машине Данглар процедил:

– Винная пробка и зарезанная женщина... что то я не вижу связи, не улавливаю. Не могу разобраться, что творится в голове этого типа.

– Когда мы заглядываем в ведро с водой, – ответил Адамберг, – мы видим дно. Погружаем руку и дотрагиваемся до него. Даже если перед нами бочка, мы можем изловчиться и достать до дна. А вот если это колодец, тут уж ничего не поделаешь. Сколько ни бросай в него камешки в надежде разобраться, где же все таки у него дно, – все бесполезно. Беда в том, что мы все равно пытаемся. С человеком всегда так: он постоянно желает «разобраться». И не имеет с этого ничего, кроме неприятностей. Вы представить себе не можете, сколько камешков лежит на дне колодцев! И бросают их не для того, чтобы услышать всплеск, когда камень падает в воду, а для того, чтобы «разобраться». А колодец – вещь опасная. Стоит только умереть тому, кто его соорудил, – и никто уже больше ничего о нем не знает. Колодец не поддается нашему разумению, он нас презирает в глубине своего таинственного чрева, где плещутся волны, расходясь кругами. Вот так ведет себя колодец, как мне кажется. А сколько волн? Куда они доходят? Чтобы узнать, нужно наклониться, опустить веревку, потом другую.

– Отличный способ утонуть, – подал голос Кастро.

– Разумеется.

– Не вижу, какая тут связь с убийством, – заявил Кастро.

– А я и не говорил, что есть какая то связь, – ответил Адамберг.

– Тогда зачем вы нам рассказываете про колодцы?

– А почему бы и нет? Невозможно все время говорить только по делу. Однако Данглар прав. Пробка от бутылки и женщина – связь непонятна. Вот что действительно существенно.

Глаза убитой женщины были открыты, в них застыл ужас, рот тоже был открыт, нижняя челюсть неестественно сдвинулась вниз. Казалось, она во всю мочь выкрикивает слова, крупными буквами написанные вокруг нее: «Парень, горек твой удел, лучше б дома ты сидел!»

Всех словно оглушило. Хотелось заткнуть уши, а между тем полицейские возле круга занимались своим делом, не проронив ни слова. Данглар рассматривал недорогое пальто, аккуратно расправленное на теле женщины от потолка до самого верха, рану на шее и длинную полосу крови, протянувшуюся до двери соседнего дома. Инспектора начало тошнить. Всякий раз, как он видел труп, его начинало тошнить, и он этого не стыдился. «Не так уж страшно, когда тебя

тошнит, если это позволяет забыть другие тревоги, тревоги душевные», – думал он, посмеиваясь.

– Ее убила крыса, вернее, человек крыса, – произнес Адамберг. – Крысы вот так кидаются и вцепляются в горло. – Потом добавил: – Кто она, эта дама?

Его любимая малышка всегда так говорила: «дама», «господин», «эта дама красива», «господин желает со мной спать», – и Адамберг так и не смог отделаться от этой привычки.

Инспектор Делиль ответил:

– Документы при ней, убийца ничего не взял. Ее зовут Мадлена Шатлен, ей пятьдесят один год.

– Вы уже начали работать над содержимым ее сумки?

– Я еще не все проверил, но ничего интересного пока нет.

– И все же расскажите.

– Ну, если в общих чертах, то обнаружены следующие предметы: журнал по вязанию, перочинный ножик микроскопического размера, маленькие кусочки мыла, какие дают в гостиницах, бумажник и ключи, а еще розовый ластик и небольшой блокнот ежедневник.

– Она чтонибудь записала на вчерашней странице?

– Да, но вы зря надеетесь, там нет ни слова о свидании с кем либо. Вот что она написала: «Не думаю, что это так уж здорово – работать в магазине товаров для вязания».

– И много у нее подобных записей?

– Кое что еще имеется. Например, три дня назад: «Интересно, почему мама считает мартини таким вкусным?» – или еще, неделей раньше: «Я ни за что на свете не решилась бы подняться на самый верх Эйфелевой башни».

Адамберг улыбался. Эксперт криминалист ворчал, что если уж нельзя находить трупы пораньше, то и от медиков чудес ждать нечего; что, судя по его первым впечатлениям, женщину убили между двадцатью двумя тридцатью и полночью, но надо бы исследовать содержимое желудка, прежде чем дать окончательное заключение. Рана была нанесена лезвием средней длины, но сначала жертва получила сильный удар в затылочную область.

Адамберг перестал думать о коротеньких записях в ежедневнике и взглянул на Данглара. Инспектор был бледен, еле держался на ногах, руки безвольно висели вдоль обмякшего туловища. Он стоял насупясь.

– Заметили чтонибудь необычное? – спросил у него Адамберг.

– Пока не знаю. Меня смущает то, что вытекающая кровь залила, практически смыла значительную часть мелового круга.

– Вы правы, Данглар. И рука дамы почти касается черты. Если бы он чертил, круг после того, как ее зарезал, мел оставил бы след в полосе крови. Кроме того, если бы я был убийцей, я бы, перемещаясь вокруг тела, не прочертил мелом линию так близко, едва не коснувшись руки жертвы.

– Предположим, что круг был нарисован заранее, так? И что убийца уложил тело внутри него уже после.

– Похоже на то. И выглядит это все крайне глупо, не правда ли? Данглар, займитесь этим вместе с ребятами из лаборатории и с графологом Менье – так, кажется, его фамилия? Теперь то фотографии Конти нам и пригодятся, как и замеры всех предыдущих кругов и образцы мела, которые вы брали с мест происхождения. Нужно сравнить все ранее полученные данные с новыми. Необходимо непременно узнать, действительно ли все это сделал один и тот же человек и когда он прочертил сегодняшний круг: до или после убийства. Вам, Данглар, я поручаю заняться жилищем, соседями, окружающими, друзьями дамы. Вы, Кастро, возьмете на себя вопросы, связанные с местом ее работы, – если таковое имелось, – с ее сослуживцами, а также с ее доходами. А вы, Нивель, выясните все, что касается ее семьи, любовных связей, ссор с близкими, возможного наследства.

Адамберг говорил неторопливо. Сегодня Данглар впервые видел, как комиссар отдает приказы. Он делал это, не демонстрируя превосходства, но и не опускаясь до просительных интонаций. Забавно было наблюдать, как все сотрудники моментально воспринимали, буквально впитывали манеру поведения Адамберга. Они впитывали ее так же неизбежно, как одежда впитывает воду во время дождя. Полицейские словно тоже промокли; они безотчетно стали вести себя как Адамберг: медленно двигаться, улыбаться, задумываться. А больше других изменился Кастро, которому, как и их бывшему комиссару, нравилось, когда разговаривают грубовато, как и подобает мужчине, когда приказы отдаются по военному четко, без лишних объяснений, когда никому не позволяют падать в обморок, громко хлопают дверцей машины и сжимают кулаки в карманах форменной куртки. Сейчас Кастро листал маленькую записную книжку дамы, чуть слышно зачитывая оттуда отдельные фразы, а сам то и дело бросал внимательные взгляды на Адамберга, словно взвешивая каждое слово комиссара; Данглар подумал, что, возможно, ему стоит поведать Кастро о своих проблемах с трупами.

– Едва я на нее посмотрю, как меня начинает тошнить, – сказал ему Данглар.

– У меня не так. Коленки трясутся. Особенно когда трупы женские. Даже если женщина такая уродина, как эта, – ответил Кастро.

– Что ты вычитал в ее дневнике?

– Послушай: «Я сделала завивку, но все равно выгляжу ужасно. Папа был уродлив, мама тоже. К чему витать в облаках? Одна покупательница попросила у меня голубой мохер, а он кончился. Бывают же такие неудачные дни».

Адамберг смотрел, как четыре инспектора усаживаются в машину. Он думал о своей любимой малышке, о Ричарде Третьем и о записной книжке дамы. Однажды его любимая малышка спросила: «Скажи, убийство похоже на пачку слипшихся макарон? Наверное, достаточно опустить их в кипящую воду, чтобы они распутались? Получается, что кипящая вода – это мотив преступления, да?» Он тогда ей ответил: «То, что распутывает, – это скорее знание, и нужно позволить ему управлять тобой». Она сказала: «Я не уверена, что поняла твои слова», – и это было нормально, потому что он тоже понимал не все, что она говорила.

Он ждал, пока медэксперт, продолжавший недовольно бурчать, закончит предварительный осмотр тела. Фотограф и остальные эксперты криминалисты уже уехали. Комиссар остался один с телом убитой дамы, он смотрел на нее, а рядом, у фургона, суетились полицейские. Он надеялся, что в нем зародится хоть крохотная частица знания. Однако он знал, что пока не встретится с человеком, рисующим синие круги, ему бесполезно напрягать мозги. Теперь нужно было собирать сведения, а для Адамберга сведения не имели ничего общего со знанием.

Судя по всему, Шарлю стало лучше, и Матильда решила, что может рассчитывать на четверть часа спокойной жизни, что за это время он не сотрет в порошок вселенную, а значит, следовало бы познать его нынче вечером со старушкой Клеманс.

По этому случаю Матильда попросила Клеманс остаться дома и даже попыталась предотвратить печальный исход встречи, уведомив соседку, что новый жилец слепой, и внушив ей, что не следует ни восклицать: «Господи Иисусе, как вы, должно быть, страдаете», ни делать вид, будто о его слепоте ей ничего не известно.

Шарль слушал, что говорила Матильда и что отвечала Клеманс. Голос последней совсем не соответствовал образу той наивной женщины, который нарисовала королева Матильда. В этом голосе

скорее слышалась глубокая убежденность человека одержимого и угадывался самобытный и недюжинный ум. Конечно, все, что она говорила, звучало довольно глупо, но за завесой слов, где то в недрах слогов и интонаций, скрывалось тайное знание, запертое в клетке и не обнаруживающее себя ничем, кроме дыхания, словно лев в бродячем цирке. Когда в ночи раздается грозный звериный рык, люди начинают понимать, что этот цирк не такой, каким кажется, что он во все не в таком плачевном состоянии, как можно было бы судить по программе выступлений. Шарль, властелин шумов и звуков, умел безошибочно различать этот мощный рык, раздающийся неведомо откуда и оттого еще более пугающий.

Матильда налила Шарлю виски, а Клеманс продолжала рассказывать обрывочные истории из своей жизни. Клеманс вызывала в нем беспокойство, а рядом с Матильдой он чувствовал себя счастливым. Удивительная женщина, спокойно принимающая его озлобленность на весь мир.

– А этот мужчина,– продолжала Клеманс,– был просто умопомрачителен, вы бы со мной согласились. Так вот, он сказал мне, что я интересная женщина, я точно повторяю его слова. Он не посмел зайти слишком далеко, но я поняла, что все к тому и идет. Ведь он хотел, чтобы я поехала с ним в путешествие по Океании, потому что собирался жениться на мне. Господи Иисусе, какое счастье! Он попросил меня продать мой дом в Нейи и всю обстановку. Все, что осталось, я сложила в два чемодана, а он сказал: «Ты ни в чем не будешь нуждаться». Я приехала в Париж, чтобы встретиться с ним, и я была слишком веселой: тогда бы мне и заподозрить, что у меня что то не клеится. Я сказала себе: «Клеманс, старушка, ты потратила столько времени, но теперь все в порядке, благодарение Господу, ты невеста, твой жених – человек образованный, и ты едешь с ним путешествовать по Океании. Только вместо Океании я восемь с лишним часов разглядывала достопримечательности станции «Сансье Добантон». Я прождала его весь день, и отсюда, из метро, меня вечером забрала Матильда, которая заметила меня здесь еще утром. Должно быть, она подумала: «Господи Иисусе, у этой милой старой женщины что то в жизни не клеится».

– Клеманс иногда бывает такой фантазеркой, – вмешалась в рассказ Матильда,– она изменяет факты, как ей вздумается. На самом деле вечером, в день ее одинокой свадьбы на станции «Сансье Добантон», она отправилась на поиски гостиницы и, проходя по улице

мимо моего дома, увидела объявление: «Сдается». Так она и попала ко мне.

– Наверное, так могло быть,– ответила Клеманс,– хотя, в сущности, все было по другому. С тех пор, стоит мне оказаться на станции метро «Сансье Добантон», как я начинаю путать ее с островами в Тихом океане. Таким образом, я все таки путешествую. Знаете, Матильда, вам дважды звонил какой то господин, у него такой мягкий голос, Господи Иисусе, я думала – в обморок упаду, только имени его я не могу припомнить. Кажется, что то срочное. Что то у него не клеится.

Клеманс постоянно была на грани обморока, но насчет голоса по телефону она, вероятнее всего, не ошиблась. Матильда сразу подумала, что речь идет, должно быть, о том полицейском, странном и обольстительном, с которым она познакомилась десять дней назад. Но она не представляла, зачем Жан Батисту Адамбергу понадобилось звонить ей так срочно. Разве что он вспомнил о ее обещании свести его с человеком, рисующим синие круги. Тогда она предложила это сгоряча, но еще и потому, что боялась упустить возможность снова увидеть этого полицейского, оказавшегося для нее в тот день ценнейшей находкой и в последний момент спасшего ее первый отрезок. Она знала, что этого парня ей будет нелегко забыть, что он поселился где то в уголке ее памяти по меньшей мере на несколько недель и освещает ее дни своей беспечностью и спокойствием. Матильда нашла номер телефона, нацарапанный мелкими каракулями Клеманс – почерком землеройки.

Адамберг вернулся в свой кабинет, чтобы дождаться звонка Матильды Форестье. День обещал быть точно таким же, какими обычно бывают дни после убийства: в лаборатории молча трудились эксперты, взмокшие от напряжения, в кабинетах висел густой, едкий запах пота, повсюду на столах стояли пластиковые стаканы, графолог жадно изучал снимки, ранее сделанные Конти. Необычное дело об убийстве погрузило комиссариат 5 го округа в лихорадочную атмосферу страхов и опасений. Чего все боялись – провала дела или самого убийцы, действительно жуткого типа,– в этом Адамберг даже не пытался разобраться. Чтобы не видеть того, что творится в конторе, он решил отправиться на улицу и до вечера побродить по городу. Данглар перехватил его у самой двери. Был еще только полдень, а Данглар, судя по всему, уже крепко выпил. Инспектор предупредил Адамберга, что с его стороны крайне неосмотрительно уходить из комиссариата в день, когда произошло убийство. Не мог же Адамберг признаться ему в том, что лицезрение одновременно десятка

человек, погруженных в напряженные раздумья, напрочь лишает его всяких мыслительных способностей.

Ему нужно было, чтобы его коллеги немедленно пришли в себя, выздоровели от этого недуга, этой трехдневной лихорадки, чтобы никто из них ничего не ждал от Адамберга, и тогда он смог бы разобраться в собственных мыслях. А сейчас, когда весь комиссариат находился в состоянии крайнего возбуждения, его мысли бросились в рассыпную, как струсившие солдаты, удирающие с поля боя. Вот уже много лет, как Адамберг усвоил простую истину, заключающуюся в том, что сражение прекращается, когда некому сражаться. Сам он тоже всегда прерывал работу, когда у него не было новых идей, не пытаясь вытащить их из дальних углов мозга, где они могли деформироваться, а значит, усилия все равно оказались бы напрасными.

У двери его ждала Кристиана.

Какое невезение, он так хотел побыть один! Или тогда уж провести ночь с молоденькой соседкой, живущей этажом ниже; он раз пять сталкивался с ней на лестнице, один раз встретил на почте, и она вызвала в нем прилив нежных чувств.

Кристиана сообщила, что приехала из Орлеана и собирается провести с ним выходные.

Пока она говорила, он пытался угадать, что именно тогда, на почте, хотела выразить взглядом его юная соседка: может быть, «я не прочь вас полюбить», а может, «я не прочь поболтать, мне скучно». Адамберг был мягким и сговорчивым человеком, он имел склонность спать со всеми девушками, если они того хотели, иногда это даже казалось ему совершенно правильным, потому что такое поведение, похоже, доставляло всем удовольствие, а иногда он считал это всего лишь суетой. В любом случае, понять, чего хочет от него соседка снизу, не представлялось возможным. Он попытался подумать еще, но потом решил отложить это до лучших времен. Какой вывод сделала бы его сестричка? Его сестричка была настоящей фабрикой по производству мыслей – просто убийственно. Она излагала свои соображения по поводу каждой его подруги, какую ей доводилось встретить. О Кристиане она сказала: «Оценка «три», тело безупречное, на часок даже может развлечь, извилины шевелятся медленно, мозг работает центростремительно, мысли концентрические: три основные, а остальные цепляются за них; обычно пару часов ходит вокруг да около, а потом бежит в постель, в любви услужлива до

самопожертвования, и не только в первую ночь, но и после. Диагноз: не злоупотреблять, лучше сменить на другую».

Однако не из за этого Адамберг весь вечер старательно избегал Кристианы. Возможно, из за девушки соседки и ее взгляда там, на почте. Возможно, по другой причине: ожидавшая его Кристиана была абсолютно уверена в том, что он ей улыбнется, уверена, что он распахнет перед ней двери, распахнет рубашку, распахнет свои объятия в постели, уверена, что завтра утром она стнет варить ему кофе. Уверена. А Адамберга просто убивало, когда кто то был в нем уверен. У него тут же возникало неудержимое желание разочаровать этого человека. Кроме того, в последнее время он что то слишком часто, по поводу и без повода, вспоминал свою любимую малышку. Особенно сегодня днем, когда вдруг осознал, что прошло уже девять лет, как он ее не видел. Господи, целых девять лет! Внезапно его осенило, что это ненормально. И ему стало страшно.

До сегодняшнего дня он представлял себе, как она путешествует по морю на голландском корабле, или бороздит пески пустыни на берберском верблюде, или учится метать копье в Африке под руководством воина из племени фульбе, или поедает третий круассан в «Кафе спортсменов и художников» в Бельвиле, или гоняет тараканов, ползающих по ее постели в гостиничном номере в Каире.

Сегодня он впервые представил ее мертвой.

Его это настолько потрясло, что он зашел в кафе, сел за столик и заказал кофе. Лоб его пылал, а на висках выступил пот. Он видел ее: она умерла несколько дней назад, ее тело разложилось и лежит под могильной плитой, и рядом с ней в могиле – маленький сверток с останками Ричарда Третьего. Он пытался звать на помощь араба с верблюдом, воина африканца с копьем, голландского моряка, владельца кафе в Бельвиле. Он умолял их вернуться и вновь возникнуть у него перед глазами, сыграть спектакль, как в театре марионеток, и изгнать видение могильной плиты. Но ни один из этих негодяев не соизволил объявиться. Они оставили Адамберга на растерзание страху. Мертва, мертва, мертва. Камилла мертва. Конечно, она мертва. Покуда он представлял ее себе живой, даже если она обманывала его, как и он ее, и скрывала от него свои мысли, даже если она ласкала молодого служащего в каирской гостинице, присланного прогнать тараканов, или фотографировала облака где нибудь в Канаде (Камилла коллекционировала облака с человеческим профилем, а найти их совсем не просто), даже если она уже не помнила ни лица Адамберга, ни его имени, – даже если все обстояло именно так, но

Камилла по прежнему существовала где то на этой земле, все было в полном порядке. А если Камилла умерла в каком нибудь уголке планеты, значит, прервалось дыхание жизни.

Если умерла Камилла, чудесное дитя греческого бога и египетской уличной девки (Адамбергу казалось, что только таким и могло быть происхождение его малышки), тогда уже не стоило суетиться по утрам и заниматься весь день делами. Наверное, не стоило ни разыскивать убийцу, ни помнить, сколько сахару класть в кофе, ни спать с Кристианой, ни замечать камни на мостовой, если где то на свете не украшала собою жизнь его Камилла; серьезность ее чела и беспечность ее уст, соединяясь, сплетались в восьмерку – символ бесконечности. Если Камилла умерла, значит, Адамберг потерял единственную женщину, которая могла тихонько прошептать ему утром: «Жан Батист, я уезжаю в Уахигуиа. Это у истоков Белой Вольты». Отстранившись от него, она сказала: «Я тебя люблю», оделась и ушла. Он подумал, что надо не забыть купить хлеба. А она не вернулась, его любимая малышка. Прошло девять лет. Он был бы не так уж далек от истины, если бы сказал: «Я знаю, что такое Уахигуиа, я даже прожил там какое то время».

Ко всему прочему, теперь здесь была Кристиана, уверенная в том, что утром сварит ему кофе, тогда как его любимая малышка отдала концы где нибудь на другом краю земли, а его не было рядом, чтобы хоть попытаться что нибудь сделать. И он в один прекрасный день испустит дух, так и не повидавшись с ней. Он мечтал, что Матильда Форестье сможет вытащить его из этого мрака, хотя звонил ей совсем по другому поводу. Он надеялся, что, увидев Матильду, сможет запустить фильм с того момента, где застряла пленка: с эпизода в карирском отеле. И Матильда позвонила.

Адамберг посоветовал лишившейся последних иллюзий Кристиане побыстрее лечь и уснуть, потому что он вернется поздно, и полчаса спустя он уже был в доме Матильды Форестье.

Она встретила его с такой радостью, что он даже перестал задыхаться от преследовавшего его последние несколько часов ощущения, будто внутри него умирает вселенная.

Она даже порывисто поцеловала его – не то в щеку, не то в губы, – рассмеялась и заявила, что это было очень приятно, что она сразу присмотрела место для поцелуя, что в таких вещах она всегда очень щепетильна, что ему не стоит беспокоиться, потому что она берет в любовники только мужчин своего возраста и этот принцип соблюдается ею неукоснительно, дабы избежать ненужных историй и

неприятных сравнений. Затем она положила руку ему на плечо и проводила к столу, где какая то старая дама раскладывала пасьянс и одновременно разбирала почту, а слепой великан, сидевший рядом, судя по всему, давал ей советы касательно обеих ее занятий. Стол был овальный и прозрачный, внутри него в воде плавали рыбы.

– Это стол аквариум,– объяснила Матильда. – Я его сама придумала как то вечером. Вещь броская и немного легкомысленная... как я сама. Рыбам не нравится, когда Клеманс раскладывает пасьянсы. Всякий раз, как она хлопает картой по столу, они пугаются и прячутся, видите?

– Не сошлось, – вздохнула Клеманс, собирая колоду. – Это знак: должно быть, мне не следует отвечать на объявление хорошо сохранившегося мужчины шестидесяти шести лет. А мне так хочется. Я так прониклась тем, что там написано.

– И много раз вам приходилось отвечать на объявления? – осведомился Шарль.

– Две тысячи триста пятьдесят четыре раза. Но никого подходящего я так и не встретила. Наверное, судьба у меня такая. Иногда я говорю себе: «Клеманс, никогда – никогда у тебя ничего не получится».

– Получится обязательно, – сказала Матильда, стараясь ее подбодрить, – особенно если Шарль поможет вам составлять ответы. Он ведь мужчина, поэтому знает, что могло бы понравиться другим мужчинам.

– Однако, судя по всему, этот товар продать не так то просто, – заявил Шарль.

– Я рассчитываю на вас, может, вы все таки найдете какой нибудь способ,– ответила Клеманс с таким видом, словно никогда и ни на что не обижалась.

Матильда провела Адамберга в свой кабинет:

– Давайте устроимся за моим космическим столом, если он вас не раздражает. Он оказывает на меня благотворное воздействие.

Адамберг внимательно осмотрел стол из черного стекла, усыпанный сотнями сверкающих точек, создаваемых подсветкой снизу. Они составляли изображения небесных созвездий. Это было очень красиво, даже слишком.

– Мои столы совершенно неинтересны с коммерческой точки зрения,– сообщила Матильда. – Напротив вас,– продолжала она, тронув пальцем столешницу,– находится созвездие Скорпиона, вот здесь – Змееносец, дальше Лиры, Геркулес, Северная и Южная Корона. Вам

нравится? Я обычно сижу здесь, поставив локти на созвездие Рыб. Открытые людьми созвездия – сплошной самообман. Пока их открывают, тысячи звезд, свет которых мы видим, успевают исчезнуть, и получается, что известное нам небо уже устарело. Вы представляете, Адамберг? Устаревшее небо, а? И если мы его все же видим именно таким, что это нам дает?

– Госпожа Форестье, – произнес Адамберг, – мне бы хотелось, чтобы вы сегодня ночью отвели меня к человеку, рисующему синие круги. Вы сегодня не слушали радио?

– Нет, – ответила Матильда.

– Сегодня утром в двух шагах отсюда, на улице Пьера и Марии Кюри, нашли женщину с перерезанным горлом, лежащую в точно таком же круге, какие были раньше. Обычная толстушка, без признаков порочных наклонностей, которые могли бы послужить причиной ее убийства. Человек, рисующий синие круги, перешел пределы дозволенного.

Лицо Матильды помрачнело, она подперла щеки сжатыми кулаками, потом резко вскочила, достала бутылку скотча и два стакана и поставила все это на созвездие Орла, между Адамбергом и собой.

– Не очень то со мной весело сегодня, – произнес Адамберг. – Это убийство прочно засело у меня в голове.

– Это заметно. Выпейте глоток, – предложила Матильда. – Сначала расскажите мне о зарезанной женщине, а о другой смерти поговорим после.

– О какой другой? – удивился Адамберг.

– Наверняка есть и другая смерть, – сказала Матильда. – Если бы у вас делалось такое лицо всякий раз, как где нибудь совершалось убийство, вы давно уже сменили бы профессию. Значит, умер кто то еще и от этого вы места себе не находите. Я должна отвести вас к человеку, рисующему синие круги, потому что вы хотите его арестовать?

– Для этого еще время не пришло. Я хотел бы засечь его местонахождение, увидеть его и познакомиться с ним поближе.

– Я не знаю, что мне делать, Адамберг, потому что мы с этим человеком стали чем то вроде сообщников. То, что я вам рассказала в прошлый раз, должно было остаться между нами – между ним и мной. На самом деле за это время я видела его более десятка раз, и уже на третий раз мои уловки не остались незамеченными. Хотя он по прежнему держался от меня на расстоянии, он больше не прятался, когда я за ним следила, иногда поглядывал на меня, кажется, даже

улыбался: я точно не могу сказать, он никогда не давал мне приблизиться или опускал голову. А в прошлый раз он даже едва заметно махнул мне рукой, прежде чем уйти, я совершенно уверена. Раньше я не хотела вам это рассказывать, потому что у меня не было ни малейшего желания попасть в категорию маньяков. Впрочем, разве можно помешать полицейским делить всех людей на категории?

Однако сейчас все изменилось, потому что полиция разыскивает этого человека за убийство. Вы знаете, Адамберг, он кажется мне совершенно безобидным. Я достаточно таскалась ночью по улицам и научилась чувствовать опасность. Рядом с ним у меня не возникало такого ощущения. Он маленького роста, для мужчины – просто крохотного, щуплый, ухоженный, черты лица подвижные и какие то странные, словно смещенные, выражение его постоянно меняется; в общем, красивым этого человека не назовешь. Ему, вероятно, лет шестьдесят пять. Прежде чем присесть на корточки, чтобы сделать надпись, он приподнимает полы плаща, чтобы их не запачкать.

– Как он чертит круг, изнутри или снаружи?

– Снаружи. Он идет, идет, потом останавливается как вкопанный около какой нибудь штуки на асфальте и тут же вынимает из кармана мел с таким видом, словно совершенно уверен, что наконец нашел то, что искал весь вечер. Он осматривается, ждет, пока улица опустеет: он старается остаться незамеченным, и только мое присутствие он готов терпеть, и для меня самой это необъяснимо. Возможно, он предполагает, что я способна его понять. Вся операция занимает у него секунд двадцать. Он чертит большую окружность, обходя вокруг предмета, потом садится на корточки и делает надпись, не забывая постоянно озираться. И тут же исчезает со скоростью света. Он проворный, как лисица, и, похоже, у него есть свой звериные тропы. Ему всегда удавалось оторваться от моего преследования, и мне так и не удалось засечь место его убежища. Во всяком случае, если вы арестуете этого типа, боюсь, вы сделаете ужасную глупость.

– Не знаю, – отозвался Адамберг. – Пока что мне надо бы на него взглянуть. Как вы его нашли?

– Никаких чудес здесь нет, я просто его искала. Перво наперво я обзвонила нескольких своих друзей журналистов, тех, кого с самого начала заинтересовала эта история. Они мне дали телефоны людей, сообщивших о появлении кругов. Тогда я позвонила очевидцам. Вам, должно быть, кажется странным, что я лезу не в свое дело, но вы это так воспринимаете, потому что никогда не занимались рыбами. Когда проведешь столько времени, внимательно разглядывая рыб,

поневоле подумаешь, что тебя занесло куда то не туда, что человеческие существа заслуживают по меньшей мере такого же внимания и за ними наблюдать не менее интересно.

Ладно, это я вам объясню в другой раз. Почти все свидетели заметили круги до половины первого ночи, не позже. Поскольку человек, рисуя круги, колесит по всему Парижу, я подумала: «Отлично, этот тип ездит на метро и боится опоздать на пересадку». Не правда ли, соблазнительная теория? Глупо, да? Однако два круга были обнаружены около двух часов ночи, недалеко друг от друга: на улицах Нотр Дам де Лорет и Тур д'Овернь. Улицы эти оживленные, поэтому я и предположила, что круги были нарисованы поздно, после закрытия метро. А возможно, и потому, что он живет где то поблизости. Так, до сих пор я достаточно ясно все излагала?

Адамберг медленно кивнул. Он был восхищен.

– Следовательно, решила я, если это так, то он живет около станции «Пигаль» или «Сен Жорж». Четыре вечера подряд я ждала в засаде на станции «Пигаль»: ничего. Между тем за это время появились круги в семнадцатом и втором округах, но никто, похожий на моего незнакомца, не входил в метро и не выходил из него между десятью часами вечера и закрытием станции. Тогда я решила попытаться счастья на станции «Сен Жорж». Там я заметила одинокого маленького господина, державшего в карманах сжатые кулаки и упорно смотревшего в пол. Он сел в поезд в десять сорок пять. Я заметила и других, также напоминавших разыскиваемого мной человека. Но только одинокий маленький господин вернулся обратно в четверть первого, а четыре дня спустя повторил тот же маршрут: туда и обратно.

В следующий понедельник, в начале первого отрезка и новой эры, я вновь пришла на станцию «Сен Жорж». Он появился, я последовала за ним. В ту ночь нашли стержень от шариковой ручки. Это действительно был он, тот человек. Потом я несколько раз ждала его у выхода из метро, чтобы выяснить, где находится его дом. Но здесь то он от меня и уходил. Разумеется, я не бросалась за ним вдогонку, я же не полицейский.

– Не хотелось бы говорить, что вы проделали фантастическую работу, получается как то слишком по полицейски, и все таки скажу: фантастическая работа!

Адамберг часто употреблял слово «фантастический».

– Да, у меня получилось, – согласилась Матильда, – уж во всяком случае, получше, чем с поисками Шарля Рейе.

– Скажите, он вам действительно нравится?

– Он злой как черт, он мерзкое создание, но это меня не смущает. Он станет противовесом Клеманс, той пожилой даме, которую вы только что видели, она то добра до идиотизма. Иногда даже можно подумать, что она так ведет себя нарочно. Ни меня, ни тем более Клеманс Шарль не сможет заставить сцепиться с ним. Ему это только на пользу, так у него клыки затупятся.

– Кстати, у Клеманс очень странные зубы.

– Так вы заметили? Они точь в точь как у *Crociodura russula*, то есть у землеройки, совсем не похожи на человеческие. Наверное, это отпугивает ее ухажеров. Надо бы переделать глаза Шарля, переделать зубы Клеманс, переделать весь мир. Тогда потом можно будет лечь и помереть со скуки. Если поторопимся, к десяти часам успеем на станцию «Сен Жорж», ведь вы хотите именно этого; тем не менее я вам еще раз говорю, Адамберг: думаю, что это не он. Думаю, кто то другой использовал его круг после него. Это возможно, как вы считаете?

– Это мог сделать только тот, кто чертовски хорошо изучил его привычки.

– Я их хорошо изучила.

– Да, только говорите об этом потише, потому что вас начнут подозревать в том, что вы выследили человека с кругами в ночь убийства, потом привезли оглушенную жертву в вашей машине на улицу Пьера и Марии Кюри, положили ее в центр круга, следя, чтобы тело ни на сантиметр не выступало за пределы черты, и зарезали бедную женщину на месте. Однако все это, наверное, скучно.

– Вовсе нет. Так странно все сложилось, что теперь мне действительно надо попытаться сделать так, чтобы не обвинили меня. Между прочим, это очень заманчиво: маньяк, подносящий себя на блюдечке правосудию, рисующий круги диаметром два метра, точно по размеру человеческого тела. А ведь это могло у многих вызвать желание когонибудь убить.

– А откуда у правосудия возьмется мотив преступления, если будет доказано, что человек, рисующий круги, никогда не был знаком с жертвой?

– Правосудие придет к выводу, что это немотивированное убийство, совершенное маньяком.

– В данном случае классические признаки такого убийства отсутствуют. Тогда почему «настоящий» убийца, согласно вашей гипотезе,

мог быть уверен в том, что вместо него обвинение предъявят человеку, рисуящему круги?

– У вас появились какиенибудь мысли, Адамберг?

– По правде говоря, мадам, никаких. Просто от этих кругов исходит ощущение тревоги, и я с самого начала это почувствовал. Не знаю, убивал ли ваш подопечный эту женщину, может статься, и нет. Возможно также, что человек с кругами сам оказался жертвой. Похоже, вы умеете анализировать и делать выводы гораздо лучше меня, ведь вы занимаетесь наукой. Работая, я не разбиваю дело на этапы, не прибегаю к дедуктивному методу. Хотя в данный момент я чувствую, что человек, рисующий синие круги, – далеко не ангел, даже если он ваш подопечный.

– Но у вас ведь нет никаких доказательств?

– Ни единого. Однако вот уже несколько недель, как я стремлюсь все о нем узнать. Он был опасен уже тогда, когда обводил мелом ватные палочки и бигуди. Таким он и остался.

– Господи боже мой! Адамберг, да у вас же все получается шиворот навыворот! Это все равно что заявить, будто блюдо протухло, оттого что вас начало тошнить еще задолго до обеда!

– Знаю.

По лицу Адамберга было видно, что он недоволен собой, что ему хотелось бы скрыться среди своих грез или своих кошмаров, куда Матильда не смогла бы за ним последовать.

– Идем, – сказала она. – Вперед, на станцию «Сен Жорж»! Если нам сегодня повезет и мы его увидим, вы поймете, почему я стараюсь защитить его от вас.

– Ну и почему же? Потому что человек, махнувший вам рукой, не может быть таким уж плохим?

Он смотрел на нее, склонив голову набок и как то странно сложив губы. Он был так красив в эту минуту, что Матильда снова подумала, что с появлением этого человека жизнь хоть чуть чуть, но изменилась к лучшему. Шарлю надо переделать глаза, Клеманс надо переделать зубы, а вот Адамбергу следовало бы переделать на лице абсолютно все. Ведь оно такое неправильное: что то кривовато, что то маловато, что то великовато. Но Матильда, будь ее воля, навсегда запретила бы хоть что то менять в этом лице.

– Вы слишком красивы, Адамберг, – произнесла она. – Вам бы не полицейским работать, а проституткой.

– Но я в каком то смысле проститутка, госпожа Форестье. Как и вы.

– Значит, именно из за этого вы мне так нравитесь. Однако это не помешает мне доказать вам, что мои догадки относительно нашего героя ничем не хуже ваших. Помните о том, что сегодня вы его не трогаете, во всяком случае, в моем присутствии, даете слово?

– Обещаю, я вообще никого и ничего не буду трогать, – ответил Адамберг.

Произнеся эти слова, он решил, что постарается так же вести себя и с Кристианой, которая сейчас ждет его в постели совершенно голая. Между тем, когда девушка раздевается, отвергать ее нехорошо. Как говорила Клеманс, сегодня вечером что то явно не клеилось. У самой Клеманс, впрочем, вообще ничего не клеилось.

Что касается Шарля Рейе, у того не просто что то не клеилось – он весь трясся, словно на крутом вираже, и внутри у него все клокотало. Когда Адамберг следом за Матильдой, зашедшей взять пальто, вернулся в большую комнату, Шарль продолжал беседовать с Клеманс; та слушала его напряженно и сочувственно, неумело затягиваясь сигаретой, как начинающий курильщик. А Шарль говорил:

– Однажды вечером моя бабушка умерла, объевшись пряников, которые пекли монашки. Но настоящая трагедия в семье разыгралась, когда на следующее утро мы обнаружили, Что отец сидит за столом и доедает эти самые пряники.

– Понятно, – откликнулась Клеманс. – Так что же мы все таки напишем тому типу шестидесяти шести лет?

– Спокойной ночи, птички мои, – уходя, пожелала им Матильда.

Она уже начала действовать, неутомная Матильда, она уже бежала к лестнице, мчалась на станцию «Сен Жорж».

Но Адамберг не умел торопиться.

– «Сен Жорж», Святой Георгий! – кричала ему Матильда, ловя такси на улице. – Это не он, случайно, сразился со змеем и победил его?

– Не знаю, – отозвался Адамберг. Такси доставило их на станцию «Сен Жорж» в пять минут одиннадцатого.

– Порядок, – сказала Матильда. – Мы вовремя.

До половины двенадцатого человек, рисующий круги, так и не появился. У ног Матильды и Адамберга образовалась куча окурков.

– Дурной знак, – произнесла Матильда. – Он уже не придет.

– Он опасается, – сказал Адамберг.

– Опасается чего? Обвинения в убийстве? Это смешно. Мы же не можем быть абсолютно уверены в том, что он слушал радио и знает

о случившемся. Просто он выходит не каждый вечер, вы же помните!

– Вы правы, может быть, он еще ничего не знает. Или знает и потому проявляет осторожность. Теперь, когда ему известно, что за ним следят, он изменит маршрут. Это точно. Нам будет очень непросто его найти.

– Потому что он убил ту женщину, да, Адамберг?

– Не знаю.

– Вы не пробовали считать, сколько раз в день вы говорите «Я не знаю» и «Может быть»?

– Я не знаю.

– Я в курсе того, каких успехов вы достигли, вы всегда чертовски хорошо работали. Тем не менее стоит вас увидеть, как возникает куча вопросов. Вы уверены, что ваше место именно в полиции?

– Несомненно. Кроме того, я еще кое чем занимаюсь.

– Например?

– Например, я рисую.

– Рисуете что?

– Листья деревьев, потом опять листья деревьев.

– И вам это кажется увлекательным? Что до меня, то я бы, наверное, сдохла со скуки.

– Но вы то сами увлекаетесь рыбами, а это ничуть не лучше.

– Да что вы все имеете против рыб? Скажите, вам никогда не хотелось рисовать лица? По моему, это менее занудно.

– Этим я займусь позже. Гораздо позже или вообще никогда. Сначала надо рисовать листья деревьев. Любой китаец скажет вам то же самое.

– Позже... Мне кажется, вам уже стукнуло сорок пять, или я ошибаюсь?

– Правда, но мне совершенно в это не верится.

– Слушайте, вы точно как я!

Поскольку сильно похолодало, а у Матильды в кармане пальто лежала фляжка коньяку, поскольку вовсю шел второй отрезок и их постигла неудача, им следовало немного выпить.

Уже опустились решетки на дверях метро, а человек, рисующий синие круги, так и не появился. Зато у Адамберга было достаточно времени, чтобы рассказать Матильде о том, что его любимая малышка умерла неизвестно где, вдали от него, а его не было рядом, и он не мог этому помешать. Казалось, эта история поразила Матильду. Она сказала, что стыдно было оставлять малышку умирать, что

она, Матильда, знает весь мир как свои пять пальцев и, конечно, сможет точно узнать, похоронили ли гденибудь его малышку, все равно, с обезьянкой или без нее. Адамберг тем временем почувствовал, что пьян как свинья, вероятно, оттого, что не привык пить. Он даже не мог внятно произнести «Уахигуиа».

К этому времени Данглар находился примерно в таком же состоянии. Близнецы требовали, чтобы он выпил большой стакан воды, потому что, как они говорили, «надо разбавить». Кроме двух пар близнецов, был еще пятилетний мальш, который сейчас спал, свернувшись калачиком у него на коленях. Об этом мальчике он не решился сказать Адамбергу. Этого ребенка его жена сделала с каким то голубоглазым парнем, это совершенно очевидно, и в один прекрасный день оставила его у Данглара, заявив, что если уж на то пошло, пусть лучше все детишки будут вместе. Два раза по два близнеца плюс один непарный, тот, что спит, свернувшись калачиком, у него на коленях, – всего получается пять. Данглар очень боялся, что, если он обо всем этом расскажет, его сочтут слабоумным.

– Надоели вы мне с вашим «надо разбавить, надо разбавить», – заявил он. – Вот ты, например, – обратился он к старшему из старших близнецов, – Мне совершенно не нравится, когда ты наливаешь белое вино в пластиковые стаканчики под предлогом, что хочешь проявить заботу и понимание и что тебе вовсе не противно белое вино в пластиковых стаканчиках. Во что превратится наш дом, если повсюду будут валяться пластиковые стаканы, как ты думаешь, Эдуар?

– Но дело не в этом, – возразил мальчик. – И вкус получается другой, и стаканчик можно смять.

– Слышать об этом не желаю, – возмутился Данглар. – О мягкости стаканов ты будешь рассуждать, когда господин виконт де Шатобриан и девяносто юных дев отпустят тебя и ты станешь полицейским, снаружи хорошо одетым, а внутри вялым и придурковатым. То то я бы удивился, если бы с тобой такое случилось. Слушайте, а не устроить ли нам сегодня тайное сборище?

Когда Данглар и его ребятишки устраивали тайное сборище, это означало, что они намеревались обсуждать полицейские дела. Разговоры могли продолжаться часами, и дети это обожали.

– Представьте себе, – заговорил Данглар, – наш Иоанн Креститель умотал на весь день, а нас оставил разгребать дерьмо. Меня это так взбесило, что к трем часам я, сам не знаю как, уже здорово набрался. В общем, нет никаких сомнений, что надписи около прежних кругов

и около круга с мертвой женщиной сделаны одним и тем же человеком.

– «Парень, горек твой удел, лучше б дома ты сидел!», так? – с выражением продекламировал Эдуар. – Или: «Эдуар, пора домой. Ночь темна, а ты бухой», или: «Жизнь, ты гаже червяка, от тебя в душе тоска», или: «Эх, жестокость, дочь моя, развлеки хоть ты меня», или...

– Хватит, хватит, ради бога, – перебил его Данглар. – Да, «Парень, горек твой удел...», за этим стоит и извращенная любовь к смерти, и несчастье, и угроза, и все что хотите. Надо признать, Адамберг учуял это первым. Но разве этого достаточно, чтобы предъявить обвинение? Графолог заявил совершенно определенно, что этот человек не сумасшедший, его даже нельзя назвать неуравновешенным, он образован, его заботит внешняя сторона жизни и успех, но в то же время он не способен добиться своей цели, он агрессивен и при этом скрытен. Именно так и сказал графолог. А еще он добавил: «Этот человек немолод, у него возрастной кризис, но он умеет держать себя в руках; он пессимист, его преследует мысль о смерти, а значит, о вечности. Возможно также, что он неудачник, готовый добиться успеха, или счастливчик, готовый потерпеть неудачу». Наш графолог, он такой: вечно выворачивает фразы туда обратно, как пальцы у перчаток, сначала он вытянет их на лицевую сторону, потом наизнанку. Например, если он говорит о желании надеяться, он никак не может тут же не сказать о надежде желать, и так далее и тому подобное. Пока его слушаешь, он кажется человеком большого ума, а если немного подумать – в его слова и вникать то не стоило. За исключением его соображений о том, что надписи на всех кругах сделаны одним и тем же человеком, что этот человек – в своем, вполне ясном уме и что он на грани успеха или провала. А вот насчет того, не было ли тело женщины положено в ранее начерченный круг, наши эксперты затрудняются дать однозначный ответ. Может, да, а может, и нет. Как вы считаете, разве эксперт имеет право так отвечать?

Да и сама покойница тоже не очень нам помогла: она и при жизни была словно неживая, жизнь у нее была гладкая, как водосточная труба. Ни тебе любовных неурядиц, ни патологических личностей в семье, ни проблем с деньгами, ни тайных пороков – ничего. Ничего, кроме мотков шерсти, тысяч мотков шерсти, а еще – отпусков в Турени, юбок скромной длины, добротных туфель, маленькой книжечки для записи набора бессвязных слов и десятка пачек сухариков с изюмом в кухонных шкафах. Она даже пишет об этом в своем

дневнике: «Невозможно есть сухарики на работе, от них повсюду крошки, и хозяйка делает мне замечания», и далее в том же духе. Вы меня спросите: «А что она в таком случае забыла на улице вчера поздно вечером?» Она возвращалась от своей кузины, работающей кассиром на станции «Люксембург». Она часто туда ходила, устраивалась в маленьком помещении кассы, ела чипсы и вязала перчатки с индейским орнаментом, которые потом продавала в магазине; домой она возвращалась пешком, возможно, как раз по улице Пьера и Марии Кюри.

– У нее больше не было родственников?

– Кузина – единственная родственница, она же наследница. Наследство состоит из нескольких пачек сухариков и нескольких купюр, хранящихся в банке из под сахара, и ни кузина, ни ее муж не стали бы из за этого убивать Мадлену Шатлен.

– Но если кто то хотел использовать готовый круг, как он мог узнать о том, в каком именно месте этот круг появится в ту ночь? Париж то большой!

– Вот в том то и вопрос, мои дорогие! Однако должен быть какой то способ найти на него ответ.

Данглар осторожно поднялся и отправился укладывать в кровать Пятого, маленького Рене. Затем вернулся и продолжал:

– Например, новая приятельница комиссара, Матильда Форестье, вроде бы видела человека, рисующего круги. Мне об этом говорил Адамберг. Ну вот, я снова могу произносить его имя, наши тайные сборища явно мне на пользу.

– Сегодня это похоже не на сборище, а на моноспектакль в твоём исполнении, – заметил Эдуар.

– Между прочим, эта женщина, видевшая человека с кругами, очень меня тревожит, – произнес Данглар, словно не расслышав слов сына.

– Ты раньше говорил, – сказала старшая из младших близнецов, – что та женщина красива, как трагическая актриса, она немного не в себе, у нее хриплый голос и вообще она потрясная и похожа на египетскую фараоншу в изгнании. Но тогда она у тебя тревоги не вызывала.

– Думаешь, что говоришь, детка. Ведь тогда еще никого не убили. Теперь я вспоминаю, как она пришла в комиссариат под сомнительным предлогом, изображая из себя чокнутую, добралась до Адамберга, поговорила о том о сем, а затем выложила, что знает человека,

рисующего синие круги. Все сходится: разговор состоялся за двенадцать дней до убийства.

– Ты хочешь сказать, что она задумала убить Мадлену и заранее пришла к Адамбергу, чтобы на нее потом не пали подозрения? – спросила Лиза. – Как та женщина, что укукошила своего деда, а за месяц до этого приходила к тебе и рассказывала про «дурные предчувствия»? Помнишь?

– Ты не забыла ту мерзкую бабу? Уж она то ничем не походила на египтянку и была холодна, как гадюка. Чуть было не выкрутилась. Есть у убийц классический прием: они звонят по телефону и сообщают, что обнаружили тело. Здесь налицо более продуманные действия. Итак, стоит хорошенько поразмыслить о внезапном вторжении Матильды Форестье в наш комиссариат. Я уже слышу, как она возмущенно говорит: «Комиссар, я не пришла бы к вам сама, чтобы рассказать о моих встречах с человеком, рисующим круги, если бы у меня было намерение использовать его для убийства!» Очень опасный, но блестящий маневр, вполне укладывающийся в рамки своего жанра. Поскольку Матильда Форестье – несомненно, блестящая дама, вы это уже, наверное, поняли.

– И такая дама, по твоему, пожелала убить толстуху Мадлену?

– Нет, – возразила Арлетта, – беднягу Мадлену случайно выбрала судьба, чтобы с нее началась серия убийств, которые полиция повесит на маньяка с его кругами. А настоящее убийство будет совершено позже. Мне кажется, папа думает именно об этом.

– Возможно, что папа действительно об этом думает, – произнес Данглар.

На следующее утро Матильда встретила внизу Шарля Рейе. Он стоял, наклонившись к своей двери.

Матильда решила, что на самом деле он, возможно, ждал ее и только делал вид, будто никак не попадет ключом в замок. Тем не менее он промолчал, когда она шла мимо него.

– Шарль, вы что, подглядываете в замочную скважину? – осведомилась Матильда.

Шарль выпрямился, и в полумраке вестибюля она увидела его мрачное лицо.

– Так это вы, королева Матильда, и, как всегда, жестоко играете словами.

– Да, это я, Шарль. Я просто стараюсь вас опередить. Вы же знаете старый принцип: «Хочешь мира – готовься к войне».

Шарль вздохнул:

– Ладно, Матильда. Тогда хоть помогите бедному слепому вставить ключ в замок. Я к нему еще не привык.

– Вот сюда,– сказала Матильда, направляя его руку. – Ну вот, теперь дверь заперта. Шарль,

у вас возникли какие нибудь мысли по поводу полицейского, что приходил сюда вчера?

– Нет, мне не удалось расслышать, о чем вы вчера говорили, и потом, я же развлекал Клеманс. Мне нравится, что она со сдвигом, а люди со сдвигом оказывают на меня благотворное воздействие.

– Сегодня я собираюсь понаблюдать за одним парнем: он тоже со сдвигом, изучает волшебную способность растений подсолнечника поворачиваться вслед за солнцем; мне любопытно, почему он так этим интересуется. Я могу быть занята весь день и даже весь вечер. По этому случаю я хотела предложить вам сходить к комиссару вместо меня, если вы не сочтете подобный визит скучным. Вам это все равно по дороге.

– Что у вас на уме, Матильда? Вы же добились своей цели – вот только какой? – поселив меня в своем доме. Вы хотите сделать мне новые глаза, вы приставляете ко мне на весь вечер вашу Клеманс, теперь отдаете меня в лапы полицейского... Зачем вы искали меня? Что вы хотите со мной сделать?

– Какой вы дотошный, Шарль. Мы встретились, вот и все. Обычно мои порывы ничем не мотивированы, если, конечно, речь не идет о подводных биологических объектах. Вот слушаю я вас и жалею, что иногда моим поступкам не хватает мотивации. Тогда бы никакой слепой с дурным характером не смог припереть меня к стенке и напроць испортить мне все утро.

– Простите меня, Матильда. И что я должен сказать Адамбергу?

Шарль позвонил к себе на работу, чтобы предупредить, что он задержится. Ради королевы Матильды он решил сначала зайти в комиссариат. Ему хотелось оказать ей услугу, доставить удовольствие. Попытаться сегодня вечером быть с ней обходительным, признаться, что надеется на нее, любезно поставить ее в известность, что он любезно оказал ей услугу. Меньше всего на свете ему хотелось портить Матильде жизнь. Сейчас ему необходимо было удержаться подле Матильды, постараться не выпустить ее из рук, совладать с собой, чтобы не развернуться и не ударить ее. По прежнему слушать, как она всем и каждому рассказывает хриплым голосом о своей безумной, полной опасностей жизни. Надо бы сегодня же вечером принести ей какое нибудь украшение, чтобы ей было приятно, например,

золотую брошь, нет, брошь не надо, лучше принести ей жареного цыпленка с эстрагоном, конечно, она предпочтет его броши. А потом слушать, как она болтает чепуху и хвастается, а вечером уснуть, ощущая запах теплого шампанского, которое пролилось на ее пижаму, если вообще она есть, эта пижама. И не нужно выкалывать ей глаза, не нужно убивать ее, нужно просто купить ей хорошего цыпленка с эстрагоном.

Сейчас он, должно быть, уже добрался до комиссариата, но не был в этом уверен. Шарль изучил местоположение многих зданий, но комиссариат не входил в их число. Нужно было у когонибудь спросить, как его найти. Шарль медленно шел и водил по тротуару концом трости. Совершенно ясно, что он заблудился на этой улице. И зачем только Матильда его сюда послала? Он уже начинал чувствовать безмерную усталость. А когда наступала эта безмерная усталость, следом за ней, как правило, накатывали приступы ярости, болезненными толчками вырывавшейся откуда-то из недр желудка, поднимавшейся до самой глотки, а затем блокировавшей мозг.

Данглар плелся на работу совсем разбитый. Голова болела так, словно в лоб ему вбили кол. Неподалеку от входа в комиссариат он увидел высоченного слепого с надменным выражением лица; тот неподвижно стоял на тротуаре.

– Я могу вам чемнибудь помочь?– спросил его Данглар. – Вы заблудились?

– А вы? – ответил Шарль. Данглар озадаченно взъерошил волосы. Поганый вопрос. «Неужто я действительно заблудился?» – подумал Данглар.

– Я – нет, – произнес он.

– Неправда, – заявил Шарль.

– Во что вы впутались?

– А вы?

– Черт возьми! – Данглар потерял терпение. – Выпутывайтесь сами!

– Я ищу комиссариат.

– Вам повезло, я сам оттуда. Я вас провожу. А что вас привело в комиссариат?

– Человек, рисующий синие круги, – ответил Шарль. – Я хочу поговорить с Жан Батистом Адамбергом. Это ваш начальник?

– Да, это так, но я не знаю, на месте ли он. Вполне возможно, что его еще где-нибудь носит. Вы собираетесь сообщить какие-то сведения или просто посоветоваться с ним? Поскольку шеф, как вы знаете,

никогда не дает четких указаний, вне зависимости от того, просят его об этом или не просят. Поэтому, если вы журналист, вам лучше присоединиться к вашим коллегам, они внутри. Их там уже целая толпа.

Они подошли к широкой входной двери. Шарль споткнулся о ступеньку, и Данглару пришлось подхватить его под руку. Спрятавшись за стеклами очков, Шарль чувствовал, как в нем поднимается волна ярости. Он торопливо проговорил:

– Я не журналист.

Данглар нахмурился, поднес руку ко лбу и сильно нажал на него, хотя и отлично знал, что, тыча пальцем в лоб, головную боль не снимешь.

Адамберг оказался на месте. Нельзя было сказать ни что комиссар расположился в кабинете, ни даже что он просто там сидел. Адамберг там находился – слишком легкий по сравнению с массивным креслом, слишком плотный на фоне водянистых бело-зеленых стен.

– С вами хочет поговорить господин Рейе, – обратился к нему Данглар.

Адамберг поднял глаза. Лицо Шарля поразило его еще больше, чем накануне. Матильда оказалась права, слепой был действительно потрясающе красив. Адамберг восхищался красотой других людей, хотя сам никогда не желал стать красивым. Впрочем, он вообще не мог припомнить, чтобы ему хоть раз захотелось оказаться на месте другого человека.

– Оставайтесь, Данглар, – попросил Адамберг. – Мы с вами давно не виделись. Шарль нащупал кресло и сел.

– Матильда Форестье просила вам сообщить, что сегодня вечером не сможет пойти с вами на станцию метро «Сен Жорж», как раньше обещала, – сказал он. – Я проходил мимо и зашел передать вам ее слова.

– А как же, по ее мнению, я смогу узнать человека, рисующего круги, если ее со мной не будет, а она единственная, кто его видел? – удивленно спросил Адамберг.

– Об этом она уже подумала, – ответил Шарль, улыбнувшись. – Она сказала, что я могу справиться не хуже нее, потому что, как она заметила, тот человек оставляет за собой легкий запах гнилых яблок. Еще она сказала, что мне нужно только ждать, поднимая голову и глаубоко вдыхая, и я лучше любой ищейки учую нужный запах.

– Речь не об этом. Да, иногда госпожа Форестье очень необязательна.

Вид у Адамберга сделался озадаченный. Он повернулся, поставил ноги на корзину для мусора

и положил на колено листок бумаги. Казалось, он сейчас начнет рисовать, будто ничего не случилось, но Данглар понял, что все обстоит совсем иначе. Лицо Адамберга помрачнело, нос заострился, челюсти то сжимались, то разжимались.

– Похоже, Данглар, – сказал комиссар очень тихо, – если госпожа Форестье не примет участия в патрулировании, ничего не выйдет. Вы, должно быть, находите это странным, не так ли?

Шарль поднялся, собираясь уходить.

– Нет, господин Рейе, останьтесь, – продолжал комиссар, не повышая голоса. – Такая досада! Сегодня утром в моем кабинете раздался анонимный звонок. Мне сказали: «Вы не читали статью, вышедшую два месяца назад в газете «Пять страниц о пятом округе»? Почему же вы не расспросите тех, кто знает, а, комиссар?» И повесили трубку. Вот она, эта газета, мне ее только что принесли. В ней печатают полную чушь, но у нее довольно много читателей. Возьмите, Данглар, прочтите, вот здесь, на второй странице. Вы знаете, я плохо читаю вслух.

Специалистка по...

Изрядная часть журналистской братии развлекается тем, что неустанно следит за каждым шагом бедного безумца, чье бессмысленное занятие состоит в вычерчивании мелом кругов вокруг ржавых крышек от пивных бутылок, – занятие, доступное любому уличному мальчишке. Тем самым журналисты невольно показывают, как низко ставят они свою профессию, – и таковы, к сожалению, многие наши коллеги.

Но тот факт, что в этом деле замешаны и некоторые ученые, пророчит французской науке печальное будущее. Еще вчера видный психолог Веркор Лори посвятил этому ничтожному происшествию статью на целую полосу. Но это еще не все. До нас дошли светские сплетни нашего квартала о том, что Матильда Форестье, широко известная во всем мире своими работами о подводных обитателях, также проявляет повышенный интерес к этому жалкому типу, потешающему публику. Судя по всему, она приложила немалые силы, чтобы познакомиться с ним поближе и даже сопровождать его в странных ночных экспедициях, из чего, по ее мнению, следовало, будто она единственная, кто проник в «тайну кругов».

Эка невидаль! Видимо, она сама же и сняла завесу с этой тайны на вечеринке в ресторане «Доден Буффан», где в честь выхода

очередного труда сей ученой дамы вино лилось рекой. Разумеется, мы всегда гордились тем, что такая знаменитость проживает в нашем округе, но не лучше ли было бы госпоже Форестье тратить государственные денежки на благо дорогих ее сердцу рыб, вместо того чтобы гоняться за злобным придурком, маньяком с нарушенной психикой, ведь инфантильность и неосмотрительность нашей прославленной дамы может привлечь его внимание к нашему кварталу, где круги до сих пор ни разу не появлялись.

Существуют рыбы, одно прикосновение к которым смертельно опасно. Госпожа Форестье об этом прекрасно знает, и не нам ее чему либо учить в этой области. Но известно ли ей, как опасны бывают рыбы, живущие в городах? Не рискует ли она, хвастаясь своими подвидами, взбаламутить тихую воду? К чему эта охота на добычу, которую она, поймав в сети, стремится притащить в самый центр нашего квартала, к чему эта игра, вызывающая законное недовольство нашего населения?

– Из этого можно сделать вывод, – произнес Данглар, кладя газету на стол, – что лицо, звонившее вам, узнало об убийстве вчера или сегодня утром и не замедлило войти с вами в контакт. Это человек, не любящий откладывать дела в долгий ящик и, как бы точнее выразиться, не питающий нежных чувств к госпоже Форестье.

– А дальше? – спросил Адамберг, все так же сидевший боком и нервно сжимавший челюсти.

– Дальше: это означает, что благодаря статье прорва народу могла давным давно узнать, что у госпожи Форестье есть маленькие секреты. И, в свою очередь, захотеть к ним приобщиться.

– Ну и зачем им это?

– В лучшем случае – чтобы накропать статейку в газету. В худшем – чтобы отделаться от тещи, подложить ее в крут и повесить это дело на новоявленного парижского маньяка. Должно быть, эта мысль уже посетила головы не одного десятка заурядных и закомплексованных людей, слишком трусливых, чтобы брать на себя риск убить в открытую. Представляется такой чудесный случай, к тому же можно узнать некоторые привычки человека, рисующего синие круги. После очередного стаканчика вина Матильда Форестье проинформировала всех желающих самым подробным образом.

– А дальше?

– Дальше можно, например, задуматься, по какой счастливой случайности господин Шарль Рейе поселился у Матильды за несколько дней до убийства.

В этом был весь Данглар. Он, нимало не смущаясь, мог ворчливым голосом произнести нечто подобное прямо в присутствии того, кого хотел обвинить. Адамберг знал, что сам не был способен на такую прямолинейность, и находил весьма ценным свойство Данглара не бояться оскорбить человека. Сам то Адамберг боялся, оттого порой и говорил что угодно, только не то, что думал. Будучи полицейским, он получал таким способом неожиданные результаты, и не всегда те, что были нужны в данный момент.

После выпада Данглара в кабинете воцарилось долгое молчание. Инспектор сидел, по прежнему прижимая палец ко лбу.

Хотя Шарль и ожидал какогонибудь подвоха, он все же не совладал с собой и вздрогнул. Во тьме слепоты он представил себе, как полицейские пристально глядят на него.

– Превосходно,– произнес Шарль, помолчав еще минуту. – Я снимаю квартиру у Матильды Форестье пять дней. Теперь вы знаете ровно столько, сколько я. У меня нет желания ни отвечать вам, ни защищаться. Я совершенно не в состоянии разобраться в этом вашем грязном деле.

– Я тоже, – заявил Адамберг.

Данглару стало не по себе. Он предпочел бы, чтобы Адамберг не признавался в своей неосведомленности в присутствии Шарля Рейе. Комиссар опять начал что то чертить карандашом, держа листок на коленке. Данглару не нравилось, что Адамберг словно в тумане, что он остается вялым и рассеянным и не пытается даже задавать вопросы, чтобы хоть как то собраться.

– И все же скажите,– не успокаивался Данглар, – почему вы решили поселиться именно у нее?

– Черт побери! – рассердился Шарль. – Потому что Матильда сама разыскала меня в гостинице и предложила жить в ее квартире!

– Но ведь именно вы подсели к ней в кафе, разве не так? И именно вы рассказали ей, – интересно, зачем? – что ищите квартиру.

– Если бы вы были слепым, вы бы знали, что не в моих силах опознать кого то на террасе кафе.

– Почему то мне кажется, что вы способны на многое из того, что должно быть не в ваших силах.

– Ладно, хватит,– прервал их Адамберг. – Где сейчас Матильда Форестье?

– Сейчас она ходит по пятам за каким то типом, который верит во вращение подсолнухов.

– Поскольку мы не можем ничего ни сделать, ни узнать, оставим все как есть, – заявил Адамберг.

Его слова вконец расстроили Данглара. Инспектор предложил тотчас же разыскать Матильду и расспросить ее, послать человека к ней на квартиру, чтобы он дожидался ее там, зайти в Институт океанографии.

– Нет, Данглар, ничего подобного мы делать не будем. Она сама вернется домой. Что нам действительно стоит сделать, так это расставить людей на станциях метро «Сен Жорж», «Пигаль» и «Нотр-Дам-де-Лорет» и снабдить всех сотрудников описанием человека, рисующего синие круги. Для очистки совести. Потом будем ждать. Человек, пахнувший гнилыми яблоками, снова начнет рисовать круги, это неизбежно. Значит, будем ждать. Но у нас почти нет шансов его обнаружить. Он изменит маршруты своих передвижений.

– А что они могут нам дать, эти круги, если убивает не тот, кто их чертит? – воскликнул Данглар, медленно поднимаясь со стула и принимаясь вяло бродить по комнате. – Тот человек! Тот человек! Да в глубине души нам плевать на этого бедолагу! Нас интересует тот, кто использует человека с кругами!

– Может, кого и интересует, только не меня, – заявил Адамберг. – Итак, мы, как и раньше, ищем человека, рисующего синие круги.

Данглар поднялся совершенно подавленный. «Мне, наверное, понадобится много времени, чтобы привыкнуть к Адамбергу», – подумал он.

Шарль чувствовал смущение своих собеседников. Он догадывался, что Данглар расстроен, а Адамберг пребывает в нерешительности.

– Скажите, комиссар, кто же из нас продвигается вслепую – я или вы? – спросил Шарль.

Адамберг улыбнулся.

– Не знаю, – ответил он.

– После этой истории с анонимным звонком я предполагаю, что должен оставаться в вашем распоряжении. Кажется, так говорят? – поинтересовался Шарль.

– Пока не знаю, – сказал Адамберг. – Во всяком случае, до поры до времени вашей работе ничто не будет мешать. Не волнуйтесь.

– Моя работа меня не волнует, комиссар.

– Знаю. Я сказал это просто так.

Шарль слышал, как карандаш, тихо шурша, скользит по листу бумаги. Он предположил, что комиссар рисовал все время, пока они разговаривали.

– Не представляю себе, как мог слепой ухитриться кого то убить. Тем не менее вы меня подозреваете, да?

Адамберг неопределенно махнул рукой:

– Скажем так: вы выбрали не самый удачный момент, чтобы поселиться у Матильды Форестье. Скажем так: по тем или иным причинам кто то мог заинтересоваться ею и тем, что ей известно, впрочем, если только она рассказала нам все. Данглар вам объяснит, что я имею в виду. Данглар вообще чертовски умен, вы в этом убедитесь. Работа с ним восстанавливает душевное равновесие. Скажем так: вы несколько хуже других людей, но это дела не меняет.

– Кто вам внушил такие мысли обо мне? – спросил Шарль, улыбнувшись.

Адамберг отметил, что улыбка вышла не очень то добрая.

– Так говорит госпожа Форестье. В первый раз за все время разговора Шарль смутился.

– Да, так она говорит, – повторил Адамберг. – «Злой как черт, но я его очень люблю». А ведь вы тоже ее любите. Поймать и удержать Матильду – это, наверное, здорово, от такого глаза у кого угодно загорятся. Вот Данглар, тот ее недолюбливает, да да, Данглар, не спорьте. Он питает к ней неприязнь по причинам, о которых он вам тоже сам расскажет. У него то и дело возникает желание обойтись с ней сурово. Ему, должно быть, кажется небезынтересным уже одно то, что пресловутая Матильда задолго до убийства пришла в комиссариат поговорить со мной о человеке, рисующем синие круги и пахнущем гнилыми яблоками. И Данглар прав, это действительно странно. Но в этом мире многое странно. Даже гнилые яблоки. Как бы то ни было, остается только ждать. Адамберг вновь принялся рисовать. – Конечно, – отозвался Данглар. – Подождем. Настроение у него было паршивое. Он проводил Шарля до выхода на улицу.

Он шел по коридору в обратном направлении, по прежнему прижимая палец ко лбу. Да, его тело имело форму кегли, и он ненавидел Матильду за то, что она принадлежала к разряду женщин, которые не станут спать с мужчиной, если у него тело в форме кегли. А значит, ему очень хотелось, чтобы она все таки оказалась в чем то виновата. И тут подвернулась эта история со статьей, где ее облили грязью. Это наверняка заинтересует детей. Но после того, что по его вине произошло с девушкой из ювелирного магазина, он поклялся опираться только на доказательства и факты, а не на ту пакость, что постоянно забивает голову. Следовательно, во всем, что касается Матильды, надо действовать осмотрительно.

Шарль нервничал все утро. Его пальцы слегка дрожали, ощупывая линии перфорации на книжных страницах. Матильда тоже нервничала.

Она только что упустила человека с подсолнухами. Он проделал с ней дурацкий фокус: сел в такси и уехал. Она оказалась посреди площади Оперы, огорченная и растерянная. Был бы сейчас первый отрезок, она бы немедленно пошла в кафе и заказала пива. Однако, находясь во втором отрезке, не стоило особенно нервничать по такому поводу. Может, отправиться следить за кемнибудь другим? А почему бы и нет? С другой стороны, был уже почти полдень и контора Шарля находилась совсем рядом. Можно зайти за ним и вместе позавтракать. Сегодня утром она вела себя с ним довольно грубо, аргументируя это тем, что второй отрезок позволяет говорить все, что придет в голову; теперь она чувствовала себя неуютно и хотела загладить свою вину. Матильда ухватила Шарля за плечо в тот момент, когда он как раз выходил из здания на улице Сен Марк.

– Есть хочу, – заявила она.

– Вы как раз вовремя, – произнес Шарль. – Все полицейские планеты думают только о вас. Сегодня утром вас разоблачили, или что то вроде того.

Матильда устроилась на банкетке в глубине ресторана, и ее голос звучал как обычно: новость, судя по всему, вовсе не привела ее в замешательство.

– И все таки, – настаивал Шарль, – полицейские уже почти пришли к мысли, что вы больше других годитесь на роль пособницы убийцы. Вы же были, наверное, единственной, кто мог точно указать ему, где и когда появится новый круг, подходящий для совершения преступления. Еще хуже, что они упорно указывают на вас саму как на возможную убийцу. Матильда, из за ваших гнусных причуд вам грозят гнуснейшие неприятности.

Матильда рассмеялась. Она заказала уйму разных блюд. Видимо, она действительно проголодалась.

– Потрясающе, – сказала она, – со мной все время случается чтонибудь необычное. Таков мой удел. Ну что ж, одним приключением больше, одним меньше... Тот вечер, в ресторане «Доден Буффан», точно пришелся на второй отрезок, должно быть, я и вправду порядочно выпила и наговорила кучу глупостей. Впрочем, я почти не помню, что было в тот вечер. Вот увидите, Адамберг прекрасно все поймет, и не стоит до скончания века изводить себя поисками того, чего нет и быть не может.

– Думаю, вы его недооцениваете, Матильда.

– А я не думаю, – твердо ответила она.

– И все таки я прав, его многие недооценивают, кроме, пожалуй, Данглара и уж конечно меня. Знаю, Матильда, у Адамберга волшебный голос, он ласкает, одурманивает и убаюкивает, но сам то комиссар от своего голоса не засыпает. Этот голос приносит далекие образы и неясные мысли, но он всегда неумолимо летит к определенной цели, известной, возможно, только самому Адамбергу.

– Может, вы дадите мне спокойно поесть? – поинтересовалась Матильда.

– Разумеется. Знайте, Адамберг никогда не бросается в атаку, он вас обволакивает, трансформирует, потом подкрадывается сзади, лишает последних сил, и в конце концов, обезоруживает. На него бесполезно охотиться, его не поймать, даже вам, королева Матильда. Он обязательно ускользнет от вас, призвав на помощь свою мягкость или внезапно прикинувшись равнодушным. Следовательно, для вас, для меня, для кого угодно он, как весеннее солнце, может стать или благом, или погибелью. Все зависит от того, какой стороной к нему повернуться. Насколько вам известно, для любого убийцы Адамберг – чертовски сильный противник. Если бы я был убийцей, я бы предпочел иметь дело с полицейским, которого можно вызвать на ответные действия, а не с таким, что сначала течет как вода, а потом вдруг упирается, словно каменный. Он течет и упирается, мчится к цели, как волна к устью реки. И спрятавшемуся там убийце суждено утонуть.

– Цель? Ставить перед собой цель бессмысленно. Это ребячество, – заявила Матильда.

– Может, эта самая цель и есть тот чертов рычаг, который способен перевернуть весь мир, может, это то самое чертово око бури – заметьте, Матильда, снова «око» – и это нечто совсем иное и в нем заключены знание и хрупкая вечность. Вы никогда не задумывались об этом, Матильда?

Матильда перестала есть.

– Вы меня поражаете, Шарль, правда, поражаете. Вы говорите как священник, – с такой же убежденностью и теми же словами. Но сегодня утром вы ведь только слушали Адамберга, да и то всего какойнибудь час, не больше.

– Я стал совсем как собака, – пробурчал Шарль. – Я слышу больше, чем люди, и чую больше, чем люди. Я как паршивая псина, способная бежать по прямой тысячу километров, чтобы найти свой дом.

Я, как и Адамберг, тоже кое к чему в жизни пришел, только другим путем, нежели он. Больше ничего общего у нас с ним нет. Лично я считаю себя самым умным человеком на свете, у меня металлический, а иногда скрипучий голос. Я говорю отрывисто, искажаю смысл слов, мой мозг работает, как отвратительная машина, созданная для того, чтобы сортировать информацию и знать все обо всем. Ни о цели, ни об устье реки я ничего уже не знаю. У меня больше не осталось ни душевной чистоты, ни сил, чтобы представить себе, что у бури может быть око. Разумеется, зачем мне такие пустяки, меня больше волнуют жалкие победы, потому что только они способны изо дня в день утешать меня в моем бессилии. Адамбергу не нужно отвлекаться, чтобы жить, вы меня понимаете? Он просто живет, смешивая всего понемногу, смешивая великие идеи с мелкими деталями, смешивая впечатления с реальностью, смешивая слова с мыслями. И путая детскую доверчивость со стариковской мудростью. Однако правда в том, что он опасен.

– Вы меня поражаете, – повторила Матильда. – Не стану говорить, что я могла бы мечтать о таком сыне, как вы, потому что я сама бы себя сильно расстроила, и очень надолго, но вы меня поражаете. Я начинаю понимать, почему вам плевать на рыб.

– Вероятно, Матильда, правы все таки вы, находя что то притягательное в этих скользких существах с круглыми глазами, да еще не всегда пригодных в пищу человеку. Лично мне было бы все равно, даже если бы все рыбы разом взяли и сдохли.

– У вас прямо таки дар забивать себе голову мыслями, недопустимыми во втором отрезке. Да вам и самому они не по силам, вы весь взмокли. Не тревожьтесь так по поводу Адамберга. Во всяком случае, он приятный человек, вы согласны?

– Несомненно, согласен, – ответил Шарль, – он приятный человек. И говорит очень много приятных вещей. Только я не понимаю, почему это вас не тревожит.

– Вы меня поражаете, Шарль, – снова повторила Матильда.

Сразу после завтрака Адамберг решил что ни-будь предпринять.

Маленькая записная книжечка, найденная в сумке убитой женщины, навела его на мысль купить себе блокнот небольшого размера, чтобы он помещался в заднем кармане брюк. Теперь, если у него появлялась интересная идея, он мог тут же сделать нужные пометки. Дело не в том, что он ждал каких то чудесных озарений. Однако он полагал, что заполненный до конца блокнот создаст необходимое

ему ощущение завершенности и позволит лучше разобраться в самом себе.

Ему казалось, что никогда прежде он до такой степени не жил одним днем, как в эти недели. Он уже не раз замечал за собой странную особенность: чем больше у него скапливалось неотложных дел, мчавшихся за ним по пятам и угнетавших его своей важностью, тем глубже его мозг погружался в спячку. Тогда он начинал заниматься пустяковыми проблемами, становился отстраненным и беззаботным, освобождался от мыслей и забывал о службе; душа его обретала легкость, сердце делалось пустым, а мозг настраивался на ультракороткие волны. Ему было хорошо знакомо это состояние, эта долгая полоса равнодушия ко всему на свете, приводившая в отчаяние окружающих, однако он не мог собой управлять. Ведь становясь беззаботным, освобождаясь от всех мировых проблем, он делался спокойным и даже счастливым.

Но проходили дни, и равнодушие подспудно начинало свою разрушительную работу, и постепенно все вокруг словно обесцвечивалось. Живые существа становились прозрачными и какими то одинаковыми, потому что он видел их как бы издали. В конце концов, его отвращение к чему то неопределенному достигло предела, и однажды он перестал ощущать собственную материальность, собственную значимость; он безвольно плыл в потоке повседневных дел других людей, но чем больше он проявлял готовность ежеминутно оказывать всем и каждому уйму пустячных услуг, тем больше он чувствовал себя для всех чужим. Механические движения тела и автоматическая работа речевого аппарата обеспечивали привычное течение его жизни, но он чувствовал себя никому не нужным. Итак, полностью лишившись самого себя, Адамберг перестал о чем либо тревожиться и что либо себе объяснять. От этой безучастности ко всему даже не тянуло леденящим душу запахом небытия, эта душевная апатия не порождала даже мучительной скуки.

Но, боже мой, как же скоро все это пришло.

Он прекрасно помнил, как еще совсем недавно в его душе поднималась настоящая буря при мысли о возможной гибели Камиллы. Теперь само слово «буря» казалось ему бессмысленным. Что бы это могло означать: «буря»? Камилла мертва? Ладно, а дальше то что? Мадлену Шатлен зарезали, человек с кругами на свободе, Кристиана продолжает заседать, Данглар ходит грустный – и что теперь, прикажете заниматься всем этим? А зачем?

Он уселся за столиком кафе, достал блокнот и стал ждать. Он пытался отслеживать каждую мысль, возникающую в голове. Все они имели только середину, но ни начала, ни конца. И как же тогда изложить их на бумаге? Разочарованный, но по-прежнему спокойный, по прошествии часа он записал: «Я не нашел, о чем подумать».

Потом он прямо из кафе позвонил Матильде. Трубку сняла Клеманс Вальмон. Неприятный голос старухи вернул ему ощущение реальности, внушил идею сделать что-нибудь, прежде чем окончательно наплевать на свою жизнь. Да, Матильда уже вернулась. Он хотел бы ее видеть, но не у нее дома. Он назначил ей встречу на пять часов в своем кабинете.

Совершенно неожиданно Матильда явилась вовремя. Она даже сама удивилась.

– Не пойму, что со мной, – заявила она. – Должно быть, сказывается благотворное влияние полиции.

И посмотрела на Адамберга. Тот сидел вытянув ноги вперед и, вопреки обыкновению, ничего не рисовал; одну руку он засунул в брючный карман, в другой дымилась сигарета, зажатая между кончиками пальцев. Казалось, комиссар до такой степени растворился в своей рассеянности и беспечности, что непонятно было, с какого боку к нему подступиться. Однако Матильда понимала: даже в таком, и особенно в таком, состоянии он способен отлично делать свое дело.

– Похоже, сегодня мы не будем так развлекаться, как в прошлый раз, – заметила Матильда.

– Вполне возможно, – ответил Адамберг.

– Так забавно, что вы организовали для меня эту церемонию вызова в комиссариат. Лучше бы навести меня в «Морском петухе», мы бы выпили, потом пообедали. Клеманс приготовила какое-то жуткое блюдо по своему местному рецепту.

– А она откуда?

– Из Нейи.

– Вот как. Не самое экзотическое место. Только я вам никакой церемонии не устраивал. Мне очень нужно с вами поговорить, но нет никакого желания навеки поселиться в «Морском петухе» или где-нибудь еще.

– Это потому, что полицейскому не следует обедать с подозреваемыми?

– Наоборот, – устало вздохнул Адамберг. – Сотрудникам полиции настоятельно рекомендовано устанавливать дружеские отношения с подозреваемыми. Но у вас дома сидишь, словно на

нескончаемом дефиле: слепые атлеты, сумасшедшие старухи, соседи сверху, соседи снизу. Или ты состоишь при дворе королевы Матильды – или ты ничто. Вы не замечали? А мне не нравится быть ни придворным, ни пустым местом. Вообще не пойму, зачем я все это говорю, на самом деле это не важно.

Матильда рассмеялась.

– Ясно!– воскликнула она. – В дальнейшем будем встречаться в кафе или, например, на одном из парижских мостов – там, где мы будем на равных. Как два ярких республиканца. А теперь можно я закурю?

– Можно. Госпожа Форестье, вам знакома эта статья из газеты пятого округа?

– Впервые узнала об этой гадости, когда Шарль сегодня за завтраком пересказал мне ее по памяти. Бесплезно пытаться вспомнить, чем я могла хвастать в ресторане «Доден Буффан». Могу определенно утверждать только одно: стоит мне выпить, как мое воображение умножает мою реальную жизнь на тридцать. Так что я вполне могла расписывать, как мы обедали вдвоем с человеком, рисующим круги, как он бывает в моей ванной и в моей постели, как мы вместе собираемся на наши веселенькие ночные прогулки, – почему бы нет? Если я хочу привлечь к себе внимание, чувство меры мне изменяет. Можете себе представить, иногда я напоминаю настоящее стихийное бедствие, если верить моему другу философу.

Адамберг состроил недоверчивую гримасу.

– А вот я никак не могу забыть о том, что вы серьезный ученый. Мне не верится, что вы такая уж непредсказуемая, какой хотите казаться.

– Получается, я зарезала Мадлену Шатлен, так, Адамберг? Действительно, на тот вечер у меня нет убедительного алиби. Никто не следит, когда я ухожу и когда прихожу. Ни охранника у двери, ни мужчины в постели. Свободная как ветер, юркая как мышь. Скажите, а что мне могла сделать та несчастная женщина?

– У каждого свои тайны. Данглар сказал бы, что, поскольку вы наблюдаете за тысячами людей, Мадлена Шатлен вполне могла фигурировать в ваших записях.

– Возможно.

– Он бы еще добавил, что во время ваших подводных экспедиций вы убили ножом двух голубых акул. Решительность, отвага, сила.

– Слушайте, не собираетесь же вы нападать, прикрываясь чужими аргументами? Данглар сказал бы то, Данглар сказал бы это. Ну а вы то сами?

– Данглар мыслитель. Я к нему прислушиваюсь. Что касается меня, то мне самому важно только одно: человек, рисующий круги, и его мерзкие занятия. Остальное не представляется мне заслуживающим внимания. А о Шарле Рейе вы чтонибудь знаете? Невозможно разобраться, кто из вас кого искал и нашел. Кажется, его искали вы, но он вполне мог вас направлять.

В кабинете повисла тишина, а потом Матильда сказала:

– Вы и вправду считаете, что я позволю вот так управлять собой?

В голосе Матильды прозвучали незнакомые ноты и Адамберг, начавший было рисовать, бросил карандаш. Она сидела напротив и внимательно смотрела на него, величественная и снисходительная, уверенная в себе, царственная, словно способная вмиг разрушить и вновь создать всю комнату и всю вселенную одной своей насмешливой фразой.

Адамберг заговорил медленно, стараясь угадать мысли, светившиеся во взгляде Матильды. Подперев щеку рукой, он произнес:

– Когда вы в первый раз пришли в комиссариат, это ведь было не потому, что вы хотели разыскать Шарля Рейе, правда?

Матильда смеялась:

– Да нет же, я действительно хотела его найти, но справилась бы и без вашей помощи, знаете ли.

– Разумеется. Я был идиотом. Но как же великолепно вы врете! Итак, во что мы играем? Кого вы искали, когда пришли сюда? Меня?

– Вас.

– Вам было просто любопытно, потому что газеты сообщили о моем назначении? Вы хотели запечатлеть меня в своих записях? Да нет, конечно, дело в другом.

– Ну, естественно, в другом, – ответила Матильда.

– Вы хотели поговорить со мной о человеке с кругами, как предположил Данглар?

– И снова не то. Если бы под ножкой лампы на вашем столе не лежали газетные вырезки, я бы об этом даже не вспомнила. Теперь, когда вы знаете, что для меня врать так же естественно, как дышать, вы мне, скорее всего, не поверите.

Адамберг покачал головой. Ему показалось, что почва уходит у него из под ног.

– Я просто получила письмо, – вновь заговорила Матильда. – «Знаю, что Жан Батист теперь работает в Париже. Пожалуйста, сходи к нему». Вот я к вам и пришла, это вполне естественно. В жизни не бывает совпадений, вы же знаете.

Матильда улыбалась и курила. Разумеется, ее все это забавляло. Ей было весело, черт ее возьми.

– Может, вы все таки объясните, госпожа Форестье? Письмо от кого? О ком идет речь?

Матильда поднялась, по прежнему усмехаясь:

– О нашей прелестной страннице. Более нежной, более пугливой, чем я, менее развратной и менее пьющей. О моей дочери. О Камилле, моей дочери. В одном вы оказались правы, Адамберг: Ричард Третий действительно умер.

Впоследствии Адамберг не мог сказать, ушла ли Матильда сразу или немного задержалась. Каким бы внезапным ни было крушение его иллюзий, в его голове пульсировало только одно слово: жива. Камилла жива. Его любимая малышка неизвестно где, любит неизвестно кого, но она жива, она дышит, по прежнему существуют на свете ее крутой лоб, нос с горбинкой, нежные губы, ее мудрость и легкомыслие, ее стройная фигурка.

Только гораздо позже, когда Адамберг, расставив людей по постам для ведения наблюдения на станциях метро «Сен Жорж» и «Пигаль» и предчувствуя неудачу, шел по улице по направлению к своему дому, он наконец осознал то, что ему стало известно. Камилла – дочь Матильды Форестье. Хотя новость принесла ему Матильда, великая мистификаторша, сведения явно не требовали проверки. Люди с таким профилем не рождаются на земле тысячами.

Совпадений не бывает. Где то на другом конце света его любимая малышка прочитала французскую газету, узнала о его назначении в Париж и написала матери. Может быть, она вообще часто ей писала. А может, они даже часто виделись. Да, наверное, Матильда сумела устроить так, чтобы ее научные экспедиции заканчивались в тех местах, где в то время жила ее дочь. Точно, так оно и было. Оставалось только узнать, к каким берегам за эти годы причаливало экспедиционное судно Матильды, чтобы получить представление о маршрутах странствий ее дочери. Итак, он был прав. Неуловимая, она странствовала, блуждала по свету. Неуловимая. Однажды он поймал ее. Больше он ее никогда не поймают.

Тем не менее захотела же она узнать, как он живет теперь. Он не исчез бесследно из памяти Камиллы. В этом то он почти не

сомневался. Дело не в том, что он мнил себя незаменимым. Но он чувствовал, что крохотный осколок его существа застрял где то в душе Камиллы и она должна хоть немного ощущать его тяжесть. Непременно. Нужно, чтобы так и было. Каким бы пустяком ни казалась людям любовь, каким бы отвратительным ни было настроение Адамберга, он не мог даже представить, что внутри Камиллы не осталось маленькой магнетической частички их любви.

А еще он был уверен, хоть и нечасто вспоминал об этом, что Камилла всегда жила в нем и он не позволял ей исчезнуть, сам не зная почему; он просто никогда об этом не думал. Одно обстоятельство мучило Адамберга и заставляло вернуться из дальних далей, где его целый день носило по милости овладевшего им равнодушия: теперь ему уже не придется расспрашивать Матильду, чтобы знать – да, именно знать, – например, любит ли Камилла другого. Лучше бы, конечно, вовсе ничего не знать и придерживаться версии о служащем в каирском отеле, как Адамберг решил в последний раз. Он был совсем неплох, этот парень, смуглый, с длинными ресницами, то, что нужно на две три ночи: ведь он все таки выгнал тараканов из ванной. Кроме того, Матильда все равно ничего не скажет. Ни слова больше об этой девушке, которая их обоих повсюду таскала с собой, от Египта до Пантена, а потом вдруг все закончилось. Может статья, она теперь в Пантене.

Она жива, и это все, что хотела сообщить Матильда. Она сдержала обещание, данное ему той ночью на станции «Сен Жорж»: она изгнала у него из головы мысль о смерти Камиллы.

А может, почувствовав угрозу со стороны полиции, попыталась обеспечить себе неприкосновенность? Дать ему понять, что, досаждая матери, он причиняет боль дочери? Нет. Это не в духе Матильды. Не следует больше касаться этой темы, и все тут. Оставить Камиллу там, где она есть, продолжать расследование, не выпуская из виду госпожу Форестье и не меняя графика.

Сегодня днем следователь прокуратуры так и сказал: «График расследования остается прежним, Адамберг». Какой еще график? График подразумевает наличие плана, то есть соображений о том, что делать дальше; относительно данного расследования у Адамберга их было меньше, чем обычно. Он ждал человека, рисующего синие круги.

Этот человек, судя по всему, мало кого беспокоил. Но в глазах Адамберга это была тварь, злобно хохочущая ночью и строящая мерзкие гримасы днем. Существо неуловимое, скрытное,

безнравственное, мохнатое, как ночная бабочка. При одной только мысли о нем Адамберга передергивало от отвращения. И как могла Матильда назвать его безобидным, как могла забавы ради безрассудно отправляться за ним к его смертоносным кругам? Что бы там ни говорили, такое поведение свидетельствовало о фантастическом легкомыслии Матильды. И как мог Данглар, мудрец и мыслитель Данглар счесть невиновным человека, рисующего круги, как мог перестать думать о нем, в то время как эта мерзкая тварь всегда составляла единое целое со своими идеями, как паук с паутиной?

Получается, что заблуждается именно он, Адамберг? Ну и пусть. Он всегда только плыл по течению той реки, в которую его бросала жизнь. И что бы ни произошло, он будет медленно, но верно приближаться к человеку, рисующему круги, – этому обычному смертному. А значит, он встретится с ним, так суждено. Возможно, увидев его, Адамберг станет воспринимать его по другому. Все возможно. Адамберг подождет. Он был совершенно уверен, что человек, рисующий синие круги, сам придет к нему. Послезавтра. Наверное, послезавтра, когда появится новый круг.

Ему предстояло ждать на два дня больше обычного, поскольку предполагалось, что человек, рисующий синие круги, всегда неукоснительно следовал определенному правилу, а в выходные дни он имел привычку делать перерыв.

Как бы то ни было, в понедельник ночью он снова взялся за мел.

Патрульный полицейский нашел синий круг в шесть часов утра на улице Ла Круа Нивер.

Теперь уже Адамберг сам поехал вместе с Дангларом и Конти.

На асфальте лежала маленькая пластмассовая куколка голыш. Крошечная копия младенца, едва различимая в центре обширного мелового круга, производила тяжелое впечатление. Так и было задумано, решил Адамберг. Данглар, наверное, считал так же.

– Этот придурок бросает нам вызов, – процедил инспектор. – Это же надо было додуматься: обвести изображение человеческой фигурки вскоре после убийства! Наверное, он долго искал эту вещицу, или ему пришлось принести ее из дому. Впрочем, с его стороны это было бы жульничеством.

– Придурок он или нет – не имеет значения, – откликнулся Адамберг. – Его подстегивает гордыня. Потому то он и затеял с нами разговор.

– Какой еще разговор?

– Он жаждет с нами общаться, если угодно. Он выжидал целых пять дней после убийства, больше, чем я предполагал. Он изменил обычные маршруты и потому стал неуловим. Теперь он заговорил и хотел сказать примерно следующее: «Я знаю, что было совершено убийство, но я не боюсь, и вот тому доказательство». Итак далее. У него теперь нет причин молчать, он будет продолжать говорить. Он встал на скользкую дорожку. Дорожку, вымощенную словами. На этой дорожке он не сможет оставаться самим собой: этого ему будет мало.

– Есть что то необычное в этом круге, – задумчиво произнес Данглар. – Он начерчен не так, как все предыдущие. Хотя почерк тот же самый, тут сомнений быть не может. Но что то он сделал не так, как раньше, а, Конти?

Конти кивнул.

– Прежде он проводил линию одним махом, – продолжал Данглар, – как если бы он шел по кругу и одновременно чертил, не останавливаясь. А сегодня ночью он изобразил два полукруга, концы которых сходятся, словно сначала вычертил одну сторону окружности, а потом другую. Может, у него за пять дней рука отвыкла?

– Думаю, вы правы, – согласился Адамберг, улыбаясь. – Какая небрежность с его стороны! Веркора Лори она очень заинтересует, и не без причины.

На следующее утро Адамберг позвонил в комиссариат, как только проснулся. Круг появился в 5 м округе, на улице Сен Жак, то есть буквально в двух шагах от улицы Пьера и Марии Кюри, где зарезали Мадлену Шатлен.

Вот и продолжение разговора, подумал Адамберг. Чтонибудь вроде: «Ничто не мешает мне начертить круг совсем рядом с местом убийства». Если он и не нарисовал круг на самой улице Пьера и Марии Кюри, так это просто из деликатности, чтобы показать, что у него есть вкус и такт. Да, он человек утонченный.

– А что в круге? – осведомился Адамберг.

– Спутанные обрывки магнитофонной ленты, – ответили на другом конце провода.

Пока Маржелон докладывал, Адамберг, слушая его, разобрал корреспонденцию. У него перед глазами оказалось письмо Кристианны, исполненное гнева и страсти, а содержание его было старо как мир. Ухожу. Ты эгоист. Не хочу больше видеть. У меня есть гордость. И так далее и тому подобное на шести страницах.

Отлично, с этим разберемся вечером, подумал он, согласившись с тем, что он на самом деле эгоист, но по опыту зная, что люди, и вправду решившие от вас уйти, не берут на себя труд уведомлять об этом на шести страницах. Такие обычно исчезают, не говоря ни слова, как поступила его любимая малышка. А те, кто разгуливает, выставляв напоказ рукоять пистолета, не способны убить себя, – примерно так сказал один поэт, чье имя Адамберг забыл. Из этого можно сделать вывод, что Кристиана вернется, основательно запасшись упреками. Значит, возникнут определенные сложности, но их легко предвидеть. Стоя под душем, Адамберг решил подумать об этом вечером, чтобы не чувствовать себя законченным подлецом, раз уж он все равно решил, что об этом следует подумать.

Он договорился встретиться с Дангларом и Конти на улице Сен Жак.

Спутанная магнитофонная лента в лучах утреннего солнца напоминала комок человеческих внутренностей, уложенных в центре круга; на сей раз линия была нарисована без отрыва. Данглар, огромный, усталый, откинул назад свои русые волосы и неподвижно наблюдал, как Адамберг приближается к месту происшествия. Непонятно почему, но этим утром Данглар показался Адамбергу особенно трогательным: может, оттого, что у инспектора был усталый вид, может, оттого, что он напоминал развенчанного мыслителя, упорствующего в своем желании постигнуть судьбы мира, может, оттого, что он так забавно сгибал и разгибал свое большое тело, сытое и вялое. Адамбергу снова захотелось сказать Данглару о том, как он его любит. Порой Адамберг с непривычной для окружающих легкостью произносил несколько немудреных ласковых слов, и все приходило в замешательство от его простодушия, не принятого у взрослых людей. Частенько Адамберг говорил комунибудь: «Вы очень красивы», – независимо от того, была ли это правда, независимо от того, как долго продолжался его собственный период равнодушия.

Сейчас Данглар, в безупречно сидящем пиджаке, стоял, прислонившись к машине. Его явно что то тревожило, но он это скрывал. Опустив руку в карман, он сжимал пальцами монетки и тер их друг о друга, отчего раздавался тихий скрежет. «Вот оно что, проблемы с деньгами», – подумал Адамберг. Данглар рассказал ему, что у него четверо детей, но из разговоров в конторе комиссар понял, что на самом деле их пятеро, живут они все в трехкомнатной квартире и им не на что рассчитывать, кроме зарплаты своего необъятного папаши. Но никто не жалел Данглара, а Адамберг – еще меньше, чем другие.

Было просто немислимо жалеть подобного типа. Он был столь явно умен, что казалось, вокруг него существовало поле радиусом около двух метров, входя в которое любой человек невольно начинал обдумывать каждое слово, прежде чем его произнести. Потому то Данглар представлял собой скорее объект пристального наблюдения, нежели жалости и благодеяний.

Адамберг гадал, генерирует ли подобное поле «друг философ», так часто упоминаемый Матильдой, и если да, то какого радиуса. Судя по всему, друг философ кое что знал о Матильде. Возможно, он был на вечеринке в ресторане «Доден Буффан». Узнать его имя, адрес, встретиться с ним, расспросить – уловка полицейского, не желающего раскрывать свои намерения. Адамберга прельщало не то, что ему удалось бы узнать, как это бывало обычно, а то, что у него появилось желание заняться этим самому.

– Имеется свидетель, – сообщил Данглар. – Он уже сидел в комиссариате, когда я оттуда выезжал. Он ждет меня, чтобы оформить показания.

– Что он видел?

– В двадцать три пятьдесят он видел низенького худого человечка, который бегом обогнал его. Только сегодня утром, слушая радио, он сопоставил факты. Он описал этого мужика: в годах, хилый, шустрый, лысоватый; под мышкой нес портфель среднего размера.

– И больше ничего?

– Еще кое что: поскольку свидетель оказался позади него, он почувствовал некий запах. Ему показалось, что это был слабый запах уксуса.

– Уксуса? Не гнилых яблок?

– Нет, уксуса.

Данглар заметно повеселел.

– Сколько свидетелей, столько носов, – добавил он, улыбаясь и разводя огромными ручищами. – И сколько носов, столько суждений. Сколько суждений, столько воспоминаний детства. У одного это гнилые яблоки, у другого – уксус, у третьего – мускатный орех или гуталин, а может, клубничное варенье, тальк, пыль на шторах, настойка для полоскания горла, маринованные корнишоны... Человек, рисующий синие круги, крепко пропах детством.

– Или шкафом, – добавил Адамберг.

– Почему шкафом?

– Не знаю. Ведь запахи детства живут в шкафах, разве нет? Шкафы – это нечто незыблемое. В них все запахи смешиваются и образуют единое целое, некий универсальный запах.

– По моему, мы уходим в сторону от сути дела.

– Не так уж далеко.

Данглар понял, что Адамберг опять куда то уплывает, отрывается от земли, с ним происходит неведомо что, во всяком случае, его и без того не слишком прочные логические построения разваливаются на глазах; инспектор попытался вернуть его к реальности, но тщетно.

– Я с вами не еду, Данглар. Запишите и оформите показания свидетеля с уксусом без меня, а я тем временем хотел бы послушать, что скажет «друг философ» Матильды Форестье.

– Вообще то мне казалось, что госпожа Форестье не вызывает у вас интереса в связи с этим делом.

– Вызывает, Данглар. Я с вами абсолютно согласен: она встала кому то поперек дороги. Но всерьез она меня не беспокоит.

Данглар подумал, что комиссара всерьез вообще мало что беспокоит, но в данном случае почувствовалось нечто иное, и инспектор быстро докопался до сути. Адамберг слукавил. И история с глупой слюнявой псиной, и то, что было дальше, должно было и действительно продолжало его беспокоить. Как и другие подобные вещи, которые Данглару, может быть, когда нибудь станут известны. Все правильно, это волновало Адамберга. Чем больше Данглар узнавал Адамберга, тем больше тот казался ему непроницаемым и непредсказуемым, как ночной мотылек, чьи неуклюжие, беспорядочные движения в воздухе быстро изматывают того, кто вознамерился его поймать.

Но ему очень хотелось кое что позаимствовать у Адамберга: его неопределенность, нечеткость, его внезапную задумчивость, когда его взгляд попеременно то тускнел, то начинал сверкать, вызывая желание то убежать, то подойти поближе. Данглар представлял, что, будь у него взгляд Адамберга, он смог бы видеть, как колеблются и размываются контуры реальности, словно кроны деревьев в жарком летнем мареве. Тогда мир не казался бы ему таким безжалостным и он уже не стремился бы понять его до конца, до тех дальних пределов, что теряются в глубине небес. Тогда он чувствовал бы себя не таким усталым. А сейчас только белое вино давало ему это ощущение отстраненности, правда, недолгое и фальшивое, и он знал это.

Как Адамберг и надеялся, Матильды дома не оказалось.

Он застал на месте только старуху Клеманс, склонившуюся над разбросанными по всему столу диапозитивами. На стуле рядом с ней лежала кipa газет, сложенных так, чтобы сверху были страницы с частными объявлениями.

Клеманс так много болтала, что просто не успевала смутиться. Она носила сразу несколько нейлоновых блузок, одну поверх другой, словно чешуйки луковицы. На голове ее красовался черный берет, во рту дымилась крепкая солдатская сигарета. Она говорила, почти не разжимая губ, из за чего трудно было рассмотреть ее знаменитые зубки, вдохновлявшие Матильду на забавные зоологические сравнения. Клеманс не была ни робкой и ранимой, ни властной и притягательной, она вызывала беспокойство и непреодолимое желание ее выслушать, чтобы, прорвавшись сквозь нагромождение глупостей, разобраться, как и куда направляется ее бешеная энергия.

– Сегодня вам попались удачные объявления?

Клеманс с сомнением покачала головой:

– Всегда попадается чтонибудь вроде: «Спокойный мужчина на пенсии, имеющий собственный домик, ищет подругу до пятидесяти пяти лет, которой понравилась бы коллекция гравюр восемнадцатого века», но мне наплевать на гравюры. Или еще: «Пенсионер, бывший коммерсант, хотел бы связать судьбу с привлекательной женщиной, любящей природу и животных», но мне и на природу наплевать. В любом случае, в этом трудно разобраться. Они все пишут одно и то же, и это всегда неправда, а правда такова: «Немолодой, не очень хорошо сохранившийся мужчина, полный, интересующийся только самим собой, ищет молодую женщину для занятий сексом». Так грустно, что люди никогда не пишут правду, из за этого теряется невероятное количество времени. Вчера я встречалась с троими, все – неудачники из неудачников. Все рушится из за того, что им не подходит моя внешность. Тут я в тупике. Что можно предпринять, я вас спрашиваю?

– Вы меня спрашиваете? А почему вы хотите выйти замуж любой ценой?

– Этот вопрос я себе даже не задаю. Можно было бы предположить, что несчастная старуха Клеманс не выдержала того, что ее жених испарился, не сказав ни словечка на прощанье. Но это не так. Господи Иисусе, я упустила нужный момент, когда мне было двадцать, я всегда все упускала. Не очень то я люблю мужчин, скажу я вам. Нет, конечно, они нужны, чтобы как то устроить жизнь. Я так думаю. У меня сложилось впечатление, что все благополучные

женщины так себя и ведут. В общем, я и благополучных женщин тоже не люблю. Они думают, как я: вышла замуж, значит, игра окончена. И теперь можно сделать из своей жизни чтонибудь подходящее. Представьте себе, я даже к мессе хожу. Если бы я не заставляла себя заниматься всем этим, во что бы я превратилась? Я бы стала воровкой, грабительницей, я бы сорила деньгами. А Матильда еще говорит, что я милая. Уж лучше оставаться милой, от этого, по крайней мере, не бывает неприятностей, правда ведь?

– А что Матильда?

– Без нее я до сих пор ждала бы пришествия Мессии на станции «Сансье Добантон». С Матильдой хорошо. Я сделаю что угодно, лишь бы я ее устраивала.

Адамберг даже не пытался сориентироваться в ее противоречивых заявлениях. Матильда предупреждала, что Клеманс может об одном и том же сначала сказать: «Это белое», – а через час: «Это черное», что она сочиняет историю своей жизни в зависимости от того, какое у нее настроение и кто ее собеседник. Нужно было бы, чтобы кто-нибудь набрался смелости и слушал несколько месяцев подряд, что говорит Клеманс, может, тогда бы хоть что-то прояснилось. Понадобилась бы чертовская смелость.

Тут не обойтись без психиатра, как сказали бы многие. Но даже это уже слишком поздно. Похоже, для Клеманс все было уже слишком поздно, это так, однако Адамберг не чувствовал по этому поводу ни малейшего сожаления. Возможно, Клеманс и считалась милой, вполне возможно, но в ней до такой степени не было ничего трогательного, что Адамберг недоумевал, как у Матильды могло возникнуть желание поселить ее в «Колюшке» и дать ей работу.

Если кто-то и проявлял доброту в исконном значении этого слова, так это Матильда: властная и решительная, она тем не менее всегда была щедрой и великодушной до самопожертвования. У Матильды эти качества проявлялись бурно, у Камиллы – мягко и ненавязчиво. Однако Данглар, судя по всему, думал о Матильде совсем другое.

– У Матильды есть дети?

– Дочь, господин комиссар. Удивительная красавица. Хотите взглянуть на фотографию?

В один миг Клеманс стала светской и предупредительной. Настало время получить то, за чем он пришел, пока она вновь не сменила тон, решил Адамберг.

– Фотографии не надо, – произнес он. – Вы знакомы с ее другом философом?

– Вы буквально засыпали меня вопросами, мсье. По крайней мере, это не причинит вреда Матильде?

– Никакого вреда, даже наоборот – при условии, что это останется между нами.

Адамберг не очень любил «полицейские хитрости», но что можно еще придумать, чтобы как то смягчить подобную фразу? Поэтому он заучивал подходящие слова Наизусть, чтобы без запинки произносить их в нужный момент.

– Я видела его дважды, – с важным видом сообщила Клеманс, затягиваясь сигаретой. – Он написал вот это...

Она выплюнула несколько табачных крошек, пошарила в книжном шкафу и протянула Адамбергу объемистый том: Реаль Лувенель, «Субъективные зоны сознания». Реаль – канадское имя. Адамберг помедлил минуту, пытаясь извлечь из памяти хотя бы обрывочные ассоциации, вызываемые этим именем. Ему не удалось вспомнить ничего определенного.

– Он начинал как врач, – уточнила Клеманс, по прежнему цедя слова сквозь зубы. – Кажется, он страшно умный, как я слышала. Не знаю, будет ли он вам по силам... Я совсем не хочу вас обидеть, но нужно проявить упорство, чтобы понять его. Кажется, Матильде до сих пор это удавалось. Ко всему сказанному могу только добавить, что он живет один с двенадцатью лабрадорами. Наверное, вонь ужасная, Господи Иисусе.

С предупредительностью было покончено. Ненадолго же ее хватило. Теперь она снова вела себя как городская сумасшедшая. Внезапно она спросила:

– Ну а вы как? Человек, рисующий круги, – это интересно? Вы пытаетесь чтонибудь сделать со своей жизнью или поставили на ней крест, как все остальные?

Старуха уже почти доконала его, а это случалось с ним нечасто. Не то чтобы ее вопросы смущали Адамберга, ведь, в сущности, они звучали вполне банально. Однако ему были неприятны и ее блузки, и ее почти не разжимающиеся губы, и руки в перчатках (чтобы не запачкать диапозитивы), и ее бесконечные разглагольствования. Пусть Матильда, добрая душа, выпутывается сама и помогает Клеманс выбраться из дебрей – он больше не желает иметь ничего общего с этой старухой. Он получил нужные сведения, и с него довольно. Он вышел, пятась и бормоча какие то любезности, чтобы не огорчить Клеманс.

Адамберг не торопясь отыскал адрес и телефон Реаля Лувенеля. Крайне возбужденный человек пронзительным голосом ответил комиссару, что готов встретиться с ним после полудня.

В доме Реаля Лувенеля действительно воняло псиной. Философ все время носился из стороны в сторону, ему до такой степени трудно было усидеть на стуле, что Адамберг всерьез озаботился вопросом, как же его собеседник ухитряется что то писать. Позже комиссар узнал, что Лувенель диктует свои книги.

Охотно отвечая на вопросы Адамберга, он занимался еще десятью делами одновременно: вытряхивал пепельницу, выбрасывал в корзину ненужные бумаги, сморкался, свистом подзывал собаку, брэнчал на пианино, ослаблял ремень на одно отверстие, садился, вставал, закрывал окно, стряхивал невидимые пылинки со спинки кресла. Даже мухе было бы за ним не поспеть. А Адамбергу тем более.

Приноровившись, насколько возможно, к утомительной суетливой беготне, Адамберг пытался записывать информацию, извергавшуюся из Лувенеля фонтаном путаных фраз. Чтобы не отвлекаться, комиссар изо всех сил старался не смотреть ни на философа, носившегося по всей комнате, ни на сотни фотографий, приколотых булавками к стенам и изображавших обнаженных юношей и выводки лабрадоров. Он слышал, как Лувенель говорил, что Матильда стала бы более видным и более серьезным ученым, если бы постоянно не отвлекалась на всякие примитивные проекты, что они познакомились еще во времена учебы в университете. Потом рассказывал, что в ресторане «Доден Буффан» Матильда напилась в стельку, что она собрала вокруг себя целую свору посетителей и всем поведала о своем знакомстве с человеком, рисующим синие круги: они де чертовски дружны, неразлучны, как штаны с задницей, и никто, кроме них, ничего не понимает в «метафорическом возрождении мостовых как новой области науки».

Также она заявила, что вино здесь вполне приличное и что она не прочь выпить еще, что она посвятила человеку, рисующему круги, свою последнюю книгу, что для нее не секрет, кто он на самом деле, но что о полной страданий жизни этого человека она никому не расскажет, это будет ее тайна, ее «матильдеизм», по аналогии со словом «эзотеризм». А «матильдеизм» – это такая штука, которую никому нельзя доверить, впрочем, объективно она интереса не представляет.

– Поскольку мне не удалось прервать ее излияния, я покинул заведение и потому не знаю, что было дальше, – заключил Лувенель. – Матильда, когда напивается, очень меня смущает. Она словно

растворяется, становится заурядной, шумливой и старается любой ценой всех очаровать. Никогда не следует давать Матильде пить, никогда, слышите?

– Был ли ктонибудь в зале, кого заинтересовала ее речь?

– Я только помню, что люди смеялись.

– Как вы считаете, зачем Матильда следит за людьми на улицах?

– Если не вдаваться в подробности, она хочет собрать нечто вроде коллекции диковинок, – ответил Лувенель, подтянув сначала брюки, а потом носки. – Можно было бы подумать, что со своей добычей, случайно обнаруженной на улицах, она поступает, как с рыбами: сначала ведет наблюдение, а потом регистрирует на карточках. Однако в данном случае все совсем не так. Трагедия Матильды в том, что она могла бы отправиться в глубины моря и жить там одна. Правильно, в этом состоит ее профессия, она неутомимый исследователь, ученый высочайшего уровня; но все это не имеет для нее особого значения. Ее искушает то, что у нее есть огромное водное пространство и она его освоила. Матильда – единственная аквалангистка, не берущая с собой сопровождающих при погружениях, а это очень опасно. «Я хочу в одиночестве познать страх и во всем разобраться, Реаль, – сказала мне она, – и утонуть, когда сама пожелаю, и лежать на дне океанской впадины, у самого основания земли».

Так обстоят дела. Матильда – частица вселенной. Не имея возможности расширяться и раствориться в ней, Матильда решила постичь ее суть, изучая физические объекты самых больших размеров. Она знала, что все это отдаляет ее от людей. Ведь Матильде доброты не занимать, если хотите, у нее дар доброты, и она не может в полной мере его реализовать. Так и получается, что она периодически меняет поле деятельности и предается другому своему увлечению, предметом коего являются люди, заметьте, я сказал «люди», а не «человечество». И она находит утешение, наблюдая, как люди без видимой цели ходят взад вперед по поверхности земной коры.

Матильда очень последовательна, и каждая крупинка человеческой натуры, которую ей удастся уловить, кажется ей настоящим чудом. Она делает записи, потом вводит их в память – одним словом, «матильдизирует». Попутно она иногда может поймать себе любовника, ведь Матильда очень влюбчива. Потом, пресытившись всем этим и решив, что она уже отдала дань любви к собратьям, она вновь отправляется в подводные путешествия. Вот почему она преследует людей на улицах – чтобы запастись впрок взмахами ресниц и

толчками локтей, прежде чем уехать и своим одиночеством бросить вызов необъятному простору.

– А вас самого человек, рисующий круги, не наводит ни на какие раздумья?

– Не сочтите меня высокомерным, но мне неинтересны эти проявления инфантильности. Даже убийство я тоже считаю проявлением инфантильности. Взрослые дети кажутся мне скучными, они – людоеды. Они способны только на то, чтобы питаться жизнью других. Они не в состоянии постичь себя. А поскольку у них отсутствует самовосприятие, они не могут жить. Единственное, что ими движет, – это жажда вырывать глаза и проливать кровь ближних. Поскольку они не могут воспринимать самих себя, они меня не занимают. Именно восприятие – заметьте, я не сказал «понимание» или «анализ» – человеком самого себя интересует меня в нем более других элементов познания, и это при том, что мне в жизни приходится изворачиваться, как и всем остальным. Вот и все мысли, на которые меня наводит человек, рисующий круги, и его убийство; впрочем, мне о нем не известно почти ничего, кроме того, что рассказала Матильда, хотя, мне кажется, она говорит о нем слишком много.

Тем временем Реаль завязывал шнурки на ботинках.

Адамберг ясно почувствовал, что Реаль Лувенель совершал над собой усилие, пытаясь приноровиться к слушателю, но не обиделся на него за это. Он не был уверен, что даже в упрощенном изложении он правильно понял, что именно этот непоседа подразумевал под «самовосприятием»: вне всякого сомнения, это было коронное выражение философа. Слушая Реаля, он думал о себе, это было неизбежно, так случилось бы со всяким на его месте. И он почувствовал, что, за отсутствием способности к самонаблюдению, он «себя воспринимал», возможно, именно в том смысле, который вкладывал в эти слова Лувенель, и доказательством тому служила периодически проявлявшаяся у комиссара «болезнь осознания». Адамберг знал, что к восприятию человеческого бытия иногда приходится идти извилистыми тропами, по пещерам, по грязи, когда сапоги увязают по щиколотку, когда не можешь найти ответа ни на один вопрос, и нужны сила и дерзость, чтобы не послать все это куда подальше. Сам он никуда это не послал только потому, что был уверен: если он так поступит, то неминуемо превратится в ничто.

Получалось, что тип с синим мелком в руке никого не волнует. Однако Адамберга не тревожило, разделяет ктонибудь с ним его тревогу или нет. Это было его, именно его дело. Он покинул Лувенеля,

продолжавшего вертеться волчком, но немного поутихшего после приема желтой овальной таблеточки. Адамберг питал глубокое недоверие к медикаментам и предпочитал целый день стойко переносить лихорадку и озноб, нежели проглотить хоть крупинку лекарства. Его сестренка как то сказала ему, что надеяться побороть болезнь без посторонней помощи – это самонадеянность и что личность не растворяется без осадка в пузырьке с аспирином. Да, с его сестренкой не соскучишься.

Вернувшись в комиссариат, Адамберг обнаружил Данглара уже в нерабочем состоянии. Инспектор нашел себе компанию, вместе они откупорили бутылочку белого вина, и на сей раз ежедневный ритуал Данглара прошел в ускоренном темпе.

Положив локти на стол, как на стойку бара, Матильда Форестье и красавец слепой усиленно прикладывались к пластиковым стаканчикам. Было довольно шумно.

В комнате явственно слышался только очаровательный голос Матильды. Рейе сидел, повернувшись к своей королеве, и вид у него был очень довольный. Адамберг вновь восхитился про себя великолепным профилем слепого, но тут же почувствовал раздражение, заметив, что тот – если подобное выражение уместно в данном случае – ласкает взглядом Матильду. Но что, сказать по справедливости, могло так рассердить Адамберга? Неужели мысль о том, что слепой готов целиком отдать себя Матильде? Нет. Матильда не настолько банальна, не в ее характере расставлять жалкие ловушки, чтобы завладеть более слабым и поглотить его.

Правда, теперь, когда кто то притрагивался к Матильде, Адамбергу было трудно избавиться от мысли, что кто то так же притрагивается к Камилле. Тем не менее он не стремился валить все в одну кучу. Для себя он уже давно сформулировал один спасительный принцип: любой человек имеет право прикоснуться к Камилле. А может, причиной его раздражения послужило то, что Данглар, судя по всему, тоже взялся за дело – это он то, прежде так решительно настроенный против Матильды.

Казалось, двое мужчин за столом затеяли между собой гонки на короткую дистанцию, и здесь явно разыгрывалась отдающая пошлостью сцена оболъщения, точно такая же, какие разыгрывались сотни тысяч раз за многие века. Впрочем, следовало отметить, что Матильда, уже изрядно приложившаяся к белому вину, не оставалась равнодушной к происходящему вокруг нее. В сущности, она имела на это право. А Данглар и Рейе тоже имели право вести себя как

подростки, если им так нравилось. Разве его ктонибудь заставляет выступать в роли судьи и обучать их искусству обольщения? Разве сам он чтонибудь смыслит в этом искусстве, если не смог придумать ничего более оригинального, чем забраться в постель к молоденькой соседке снизу? Нет, до искусства тут далеко.

Эти мысли застали его врасплох, он разволновался, однако все же сумел тщательно взвесить все свои слова и от начала до конца обдумать свое поведение, сообразуясь с проверенными жизнью правилами. Разве то, как он поступал с Кристианой, имело какое-нибудь отношение к искусству обольщения? С ней он вел себя еще хуже, чем с остальными. И тут он сообразил, что даже и не пытался об этом подумать, хотя собирался. Значит, надо выпить с Дангларом и его гостями и попытаться выяснить, что Матильда и Рейе здесь забыли.

Если внимательно присмотреться, Данглар вовсе не был сбит с толку, оказавшись действующим лицом в сцене обольщения вместе с двумя подозреваемыми, сидящими за столом рядом с ним. А если присмотреться еще более внимательно, можно было заметить, что мыслитель Данглар, каким бы пьяным он ни выглядел, пристально наблюдал и сосредоточенно слушал, исподволь направляя ход беседы. Несмотря на количество выпитого, безжалостный мозг инспектора воспринимал Матильду и Рейе как людей, непосредственно замешанных в деле об убийстве. Адамберг улыбнулся и подошел к столу.

– Я знаю, это против правил, – заявил Данглар, указывая на стаканы. – Но эти люди – не мои клиенты. Они просто проходили мимо. Вообще то они хотели повидаться с вами.

– Еще как хотели, – мрачно подтвердила Матильда.

Матильда подняла глаза, и Адамберг понял, что она ужасно на него сердита. Следовало непременно избежать бурной сцены при свидетелях. Он отставил стакан и пригласил гостей в свой кабинет, сделав знак Данглару – на всякий случай, чтобы тот не обиделся. Но Данглару было все равно, он снова погрузился в свои бумаги.

– Итак, Клеманс не выдержала и все рассказала? – мягко спросил Адамберг у Матильды, усевшись в кресло боком.

Комиссар улыбался, склонив голову к плечу.

– Ей не пришлось, – сказала Матильда. – Похоже, вы ее засыпали вопросами о ее жизни, потом о Реале. Ну и что все это значит, Адамберг?

– Это значит, что я полицейский, как мне кажется, – ответил Адамберг. – Не засыпал я ее вопросами. Клеманс сама говорит без умолку,

посвистывая сквозь зубки. Мне хотелось познакомиться с Реалем Лувенелем. Я как раз от него.

– Знаю, и это меня выводит из себя.

– Это нормально.

– Чего вы от него хотели?

– Узнать, что вы наговорили в ресторане «Доден Буффан».

– Какая разница, боже мой?

– Изредка – совсем не часто, поверьте – у меня возникает непреодолимое желание узнать, что люди от меня скрывают. Вдобавок ко всему с момента публикации статьи в газете пятого округа для тех людей, кто хотел бы поближе подобраться к человеку с кругами, вы стали чем то вроде липучки для мух. Значит, настало время заняться этим вплотную. Думаю, вы уже почти узнали, кто он. Я надеялся, что вы сообщили об этом в тот вечер и что Лувенель введет меня в курс дела.

– Я даже не могла себе представить, что вы способны на такое коварство.

Адамберг пожал плечами:

– А вы, госпожа Форестье? Помните, как вы пришли в комиссариат в первый раз? По вашему, вы поступили честно?

– Выбора не было, – проворчала Матильда. – Но вас то все считают безупречным. И вдруг выясняется, что вы такой изворотливый.

– У меня тем более не было выбора. И потом, это правда, я человек изменчивый. Я все время меняюсь.

Адамберг сидел, склонив голову и подперев ее рукой. Матильда смотрела на него.

– Вот вот, – снова заговорила она, – вы аморальны, вам бы проституткой работать.

– Этим я и занимаюсь, чтобы добыть нужные сведения.

– Сведения о чем?

– О нем. О человеке, рисующем синие круги.

– Вы будете разочарованы. Я сама придумала облик человека, рисующего круги, опираясь на воспоминания о других людях. У меня нет ни одного доказательства. Все – чистый вымысел.

– Мне приходится по кусочкам вытягивать из вас правду, – пробормотал Адамберг. – На это уходит слишком много времени. Не могли бы вы мне просто сказать, кто он? Даже если вы снова чтонибудь выдумаете, мне все равно интересно.

– Моя история не имеет под собой реального основания. Человек, рисующий круги, напоминает мне одного мужчину, которого

однажды, лет восемь назад, я довольно долго выслеживала, и было это в квартале Пигаль. Я наблюдала за ним в маленьком темном ресторане, куда он каждый день приходил завтракать в одиночестве. Он ел и одновременно работал, никогда не снимая плаща, завалив весь стол кипами книг и бумаг. И когда чтонибудь падало на пол, а это происходило постоянно, он наклонялся, придерживая полы плаща так аккуратно, словно это было подвенечное платье. Несколько раз заходила его жена со своим любовником, и они втроем пили кофе. Он производил впечатление несчастного человека, обреченного сносить унижения, чтобы сохранить в жизни хоть что-нибудь. Когда жена с любовником уходила, он уже был не в состоянии сдержать злобу и начинал ножом для мяса методично кромса́ть бумажную скатерть, что, по всей видимости, у него не слишком хорошо получалось. Я бы посоветовала ему выпить, но он был трезвенником.

В те дни я записала о нем в дневнике: «Маленький человечек, жаждущий власти, но не добившийся ее. Как он с этим справится?» Видите, мои замечания весьма поверхностны. Вот и Реаль мне всегда говорит: «Матильда, ты очень поверхностна». Потом я оставила того типа в покое. Из-за него я стала нервной и печальной. Я веду слежку за людьми, чтобы обрести душевное равновесие, а не для того, чтобы копаться в их бедах.

Однако когда я увидела человека, рисующего круги, увидела, как он присаживается на корточки, придерживая полы пальто, я вспомнила того типа. Однажды вечером я перелистала дневник и нашла страницы о человечке, жаждавшем власти, но не получившем ее; тогда я сказала себе: «Почему бы нет? Может, он нашел именно такое решение, чтобы добиться власти». Поскольку я существо поверхностное, таким выводом я и ограничилась. Вот видите, Адамберг, вы разочарованы. Не стоило труда под покровом тайны являться сначала ко мне, потом к Реалю, чтобы в итоге получить столь ничтожные сведения.

Однако теперь Матильда уже не сердилась.

– Почему вы мне это сразу не рассказали?

– Я не была уверена, что все именно так. Не была убеждена. Кроме того, вам известно, что я стараюсь оберегать человека, рисующего синие круги. Можно сказать, у него в жизни никого нет, кроме меня. Получается, у меня есть обязательства перед ним, и их надо выполнять. И потом, черт возьми, я всегда боялась, как бы мои записи не превратились в собрание доносов.

– Что ж, понятно, – заявил Адамберг. – А почему вы его называете «жаждущим»? Забавно, но Лувенель тоже употребил в нашей беседе именно это слово. В любом случае, после ваших заявлений в ресторане «Доден Буффан» вы сделали себе чертовски шумную рекламу. Достаточно было обратиться к вам, чтобы узнать все остальное.

– Чего ради?

– Я вам уже говорил: мания человека с кругами служит подстрекательством к убийству.

Комиссар употребил слово «мания», чтобы не вдаваться в долгие объяснения, тем не менее он помнил рассуждения Веркора Лори о том, что, в принципе, человек с кругами по признакам не может быть отнесен к категории маньяков. У Адамберга это вызывало чувство удовлетворения.

– У вас не было странных посетителей после той ночи в ресторане «Доден Буффан» и после появления статьи в газете? – вновь принялся расспрашивать ее Адамберг.

– Нет, – ответила Матильда, – впрочем, правильнее было бы сказать, что у меня все посетители – странные.

– После того вечера вы еще когданибудь следили за человеком с кругами?

– Разумеется, и не один раз.

– Поблизости от вас никто не появлялся?

– Я ничего не заметила. На самом деле меня это не волновало.

– Ну а вы? – повернувшись к Шарлю Рейе, спросил Адамберг. – Вы то что здесь делаете?

– Я пришел с мадам, господин комиссар.

– Зачем?

– Чтобы развлечься.

– Или чтобы разузнать побольше. А ведь мне говорили, что Матильда Форестье всегда ныряет в одиночестве, вопреки законам профессии. Обычно она не заботится о том, чтобы ктонибудь ее сопровождал и защищал.

Слепой улыбнулся:

– Госпожа Форестье была в страшном гневе.

Она спросила меня, не хочу ли я пойти с ней и увидеть, что она здесь устроит. Я согласился. Отличная возможность хорошо провести остаток дня. Однако я тоже разочарован. Вы слишком быстро выбили Матильду из седла.

– Не доверяйте ей, – улыбнулся Адамберг. – У нее в запасе еще много лжи. Скажите, а вы были в курсе того, о чем писали в газете пятого округа?

– Ее же не печатают брайлем, – буркнул Шарль. – Правда, несмотря на это, я был в курсе дела. Вас такой ответ удовлетворяет? А вас, Матильда, наверное, удивляет? Или пугает?

– Мне все равно, – ответила Матильда. Шарль пожал плечами и просунул пальцы под свои черные очки.

– Кто то говорил об этом в отеле, – продолжал Шарль. – Какой то клиент в холле.

– Вот видите, – сказал Адамберг, повернувшись к Матильде, – информация распространяется быстро, даже среди тех, кто не может читать. Тот клиент в гостинице, что он говорил?

– Что то вроде: «Знаменитая дама, та, что плавает по морям, опять взялась за свое! Она снюхалась с полоумным, который синие круги рисует!» Вот и все, что мне стало известно. Ничего конкретного.

– Почему вы так охотно подтверждаете, что были в курсе дела? Ведь это ставит вас в затруднительное положение. Вы же знаете, что с вами не все ясно. Вы чудесным образом появляетесь в доме Матильды, и на время совершения убийства у вас нет алиби.

– Вы и об этом уже знаете?

– Конечно. Данглар не сидит сложа руки.

– Если бы я сам не признался, вы все равно начали бы выяснять и узнали бы правду. Так не лучше ли избежать обвинения во лжи, верно?

На лице Рейе играла та самая недобрая улыбка, что появлялась у него вместе с желанием раздавить весь мир.

– Однако я не знал, – добавил он, – что именно с госпожой Форестье я говорил в кафе на улице Сен Жак. Я только позже сопоставил факты.

– Да, – подтвердил Адамберг, – вы мне уже об этом говорили.

– Но и вы тоже иногда повторяетесь.

– Так часто бывает в определенные моменты следствия: все начинает повторяться. Журналисты называют это «топтаться на месте».

– Отрезки второй и третий, – вздохнула Матильда.

– Потом внезапно все раскручивается с такой скоростью, – продолжал Адамберг, – что уже не хватает времени даже поговорить.

– Отрезок первый, – заключила Матильда.

– Вы правы, Матильда, все совсем как в жизни. То спад, то подъем.

– Весьма банальная мысль, – сердито пробурчал Шарль.

– Я часто говорю банальности,– согласился Адамберг. – Я повторяюсь, высказываю очевидные истины, короче говоря, разочаровываю собеседника. С вами никогда такое не случается, господин Рейе?

– Стараюсь этого избегать, – заявил слепой, – потому что терпеть не могу заурядной болтовни.

– А я могу. Мне все равно.

– Ладно, хватит,– устало сказала Матильда. – Комиссар, мне не нравится, когда разговоры принимают подобный оборот. Так и увязнуть недолго. Я предпочитаю видеть вас «на подъеме», когда у вас глаза горят.

– Весьма банальная мысль,– ответил Адамберг с улыбкой.

– Что правда, то правда: поэтические и сентиментальные метафоры Матильды иногда бывают просто чудовищны, но это ее не смущает, – съязвил Рейе.– Вы с ней выступаете в разных жанрах.

– Ну, что? Может быть, закончим? Не пора ли нам уходить? – сердито спросила Матильда. – Вы оба меня раздражаете. А это уж совсем другой жанр.

Адамберг улыбнулся и помахал им рукой. Через секунду он уже остался один.

«Зачем Шарль Рейе сказал: «Вот и все, что мне стало известно», почему он счел необходимым это подчеркнуть?» – подумал комиссар.

Очевидно, потому, что ему было известно гораздо больше. Зачем же тогда он признался, пусть даже это далеко не вся правда? Затем, чтобы мы не стали копать глубже.

Адамберг позвонил в гостиницу «Жилище Великих Людей». Портфель вспомнил и о газете 5 го округа, и о том, что говорил один из клиентов по поводу той статьи. Слепому он тоже отлично помнил. Такого слепого разве забудешь?

– Рейе просил подробно пересказать ему статью? – спросил Адамберг.

– Ну, разумеется, господин комиссар. Он потребовал, чтобы я ему эту статью прочитал. В противном случае я бы все это так хорошо не запомнил.

– Какой была его реакция?

– Трудно сказать, господин комиссар. Иногда он улыбался так, что у меня мороз пробежал по коже и я чувствовал себя полным идиотом. В тот день он как раз так и улыбался, но я совершенно не понял, что он хотел этим сказать.

Адамберг поблагодарил его и повесил трубку. Шарль Рейе хотел узнать как можно больше. И потому сегодня пошел с Матильдой в

комиссариат. Что касается самой Матильды, она узнала о существовании человека, рисующего синие круги, гораздо раньше, чем говорила. Конечно, все это могло не иметь ровно никакого значения. Ему всегда было скучно анализировать информацию такого сорта. Он избавился от этого нудного занятия, сообщив полученные сведения Данглару. В случае необходимости Данглар воспользуется ими гораздо лучше, чем он. Таким образом, он теперь мог думать о человеке, рисующем синие круги, и только о нем.

Матильда была права, и комиссар тоже ждал, когда наступит подъем. Он также понял и то, что она хотела сказать своей избитой метафорой «глаза горят». Сколько ни называй ее избитой, глаза действительно иногда горят, и от этого никуда не денешься. У Адамберга огонь в глазах появлялся или пропадал в зависимости от того, что с ним происходило в данный момент. Сейчас его взгляд блуждал где то в море, а где точно, он не знал.

Ночью ему приснился отвратительный сон – смесь физического удовольствия и странных видений.

Будто бы Камилла в костюме служащего отеля вошла к нему в комнату, с серьезным видом сняла с себя всю одежду и улеглась рядом с ним. Он не сопротивлялся, хотя чувствовал, что катится по наклонной плоскости. Тут появился служащий каирской гостиницы и, смеясь, показал Адамбергу растопыренные пальцы, что означало: «Я с ней был десять раз». Потом откуда то возникла Матильда, произнесла: «Он хочет посадить тебя в тюрьму», – и вырвала дочь из объятий Адамберга. А сама крепко обняла ее. Сдохнуть, но не отдать ее Матильде. Вдруг он на какой то миг осознал, что сон перерастает в кошмар, что удовольствие, испытанное им вначале, безвозвратно исчезло, что лучше проснуться и положить этому конец. Было четыре часа утра.

Адамберг, чертыхаясь, поднялся с постели. Он походил по квартире. Да, он катится по наклонной плоскости. По крайней мере, если бы Матильда не сказала ему о своей дочери, он по прежнему думал бы о Камилле как о чем то далеком и нереальном, что легко удавалось ему все эти годы. Нет, все началось гораздо раньше, когда он решил, что она умерла. Именно тогда Камилла вернулась к нему из туманной дали, где прежде витал ее неясный образ, вызывая у Адамберга нежность, но не приближаясь ни на шаг. К тому времени он уже познакомился с Матильдой, увидел ее египетский профиль, и Камилла возродилась в его сердце с новой силой, как никогда прежде. Так все и началось. Да, так и возникла опасная череда ощущений,

разрывавшая на части его мозг, череда воспоминаний, поднимавшихся в нем, словно черепица, которую во время грозы срывает шквал, оставляя проломы в крыше, прежде содержавшейся в идеальном порядке.

Будь она проклята, эта наклонная плоскость. Адамберг никогда не возлагал особых надежд на любовь и ничего от нее не ждал, и не потому, что противился чувствам, – это было бы бессмысленно, – просто любовь не была главным стимулом его жизни. Иногда он думал, что любовь – это слабость, а иногда – что это подарок судьбы. Он не верил в любовь и считал, что это в порядке вещей. Особенно сегодня ночью. И все же, расхаживая широкими шагами по квартире, он думал о том, как хорошо было бы сейчас хоть на один час оказаться в объятиях Камиллы. Однако это было невозможно, и он чувствовал себя обделенным. Он закрывал глаза, чтобы представить себе Камиллу, но ему становилось только хуже.

Где она теперь? Почему она не приходит, чтобы побыть с ним до завтра? Он понимал, как ему этого хочется, и его приводило в отчаяние то, что желанию этому не суждено исполниться ни теперь, ни в будущем. Не само по себе желание причиняло ему беспокойство. Он никогда не ввязывался в дискуссию с гордыней. Его волновало ощущение, что он теряет время и сон, отдавая себя во власть постоянно повторяющейся бессмысленной галлюцинации и зная, что жизнь давно уже стала бы гораздо приятнее, если бы он сумел обрести свободу. Но, освободившись, он перестал бы быть самим собой. Вот глупость: взять да и встретить Матильду!

Адамбергу так и не удалось заснуть, и в пять минут седьмого он уже входил в свой кабинет. Он сам ответил на телефонный звонок из комиссариата 6 го округа, раздавшийся десять минут спустя. На углу бульвара Сен Мишель и длинной пустынной улицы Валь де Грас патрульные обнаружили новый круг; в центре лежал карманный англо испанский словарь. Измучившийся за ночь Адамберг решил воспользоваться случаем и пройтись пешком. Полицейский караулил место происшествия с таким видом, словно охранял плащаницу. Он вытянулся по стойке «смирно» перед крохотным словариком, лежащим у его ног. Дурацкое зрелище.

«Неужели я ошибаюсь?» – подумал Адамберг. В двадцати метрах от него вниз по бульвару уже открылось одно кафе. Было семь часов. Адамберг выбрал столик на террасе, уселся и спросил у официанта, в котором часу закрывается кафе и кто работал накануне вечером, между одиннадцатью и половиной первого. Он предполагал,

что человек, рисующий синие круги, если он по прежнему ездит на метро, по дороге к станции «Люксембург» мог пройти мимо кафе. Хозяин заведения сам подошел к столику, чтобы ответить на вопросы. Он был настроен агрессивно, и комиссару пришлось показать удостоверение.

– Ваше имя мне знакомо, – заявил хозяин, – вы знаменитый полицейский.

Адамберг не стал отрицать. Так будет легче разговаривать.

– Да, – подтвердил хозяин, выслушав Адамберга, – да, я видел одного подозрительного типа, похожего на того, кого вы ищете. Примерно в пять минут первого он резво пробежал рысцой мимо меня, когда я перед закрытием убирал столы на террасе. Вы знаете, что такое эти пластмассовые стулья, они все время качаются, падают, за все цепляются. Короче, один из стульев упал, и тот человек споткнулся о него. Я подошел и хотел помочь ему подняться, но он молча оттолкнул меня и помчался дальше, прижимая к себе локтем портфель, потому что ни на секунду не желал с ним расставаться.

– Да, все сходится, – произнес Адамберг.

Солнце уже поднялось и освещало террасу, комиссар помешивал кофе, дела, кажется, пошли на лад. Камилла наконец снова удалась и заняла свое привычное место.

– Что вам пришло в голову, когда вы увидели его?

– Ничего. Впрочем, я подумал, что вот еще один бедолага, – я говорю «бедолага», потому что он был очень худой и маленький, – несчастный мужик, который позволил себе выпить вечером, а теперь со всех ног несетя домой, потому что боится, как бы его баба не устроила ему взбучку.

– Да уж, мужская солидарность, – пробурчал Адамберг, внезапно почувствовав легкое отвращение к собеседнику. – А почему вы решили, что он пил? Он нетвердо держался на ногах?

– Нет, если подумать, он, наоборот, был очень проворным. От него вроде бы пахло спиртным, как мне показалось. Теперь я припоминаю, после того, как вы об этом заговорили. Чуются такие вещи – это у меня вторая натура. Вы же понимаете, при моей то профессии... Покажите мне любого мужика, и я точно определю, до какой стадии он дошел. Тот нервный коротышка вчера вечером явно где то приложился к бутылке, но не так уж сильно. От него попахивало, да, попахивало.

– Чем? Виски? Вином?

– Нет. – Хозяин кафе колебался. – Ни тем, ни другим. Чем то послаще. Мне кажется, такой штукой, которую пьют из маленьких ликерных рюмок. Режутся в карты и пропускают одну за другой: так обычно старые холостяки время проводят. По маленьку да потихонечку, а набратся можно будь здоров, хоть на вид это пошло – полная мура.

– Кальвадос? Может быть, грушевая водка?

– Эх, вы слишком много от меня хотите! Тут и выдумать чтонибудь недолго. В конце концов, зачем мне было обнюхивать того мужичка?

– Значит, скажем так: пахло какой то фруктовой наливкой.

– А вам это чтонибудь дает?

– Очень много, – ответил ему Адамберг. – Будьте так любезны, зайдите в комиссариат сегодня в течение дня. Там запишут ваши показания. Вот адрес. И, пожалуйста, не забудьте сказать моему коллеге о фруктовом запахе.

– Я сказал: пахло спиртным, а не фруктами.

– Ладно, как хотите. Это не важно.

Адамберг улыбался, чувствуя удовлетворение. Чтобы проверить себя, он подумал о своей любимой малышке и почти ничего не ощутил. Только едва заметное желание появилось и пропало, словно птица, пролетевшая вдалеке; продолжения не последовало. Он облегченно вздохнул и вышел из кафе. Сегодня он пошлет Данглара к Матильде, чтобы любой ценой узнать у нее адрес ресторана, где она вела наблюдение за грустным человечком, всегда работавшим в плаще. Кто знает?

Сам он сегодня предпочел бы не встречаться с Матильдой.

Человек, рисующий синие круги, продолжал орудовать мелом в непосредственной близости от улицы Пьера и Марии Кюри. Он не собирался успокаиваться и вступил в дискуссию.

А Адамберг его поджидал.

Данглар выведал у Матильды адрес ресторана в квартале Пигаль, но заведение уже два года как перестало существовать.

Весь день Данглар внимательно наблюдал, как Адамберг бесцельно бродит по комнатам. Инспектор считал, что расследование слишком затянулось, однако вынужден был признать, что они не в состоянии почти ничего сделать. Со своей стороны, он буквально по крупицам просеял всю жизнь Мадлены Шатлен, но не нашел ни единой зацепки. Еще он навестил Шарля Рейе и попросил объяснить причины его повышенного интереса к статье в той газетенке.

Рейе, застигнутый врасплох, обозлился, в особенности его задело то, что он ничего не сумел скрыть от Адамберга. Но Рейе питал необъяснимую симпатию к Данглару; глуховатый и тягучий голос этого человека, высокого и крупного, как ему представлялось, раздражал его куда меньше, чем мягкие ласкающие интонации Адамберга. Ответ Рейе оказался очень простым. Еще будучи студентом и изучая зоологию, он посещал лекции, которые читала Матильда Форестье. Это легко проверить. В те дни у него не было причин кого либо ненавидеть, поэтому он мог беспристрастно оценить госпожу Форестье такой, какая она есть; он считал ее умной и соблазнительной женщиной и не забыл ни единого слова из ее лекций. Потом настало время, когда он решил вычеркнуть из памяти всю свою прежнюю жизнь. Но, услышав, как какой то человек в холле гостиницы начал болтать о «знаменитой даме, той, что плавает по морям», он вдруг почувствовал, что проснувшиеся воспоминания доставляют ему удовольствие и что в конечном итоге ему хочется удостовериться, действительно ли речь идет о Матильде, и если да, то в чем ее обвиняют.

Рейе почувствовал, что Данглар, скорее всего, ему поверил. Тем не менее инспектор спросил, почему Шарль не рассказал все это Адамбергу накануне и почему он решил не говорить Матильде, что был с ней знаком задолго до их случайной встречи в кафе на улице Сен Жак. На первый вопрос Рейе ответил, что не хотел, чтобы Адамберг еще больше портил ему жизнь, на второй – что предпочел бы не смешиваться с толпой вечных студентов Матильды, которые, постарев, превратились в покорных слуг прекрасной дамы. Такая роль не для него.

Если подвести итог, это мало что нам дает, подумал Данглар. Вся эта сваленная в кучу полуправда только еще больше затягивает дело. Дети будут разочарованы. Однако именно Адамберга Данглар считал виновным в том, что дни шли так медленно и их однообразное течение только иногда, по утрам, оживлялось сообщениями о появлении синих меловых кругов.

Он предполагал – хотя ничем не мог это доказать, – что именно Адамберг имеет пагубное влияние на ход времени. В результате на всех сотрудиниках комиссариата 5 го округа лежал отпечаток странного поведения их начальника. Кастро теперь не впадал в бешенство по малейшему поводу, как бывало прежде. Маржелон больше почти не говорил глупостей. И дело не в том, что один вдруг стал уравновешенным, а другой поумнел, просто люди словно поняли, что не стоит постоянно ломать голову и обсуждать рабочие вопросы.

Хотя, возможно, это было всего лишь ощущение, возникшее у Данглара из за бесконечных тревог, но ему казалось, что многочисленные мелкие взрывы и конфликты сначала стали меньше бросаться в глаза, потом потеряли смысл и, наконец, сменились беззаботной покорностью судьбе. Это представлялось ему гораздо более опасным. Все его коллеги как будто спокойно ставили паруса на своих лодках и так же спокойно смотрели, как паруса опадают, когда стихает ветер, и их нисколько не волновало вынужденное бездействие. Мелкие будничные дела шли своим чередом, за вчерашний день на одной улице было совершено три нападения на прохожих. Адамберг входил и выходил, исчезал и появлялся, и никто больше не упрекал его и не бил тревогу.

Жан Батист рано лег спать. Кажется, ему удалось довольно вежливо выпроводить молоденькую соседку снизу, и та не обиделась.

А между тем еще сегодня утром он так хотел немедленно ее видеть, чтобы она избавила его от навязчивых мыслей, чтобы ему снилось именно ее тело. Но едва настал вечер, как у него возникло одно единственное желание: как можно скорее заснуть, причем в полном одиночестве, чтобы в постели с ним не было ни девушки, ни книжки, ни мыслей.

Когда среди ночи зазвонил телефон, он сразу понял: это случилось, пришел конец топтанию на месте, наступает подъем. А еще он понял, что опять кого то убили. Звонил Маржелон. На бульваре Распай, в его пустынной части, примыкающей к площади Данфер, был зверски зарезан мужчина. Маржелон звонил с места преступления, где он находился вместе с группой сотрудников 14 го округа.

– А круг? Как выглядит круг? – взволнованно спросил Адамберг.

– Есть и круг, комиссар. Очень аккуратно вычерчен, похоже, мужик не торопился. И надпись на месте. Та же, что и раньше: «Парень, горек твой удел, лучше б дома ты сидел!» Пока больше ничего сказать не могу. Жду вас.

– Еду. Разбудите Данглара. Скажите, пусть приезжает как можно скорее.

– Может, не всех поднимать на ноги?

– Я приказываю, – произнес Адамберг. – И вы тоже останьтесь, – добавил он.

Он это сказал, чтобы не обидеть Маржелона.

Адамберг натянул первые попавшиеся брюки, надел первую попавшуюся рубашку, что немедленно было отмечено Дангларом, когда они встретились на месте происшествия. Рубашку комиссар

вообще застегнул криво, сикось наось, как говорил дед Данглара. Не отрывая взгляда от трупа, Адамберг старался вернуть на нужное место петли и пуговицы, предварительно полностью расстегнувшись и совершенно не считаясь с тем, что раздеваться посреди бульвара Распай, да еще в присутствии коллег из 14 го округа, – занятие не совсем приличное. Те молча наблюдали за его манипуляциями. Было полчетвертого утра.

У Данглара возникло желание защитить Адамберга от всех и вся: так бывало каждый раз, когда инспектор предполагал, что его шеф может стать мишенью для язвительных замечаний. Однако сегодня Данглар ничем не мог бы ему помочь.

Адамберг невозмутимо привел в порядок одежду, продолжая внимательно разглядывать

тело, освещенное прожекторами и, судя по всему, изуродованное еще страшнее, чем тело Мадлены Шатлен. Рана на шее была так глубока, что голова мужчины неестественно вывернулась набок.

Данглар пребывал в таком же жалком состоянии, что и в прошлый раз, на месте убийства Мадлены Шатлен, поэтому сегодня он старался вовсе не смотреть на труп. Горло вообще было слабым местом инспектора. Одна только мысль о том, что ему надо надеть шарф, вызывала у него панику, словно он боялся задохнуться. Он даже подбородок брить не любил. Вот и теперь он глядел на ноги покойника, которые, словно стрелки, указывали на слова надписи: одна – на «парень», другая – на «удел».

Тщательно вычищенные ботинки классической модели. Данглар скользнул взглядом по распростертому на земле долговязому телу, оценил добротный крой серого костюма, отметил, что на убитом был жилет, надетый, возможно, по особому случаю. «Старый доктор», – решил Данглар.

Адамберг рассматривал тело с другой стороны, он разглядывал шею. Его губы были поджаты, и на лице застыла гримаса отвращения – к тому, чья рука так безжалостно искромсала горло пожилого мужчины. Он вспоминал о глупой слякучивой псине, и все. Его коллега из 14 го округа подошел и пожал ему руку:

– Комиссар Лувье. Только сегодня представился случай познакомиться с вами, Адамберг. При таких тяжелых обстоятельствах.

– Да, разумеется.

– Я счел необходимым предупредить также и людей вашего округа, – не отставал Лувье.

– Очень вам признателен. А кто этот господин? – спросил Адамберг.

– Думаю, врач на пенсии. Во всяком случае, на это указывает сумка первой помощи, что была при нем. Ему семьдесят два года, его имя – Жерар Понтье, уроженец департамента Эндр, рост – метр семьдесят девять, короче говоря, о нем пока нечего сказать, кроме того, что значится в удостоверении личности.

– Мы не могли этому помешать, – грустно сказал Адамберг, качая головой. – Никак не могли. Мы предвидели второе убийство, но все равно не смогли бы его предотвратить. Всех полицейских Парижа было бы недостаточно, чтобы этого не допустить.

– Я понимаю, о чем вы думаете, – произнес Лувье. – Вы занимались этим делом с момента убийства Шатлен, и вам не удалось поймать виновного. Он вновь совершает преступление, разумеется, тут нет ничего хорошего.

Да, примерно об этом и думал Адамберг. Он знал, что второе убийство неминуемо должно произойти. Однако он ни на секунду не допускал, что сумеет как то предотвратить это. Расследование иногда входит в такую стадию, когда ничего нельзя сделать и остается только ждать, когда свершится непоправимое, и тогда уже пытаться получить новую информацию. Адамберг не испытывал угрызений совести. Но он страдал, глядя на несчастного старика, такого нарядного и милого, что лежал перед ним на земле. Именно он расплатился за бессилие Адамберга.

Едва рассвело, как тело увезли в специальном фургоне. Конти еще раньше прибыл на место и, сменив коллегу из 14 го округа, уже успел произвести съемку при естественном освещении. Адамберг, Данглар, Лувье и Маржелон вместе уселись за столиком в только что открывшемся «Кафе Рютен». Адамберг по прежнему молчал, а его массивный коллега из 14 го округа в растерянности поглядывал на его потускневшие глаза, кривящиеся губы, растрепанные волосы.

Расспрашивать владельцев ближайших заведений не имеет смысла: «Кафе дез Ар» и «Кафе ЙРютен» закрываются слишком рано, около десяти вечера. Человек, рисующий круги, отлично знает, когда и в каких местах улицы безлюдны. Он уже однажды наведалься сюда, когда оставил в кругедохлую кошку, на улице Фруадево, что идет вдоль кладбища.

– Это наша территория, – заметил Лувье. – Вы нас не предупредили.

– Тогда не было ни убийства, ни даже несчастного случая, – ответил ему Данглар. – Мы там оказались из чистого любопытства. Впрочем, вы не очень точны: ведь нас проинформировал кто то из ваших людей.

– Ну, ладно, – махнул рукой Лувье. – Спасибо, хоть сейчас ввели в курс дела.

– Как и в прошлый раз, – вступил в разговор Адамберг, – труп размещен целиком в пределах круга. Невозможно разобраться, то ли преступник – человек, рисующий круги, то ли его опять кто то использовал. Снова эта двусмысленность, эта неясность. Ловко придумано.

– И что из этого следует?

– Ничего. Медэксперт говорит, что смерть наступила около часа ночи. Пожалуй, поздновато, – немного помолчав, заключил он.

– То есть? – Лувье не унимался.

– То есть после закрытия метро.

Лувье был озадачен. Данглар вскоре понял по его лицу, что он больше не хочет участвовать в разговоре. Адамберг спросил, сколько времени.

– Почти половина девятого, – сообщил Маржелон.

– Позвоните Кастро. В полпятого я его просил найти хоть какие нибудь сведения о новом деле. Теперь, должно быть, у него уже кое что есть. Поторопитесь, иначе он ляжет спать. А Кастро, знаете ли, к своему сну относится очень серьезно.

Маржелон вернулся и объявил, что предварительный сбор данных особых результатов не дал.

– Не сомневаюсь, – сказал Адамберг. – Тем не менее расскажите то, что есть.

Маржелон заглянул в свои записи.

– Доктора Понтье нет в картотеке. Мы уже известили его сестру, она по прежнему живет в их семейном доме в Эндре. Кажется, она единственная его родственница. Ей лет восемьдесят или около того. Будучи сыном фермеров, доктор Понтье совершил восхождение по общественной лестнице, и на это, судя по всему, он израсходовал всю свою энергию. Это слова Кастро, – уточнил Маржелон. Затем продолжил: – Короче, он так и не женился. Кастро звонил также консьержке того дома, где жил Понтье, и та сказала, что с женщинами он почти не водился, да и ни с кем другим тоже. Это также слова Кастро. Доктор прожил в том доме не меньше тридцати лет, у него была квартира на третьем этаже и кабинет на четвертом, и

консьержка его знала все эти годы. Она сказала, он был обходительный и доброй души человек, и она очень по нему горюет. В результате получается: чист как стеклышко, даже не пил. Спокойная, размеренная жизнь. Это...

– Это тоже слова Кастро, – прервал его Данглар.

– Консьержка знает, почему доктор вчера выходил из дому так поздно?

– Его вызвали к малышу, у которого поднялась температура. Он больше не практиковал, но старые клиенты любили обращаться к нему за консультацией. Она предполагает, что он решил вернуться домой пешком. Ему нравилось ходить пешком, само собой, для здоровья.

– Вовсе не само собой, – возразил Адамберг.

– Еще у тебя есть чтонибудь? – спросил Данглар.

– Больше у меня ничего нету, – сказал Маржелон и убрал свои бумажки.

– Безобидный местный доктор, – заключил Лувье. – Без сучка, без задоринки, как и ваша предыдущая жертва. Можно сказать, сценарий прежний.

– Тем не менее отличие есть, – задумчиво произнес Адамберг. – Гигантское отличие.

Трое мужчин молча взирали на него. Обгорелой спичкой Адамберг выводил непонятные каракули на уголке бумажной скатерти.

– Вы не заметили? – устало спросил Адамберг. По нему было заметно, что у него вовсе не было намерения бросать им вызов.

– А разве это так заметно? – недоуменно спросил Маржелон. – И какое же тут гигантское отличие?

– На сей раз убит мужчина, – медленно проговорил Адамберг.

В конце дня был готов отчет судебно-медицинской экспертизы. Время смерти: час тридцать.

Доктора Жерара Понтье сначала оглушили, как и Мадлену Шатлен, и только потом зарезали. Убийца прошелся ножом по горлу как минимум шесть раз, располозовав шею до самого позвоночника. Адамберг болезненно сморщился. За целый день следственные действия почти не дали новых сведений, кроме тех, которыми он располагал еще утром. Теперь полиция немало знала о старом враче, но это были самые обыкновенные вещи. Его квартира, кабинет и личные бумаги свидетельствовали о том, что в его жизни не было тайн. Доктор собирался сдать внаем свое жилище, чтобы вернуться в Эндр, где на совершенно обычных условиях купил маленький

домик. Он оставил кое какую сумму своей сестре – словом, ради этого не убивают.

Данглар вернулся часов около пяти. Он и еще трое полицейских обшарили все окрестности вокруг места убийства. Адамберг заметил, что у инспектора довольный вид, но он хочет немедленно опрокинуть стаканчик.

– Мы нашли это в водосточном желобе. – Данглар показал небольшой пластиковый пакет, – Это лежало недалеко от тела, метрах в двадцати. Убийца даже не удосужился хорошенько это спрятать. Он орудует так дерзко, словно считает себя неуловимым, он совершенно уверен в своей безнаказанности. Впервые такое вижу.

Адамберг раскрыл пакет. Внутри были резиновые хозяйственные перчатки розового цвета, испачканные кровью. Выглядело это омерзительно.

– Убийца относится к жизни просто, не так ли? – сказал Данглар. – Он перерезает горло своей жертве, надев кухонные перчатки, затем избавляется от них, выбросив в нескольких шагах от места преступления, как если бы то была мятая газета. Отпечатков мы, видимо, не найдем. Тем то и удобны просторные резиновые перчатки: чтобы их снять, не обязательно к ним прикасаться, они сами соскальзывают с рук. Кроме того, точно такие же могут валяться где угодно. Что вы прикажете с ними делать дальше? Хотя кое что они нам уже рассказали: преступник безумно уверен в себе. И сколько народу он нам еще поубивает?

– Сегодня пятница. В выходные почти наверняка ничего не будет. У меня впечатление, что он никогда ничего не предпринимает ни в субботу, ни в воскресенье. У него все очень четко организовано. Если убийца – не тот же человек, что рисует круги, ему придется подождать появления нового круга. А кстати, формальный вопрос: у Рейе есть алиби на эту ночь?

– Все то же самое: он спал. Свидетелей нет. В доме все спали. Консьержки нет, поэтому некому наблюдать за тем, кто входит или выходит. Консьержек становится все меньше и меньше, это для нас просто трагедия.

– Мне только что звонила Матильда Форестье. Она узнала об убийстве по радио. Судя по голосу, она была потрясена.

– Поживем – увидим, – произнес Данглар.

Несколько дней ничего не происходило. В постель к Адамбергу опять вернулась соседка снизу, а Данглар после полудня, как и прежде, восседал на стуле в расслабленной позе. Только пресса проявляла

нетерпение. Теперь на улице перед комиссариатом постоянно дежурила по меньшей мере дюжина журналистов.

Наступила среда, и первым потерял терпение Данглар.

– Он нас задерживает, – сердито ворчал он. – Мы не можем ничего сделать, ни найти, ни доказать. Сидим здесь, погибаем со скуки и ждем, пока он чтонибудь еще придумает. Мы ни на что не годимся, кроме как ждать, когда он нарисует очередной круг. Это невыносимо. Для меня это совершенно невыносимо, – уточнил он, покосившись на Адамберга.

– Завтра, – произнес тот.

– Завтра – что?

– Завтра утром появится новый круг, Данглар.

– Вы что, ясновидящий?

– Давайте не будем приниматься за старое, мы ведь с вами уже об этом говорили. У человека, рисующего круги, есть некий план. И, как сказал Веркор Лори, ему непременно нужно выставить свои идеи на всеобщее обозрение. Не станет же он пропускать целую неделю, он должен как то себя проявить. Тем более что пресса только о нем и говорит. Если сегодня ночью он возьмется за свое – следующей ночью, с четверга на пятницу, ждите убийства. На сей раз придется усилить личный состав патрульных групп хотя бы в пятом, шестом и четырнадцатом округах.

– Зачем? Никто не заставляет убийцу спешить. Раньше он никогда так не поступал.

– Теперь все изменилось. Поймите, Данглар: если человек, рисующий круги, и убийца – одно и то же лицо и если он вновь примется чертить, значит, он опять намеревается кого то убить. Только теперь то он знает, что ему нельзя медлить. Кроме Матильды Форестье, еще три свидетеля дали его описание. Скоро можно будет составить фоторобот. Преступник в курсе дела, он читает газеты. Ему известно, что долго так продолжаться не может. Он действует слишком рискованно. Следовательно, если он хочет завершить начатое дело, он не станет с этим тянуть.

– А если убийца и человек с кругами – не одно и то же лицо?

– Тем более время работает не на него. Столь необходимый ему человек с кругами, напуганный двумя убийствами, может закончить игру раньше, чем планировалось. Значит, убийце нужно торопиться, пока маньяк не остановился.

– Возможно, – согласился Данглар.

– Очень возможно, дружище.

Данглар вертелся в постели всю ночь. Как Адамберг может так беспечно ждать, как он может брать на себя смелость что то предсказывать?

Создается такое впечатление, что он никогда не опирается на факты. Он изучил все досье, собранные на убитых и на подозреваемых, а прочитав, едва обронил несколько слов. Он что то почуял, только непонятно откуда. Почему он придавал такую важность тому, что жертвой второго убийства стал мужчина? Может, потому что таким образом опровергалась версия о преступлениях на сексуальной почве?

Для Данглара это не было неожиданностью. Он уже давно предполагал, что кто то использует человека, рисующего синие круги, преследуя определенную цель. Но смерть Мадлены Шатлен, как и доктора Понтье, казалось, не была выгодна никому. Оба преступления по внешним признакам напоминали действия серийного убийцы ма-ньяка. Разве ради этого стоило ждать нового кровопролития? Почему же до сих пор Адамберг не хочет думать ни о чем, кроме своего человека, рисующего круги? Почему, обращаясь к Данглару, комиссар сказал «дружище»? Проворочавшись с боку на бок до полного изнеможения и умирая от жары, Данглар поднялся и отправился освежиться на кухню, где стояла недопитая бутылка вина. Он стеснялся детей и старался не осушать бутылку до дна.

Утром Арлетта обязательно заметит, что за ночь вино исчезло. Ладно, это ведь не в первый раз. Она состроит недовольную рожицу и скажет: «Адриен (она часто звала его по имени), Адриен, ну ты и какашка!» Данглар колебался, он знал: если выпьет ночью, утром у него будет адски трещать голова и сниматься крышка черепа; он двух слов не сможет связать от боли. А завтра спозаранку он должен быть в отличной форме. Может появиться новый круг, и тогда придется организовывать патрулирование на следующую ночь – ночь предполагаемого убийства. Инспектора раздражало то, что приходилось руководствоваться туманными идеями Адамберга, но это все же было приятнее, чем враждовать с ним.

И круг появился. На другом конце Парижа, в 16 м округе, на крохотной улице Мариетты Мартен. Им не сразу позвонили из комиссариата. Местные полицейские никак не могли собрать нужные сведения, так как человек, рисующий синие круги, появился в их секторе впервые.

– Почему он выбрал новый округ?

– После того как он на славу погулял в окрестностях Пантеона, он решил нам показать, что не хочет ограничиваться тем, что спланировано заранее, и независимо от того, убивают кого то или нет, он по прежнему свободен и его власть распространяется на всю территорию столицы. В общем, что то в этом роде, – заключил Адамберг.

– Он заставляет нас побегать, – вздохнул Данглар, прижимая палец ко лбу.

Сегодня ночью он не удержался, прикончил бутылку вина и даже откупорил новую. Теперь его голову сверлил раскаленный свинцовый стержень, и от боли он едва мог открыть глаза. Но больше всего его угнетало то, что за завтраком Арлетта ничего ему не сказала. Конечно, Арлетта знала, что у него сейчас полно забот, что он совершенно загнан в угол: банковский счет почти пуст, расследование застряло на мертвой точке, да и новый комиссар со своим странным характером постоянно выбивает его из колеи. Возможно, она решила не действовать ему на нервы. Должно быть, она просто не понимала, что Данглару нравилось, когда она говорила: «Адриен, ну ты и какашка!» Ведь именно тогда он чувствовал, что его любят: такое простое и такое реальное ощущение.

В центре круга, вычерченного одним махом, лежала круглая красная насадка рассекатель от пластмассовой лейки.

– Должно быть, упала сверху, с балкона, – предположил Данглар, подняв голову. – Какая древняя вещица! Почему, интересно, он обвел именно ее, а не пустую пачку из под сигарет, вон ту, что валяется в двух метрах отсюда?

– Вспомните список, Данглар. Он старается выбирать вещи, которые не могут улететь. В списке нет ни билетов метро, ни листов бумаги, ни бумажных платков – ничего из того, что ночью мог унести ветер. Он хочет быть уверен, что утром будет на месте. Это позволяет сделать один вывод: его заботит не столько новая жизнь вещи с таковой, как говорил Веркор Лори, сколько то, какое впечатление сложится о его персоне.

В противном случае он использовал бы и легкие предметы, ведь с точки зрения «метафорического возрождения мостовых» они не менее важны. Однако с точки зрения человека, рисующего синие круги, если утром внутри круга ничего не окажется, это будет оскорблением его творения.

– И на сей раз свидетелей мы тоже не найдем. Снова тихий уголок: ни тебе кино, ни тебе быстро, открытого допоздна. Тихий уголок, где

люди привыкли ложиться рано. Он становится осторожным, наш человек с кругами.

Данглар прижимал палец ко лбу до самого полудня. После завтрака инспектору немного полегчало. Он даже нашел в себе силы вместе с Адамбергом заняться организацией патрулей, чтобы они всю ночь прочесывали Париж вдоль и поперек. Данглар качал головой, пытаясь понять, зачем все нужно. Тем не менее он признал, что Адамберг оказался прав насчет нынешнего утра.

К восьми часам вечера все были на местах. Однако территория города была так велика, что сеть патрулей получилась недостаточно густой.

– Если у него хватит ловкости, он ускользнет, – сказал Адамберг. – А ловкости ему не занимать.

– Раз уж мы делаем все, как полагается, надо бы нам последить и за домом Матильды Форестье, правильно я говорю? – спросил Данглар.

– Да, – согласился Адамберг, – только пусть наши люди постараются, чтобы их не заметили.

Он подождал, пока Данглар уйдет, и позвонил Матильде. Он просто попросил этим вечером быть начеку, не ускользать из дому и не устраивать ни за кем слежку.

– Окажите мне такую услугу, – попросил он. – Не старайтесь узнать причину. Кстати, а Рейе дома?

– Наверное, – ответила Матильда. – Он не моя собственность, и я ему не сторож.

– А Клеманс на месте?

– Нет. Клеманс, как всегда, посмеиваясь себе под нос, отправилась на очередную многообещающую

встречу. Один и тот же сценарий: либо она до скончания века безрезультатно будет ждать какогонибудь типа в пивной, либо какойнибудь тип, едва разглядев ее, развернется и уйдет. И в том, и в другом случае она возвращается совершенно разбитая. Перспективы у нее нулевые. Ей не следует ходить на свидания по вечерам, это нагоняет на нее тоску.

– Ну хорошо. До завтра посидите спокойно дома, госпожа Форестье.

– Вы чего то опасаетесь?

– Не знаю, – ответил Адамберг.

– Как обычно, – заключила Матильда.

Адамберг не решился уйти из комиссариата той ночью. Данглар предпочел остаться с ним. Комиссар молча рисовал, пристроив листок на колене и положив вытянутые ноги на мусорную корзину, Данглар отыскал в ящике у Флоранс засохшие карамельки и теперь жевал их, пытаясь заставить себя не пить.

Постовой прохаживался взад вперед по бульвару Пор Руаяль, между маленьким вокзалом и углом улицы Бертоле. Его коллега патрулировал бульвар дальше, до проспекта Гобеленов.

С десяти часов вечера полицейский прошел туда и обратно одиннадцать раз, он злился на себя, потому что никак не мог перестать считать. Что же еще здесь делать? Уже целый час на бульваре почти не было прохожих. Наступил июль, и Париж постепенно пустел.

И тут появилась девушка в кожаной куртке, она шла нетвердой походкой навстречу полицейскому. Она была хорошенькая, наверное, возвращалась домой. Было уже четверть второго; он решил заговорить с ней и посоветовать ей поторопиться. Ему показалось, что ей грозит опасность, он испугался за нее. Он бросился за ней вдогонку:

– Мадемуазель, вам далеко идти?

– Нет, до метро «Распай», – ответила она.

– Метро «Распай»? Не нравится мне это, – произнес полицейский. – Пожалуй, я вас немного провожу. Соседний пост только в районе улицы Вавена.

Волосы девушки были коротко острижены на затылке, линия подбородка – чистая и нежная. Нет, он не хотел, чтобы с ней случилась беда. Впрочем, девушка чувствовала себя ночью совершенно свободно. Ночной город, судя по всему, был ей хорошо знаком. Девушка закурила сигарету. Ей было неуютно в компании полицейского.

– А что такое? Чтонибудь случилось? – спросила она.

– Ночь сегодня беспокойная. Я все таки пройду с вами полсотни метров.

– Как хотите, – равнодушно согласилась девушка.

Было ясно, что она предпочла бы идти дальше одна, и они отправились в путь в полном молчании.

Несколько минут спустя полицейский расстался с ней на углу улицы и повернул обратно к вокзалу Пор Руаяль. Он вновь прошел по бульвару до пересечения с улицей Бертоле. В двенадцатый раз. Прошло десять минут, пока он разговаривал с девушкой и провожал ее. Это он тоже считал своей работой.

Его не было на месте каких-нибудь десять минут. Но этого оказалось достаточно. Когда он взглянул на длинную и прямую улицу Бертоле, он увидел нечто, лежащее на тротуаре. "Так и есть, – подумал он. – Это должно было случиться именно со мной".

Он побежал туда, все еще надеясь, что на асфальте валяется просто скрученный ковер. Но струйки крови уже почти достигли его ног. Он пощупал руку, простертую на земле. Она была еще теплая. На тротуаре лежала женщина.

Защищала его рация. Он связался с полицейскими, патрулировавшими на проспекте Гобеленов, улицах Вавена и Сен Жак, на бульваре Распай, у госпиталя Кошена, на площади Данфер и попросил их передать сообщение всем остальным, не покидать свои посты и останавливать всех прохожих. Но если, например, убийца уехал на машине, им все равно его не поймать. Полицейский не чувствовал себя виноватым из-за того, что пошел провожать девушку и изменил закрепленный за ним маршрут патрулирования. Возможно, он спас ту девушку с прелестным подбородком.

Однако другую женщину ему спасти не удалось – Вот чего стоит жизнь: была – и нет. Разглядывая подбородок убитой вообще не представлялось возможным. Одиноким и чуть живой от подкатившей к горлу тошноты, полицейский отвел в сторону луч фонарика, сообщил о случившемся начальству и стал ждать, положив ладонь на рукоятку пистолета. Уже давно ночь не производила на него столь сильного впечатления.

Когда зазвонил телефон, Адамберг даже не вздрогнул, а просто поднял голову и посмотрел на Данглара.

– Случилось, – произнес он.

Потом поднял трубку, прикусив губу.

– Где? Где, вы сказали? – спросил он минуту спустя. – Улица Бертоле? Но пятый округ напичкан людьми! На Пор Руаяле их должно было быть четверо! Что же произошло? Отвечайте!

Голос Адамберга звенел от гнева. Он включил громкую связь, чтобы Данглар мог слышать ответы полицейского.

– На Пор Руаяле нас было только двое, комиссар. В метро в районе станции «Бон Нувель» произошла авария, в двадцать три пятнадцать столкнулись два состава. Никто серьезно не пострадал, но туда пришлось послать много людей.

– Значит, нужно было переместить в пятый округ часть людей из отдаленных районов. Я же велел расставить посты в пятом округе как можно чаще! Я же предупреждал!

– Что я мог сделать, комиссар? Я не получил никаких распоряжений!

Впервые Данглар видел, как Адамберг едва не вышел из себя. Правда, им действительно пришло сообщение о столкновении поездов у станции «Бон Нувель», но они оба решили, что людей из 5 го и 14 го округов трогать не будут. Наверное, поступят противоречивые приказы, а возможно, наверху не сочли нужным выделять столько людей, сколько просил Адамберг.

– Как бы то ни было, он сделал это, – констатировал Адамберг, качая головой. – На той улице или на другой, раньше или позже, но он все таки добился бы своего. Он чудовище. Мы все равно не могли ничего поделаться, так стоит ли переживать? Пойдемте, Данглар, мы едем туда.

Там уже было море мигалок, прожекторов, носилок, прибыл судмедэксперт. В третий раз люди сгрудились у трупы, очерченного синим меловым кругом.

– «Парень, горек твой удел, лучше б дома ты сидел!» – тихонько прошептал Адамберг.

Он смотрел на новую жертву.

– Ее зарезали с такой же жестокостью, как и того мужчину, – сказал медэксперт. – Убийца даже пытался рассечь шейные позвонки: инструмент не позволил, размер оказался маловат – но намерение такое было, это я вам гарантирую.

– Ясно, доктор, надеюсь, вы нам всё это опишете в отчете, – мягко прервал его Адамберг, видя как Данглар покрывается испариной. – Преступление совершено совсем недавно, так?

– Да, между часом пятью и часом тридцатью пятью, если постовой ничего не спутал.

– Маршрут патрулирования проходил отсюда до площади Пор Руаяль? – спросил Адамберг постового.

– Да, комиссар.

– Что случилось? Вам вполне достаточно было двадцати минут, чтобы пройти туда и обратно.

– Да, конечно. Но когда я в одиннадцатый раз подошел к маленькому вокзалу, я увидел девушку, она шла одна. Не знаю, может, это было предчувствие, но мне захотелось обязательно проводить ее до угла той улицы, куда она направлялась, тут совсем недалеко. Всю дорогу мне был виден бульвар Пор Руаяль. Я себя не оправдываю, комиссар, я не снимаю с себя вину за то, что отлучился с поста.

– Проехали,– махнул рукой Адамберг,– Он все равно сделал бы это. Вы не видели никого, кто подходил бы под описание?

– Никого.

– А другие полицейские из вашего сектора?

– Они ни о чем таком не сообщали.

Адамберг вздохнул.

– Вы обратили внимание на круг, комиссар? – спросил Данглар. – Он не круглый. Это невероятно, но он не круглый. Здесь слишком узкий тротуар, и ему пришлось нарисовать овал.

– Да, и это должно было его очень расстроить.

– Почему же тогда он не сделал это на бульваре? Уж там то места предостаточно.

– Полицейских было многовато, Данглар. Убитая дама, кто она?

И снова полицейские при свете переносных фонарей смотрели документы и копались в сумочке.

– Дельфина Ле Нермор, урожденная Витрюэль, пятидесяти четырех лет. А это, по моему, ее фотография, – говорил Данглар, вытряхивая содержимое сумки на разостланный пластиковый пакет. – Похоже, она была красавица и цену себе знала. Мужчина, что положил руку ей на плечо, должно быть, ее муж.

– Нет, это вряд ли,– покачал головой Адамберг. – У него нет на руке обручального кольца, а у нее есть. Предположим, это ее любовник, и он явно моложе ее. Этим и объясняется то, что она носит фотографию с собой.

– Конечно, как же я сразу не заметил!

– Здесь слишком темно. Пойдемте в фургон.

Адамберг знал, что Данглар больше не в состоянии выносить вид трупов с зияющими ранами на шеях.

Они сели на скамейки друг против друга в дальнем конце полицейского фургона. Адамберг листал журнал мод, найденный в сумке госпожи Ле Нермор.

– Где то я уже слышал это имя: Ле Нермор, – задумчиво протянул комиссар. – Память у меня плохая. Поищите в ее записной книжке имя мужа и его адрес.

Данглар достал из книжки потертую визитную карточку.

– Огюстен Луи Ле Нермор. Здесь два адреса: один в Коллеж де Франс, другой на улице Омаль, в девятом округе.

– И все же где то я слышал это имя, но в связи с чем – не помню.

– Ну конечно, – воскликнул Данглар, – об этом Ле Нерморе говорили в связи с его выдвижением кандидатом в члены Академии

надписей и изящной словесности. Он занимается Византией, – немного подумав, добавил он, – специализируется на эпохе Юстиниана.

– Откуда только вы это знаете, Данглар? – Адамберг оторвался от журнала мод и изумленно посмотрел на коллегу.

– Да ладно. Скажем так: я кое что знаю о Византии.

– Зачем это вам?

– Мне интересно узнавать что то новое.

– Империя Юстиниана тоже вас интересует?

– В общем, да, – вздохнул Данглар.

– А когда он был, этот Юстиниан?

Адамберг никогда не стеснялся задавать вопросы, если он чего то не знал, – даже о том, что должен был бы знать.

– В шестом веке.

– До или после Рождества Христова?

– После.

– Этот человек меня заинтересовал. Пойдем сообщим ему о смерти жены. Впервые у нашей жертвы есть близкий родственник. Пожалуйста, стоит взглянуть, как он будет реагировать.

Огюстен Луи Ле Нермор, маленький заспанный человечек, прореагировал очень просто. Выслушав Данглара и Адамберга, он обеими руками схватился за живот и побледнел так, что вокруг губ образовалось белое пятно. Он стремглав выбежал из комнаты, и полицейские слышали, как его рвало где то в глубине квартиры.

– По крайней мере, с ним все ясно, – заявил Данглар, – он потрясен.

– Или принял рвотное сразу после того, как мы позвонили в домофон.

Человечек вернулся, пошатываясь и держась за стену. Поверх пижамы он накинул серый халат, волосы у него были мокрые: судя по всему, он сунул голову под кран.

– Мы очень сожалеем,– произнес Адамберг. – Если вы не хотите отвечать на наши вопросы сегодня, то завтра...

– Нет... нет... Я вас слушаю, господа.

"Этот тип хочет выглядеть достойно, и, надо отметить, у него получается», – подумал Данглар. Ле Нермор держался очень прямо, у него был высокий лоб, он твердо смотрел на Адамберга тусклыми голубыми глазами и не отвел их под пристальным взглядом комиссара. Ле Нермор попросил у гостей разрешения раскурить трубку и объяснил, что сейчас ему без этого не обойтись.

Свет был слабый, и по комнате, забитой старыми книгами, стелился тяжелый дым.

– Вы занимаетесь Византией? – спросил Адамберг, покосившись на Данглара.

– Да, правда. – Ле Нермор немного удивился. – Откуда вы знаете?

– Я то не знаю, а вот моему коллеге ваше имя знакомо.

– Спасибо, очень любезно с вашей стороны. Не могли бы вы мне рассказать о ней, я вас очень прошу... Она... как это произошло?

– Мы вам расскажем подробно, когда вы соберетесь с силами. Одно то, что ее убили, – и без того тяжелый удар. Ее нашли в синем мелевом круге. Это случилось на улице Бертоле, в пятом округе. Далековато отсюда.

Ле Нермор покачал головой. Его лицо как то разом обвисло. Он выглядел глубоким стариком. На него стало неприятно смотреть.

– «Парень, жалок твой удел, что ж ты дома не сидел?» Так, да? – тихо спросил он.

– Примерно, хотя не совсем, – ответил Адамберг. – Значит, вы в курсе проделок человека, рисующего круги?

– Как и все. Исторические исследования не способны оградить ни от чего, даже если очень этого хочешь. Знаете, мсье, мы с Дельфи – с Дельфиной, моей женой, – только на прошлой неделе говорили об этом маньяке.

– Почему вы о нем заговорили?

– Дельфи вечно его защищала, а у меня этот человек всегда вызывал отвращение. Обычный хвостун. Однако женщины такие вещи, как правило, не берут в расчет.

– Улица Бертоле далеко. Ваша жена ходила в гости к друзьям? – настойчиво продолжал Адамберг.

Ле Нермор погрузился в раздумья. Он молчал минут пять, а то и шесть. Данглар подумал, что возможно, он не расслышал вопроса или просто уснул. Но Адамберг сделал ему знак подождать.

Ле Нермор чиркнул спичкой и раскурил потухшую трубку.

– Далек от чего? – наконец спросил он.

– Далек от дома, – ответил Адамберг.

– Наоборот, очень близко. Дельфи жила на бульваре Монпарнас, рядом с Пор Руаялем. Вы хотите объяснений?

– Да, если можно.

– Почти два года назад Дельфи ушла от меня я поселилась вместе со своим любовником. Это ничтожный тип, обыкновенный дурень. Однако вы мне, конечно, не поверите, потому что это говорю именно

я. Вы сами сможете его оценить, когда увидите. Это очень грустно, вот и все, что я могу вам сказать. И вот я... я живу здесь, в этом огромном сарае... в одиночестве. Как полный кретин, – закончил он и развел руками.

Данглару послышалось, будто голос Ле Нермора дрогнул.

– Вы продолжали с ней видеться, несмотря ни на что?

– Мне трудно обходиться без нее, – ответил Ле Нермор.

– Вы ее ревновали? – спросил Данглар без обиняков.

Ле Нермор пожал плечами:

– Что вы хотите, мсье? Ко всему привыкаешь. Уже двенадцать лет, как Дельфи стала изменять мне налево и направо. Сначала, конечно, бесишься, а потом опускаешь руки. В конце концов уже не разбираешь, от чего приходишь в ярость, – то ли от раненого самолюбия, то ли от любви; а потом приступы ярости отступают, и заканчивается все тем, что вы завтракаете вдвоем, так мило и так грустно. Да вы и сами все знаете, не будем разглаживать на эту тему, не правда ли, господа? Дельфи была не лучше других, да и я не смелее остальных. Я не хотел окончательно потерять ее. Значит, приходилось принимать ее такой, какая она есть. Уверю вас, что последний любовник, этот дурень, о котором я вам говорил, дался мне с трудом. Словно нарочно, она вспылала чувствами к самому заурядному из людей и решила переехать к нему.

Он воздел руки и безвольно уронил их на колени.

– Ну, вот и довольно. А теперь и вовсе все закончилось.

Он зажмурился и стал набивать трубку светлым табаком.

– Нам нужно, чтобы вы подробно рассказали о том, что делали сегодня вечером. Без этого нельзя, – произнес Данглар со своей обычной прямолинейностью.

Ле Нермор поочередно смотрел то на одного, то на другого:

– Не понимаю... Разве не маньяк?...

– Пока ничего не известно, – твердо сказал Данглар.

– Что вы, господа, вы ошибаетесь! После смерти жены я получу только пустоту и безутешность. Кроме того, если хотите знать, – а вас, конечно, это будет интересовать, – основная часть ее денег, которых было немало, перейдет к ее сестре, и даже этот дом достанется ей. Дельфи так распорядилась. У ее сестры всегда были финансовые проблемы.

– Все равно, – настойчиво добивался своего Данглар, – нам нужно знать, что и в какое время вы делали сегодня вечером. Будьте любезны, ответьте.

– Как вы уже могли убедиться, дверь оборудована домофоном, консержки нет. Разве ктонибудь сможет вам сказать, лгу я или нет? Впрочем... Примерно до одиннадцати часов я составлял план лекций на следующий год. Вот он, стопка листов на столе. Потом я лег, читал в постели, заснул и проспал до того момента, когда вы мне позвонили снизу. Проверить это невозможно.

– Очень жаль, – сказал Данглар.

Адамберг предоставил ему вести разговор. Данглар лучше него умел задавать простые и не всегда приятные вопросы. Пока инспектор беседовал с Ле Нермором, комиссар не спускал глаз со старика.

– Понимаю, – произнес Ле Нермор, проводя по лбу теплой головкой трубки. В его жесте чувствовалось отчаяние. – Понимаю. Есть я, обманутый, униженный муж; есть любовник, которому удалось отобрать у меня жену... Я понимаю ход ваших мыслей. Господи! Попробуйте иногда не смотреть на вещи так просто. Разве вы не можете взглянуть на все иначе? И увидеть, что все гораздо сложнее.

– Да, – ответил Данглар, – такое с нами иногда случается. Однако вы не можете отрицать, что ваше положение весьма щекотливое.

– Вы правы, – согласился Ле Нермор, – тем не менее я надеюсь, что в моем случае вы не допустите судебной ошибки. Полагаю, вы вызовете меня и мы скоро увидимся.

– Может, в понедельник? – предложил Адамберг.

– Пусть будет понедельник. Рискну предположить также, что я сейчас ничего не могу сделать для Дельфи. Она у вас?

– Да, мсье. Мы сожалеем.

– И вы будете делать вскрытие?

– Да. Мы сожалеем. Данглар минуту помедлил. Он всегда молчал одну минуту после того, как сообщал о вскрытии.

– К понедельнику постарайтесь припомнить, – вновь заговорил он, – как вы провели вечер в среду девятнадцатого и в четверг двадцать седьмого июня. Это время, когда были совершены два предыдущих убийства. Вам обязательно зададут этот вопрос. Если, конечно, вы не ответите на него прямо сейчас.

– И вспоминать нечего, – сразу отозвался Ле Нермор. – Все просто и печально: я никогда не выхожу. По вечерам я пишу. В доме никто больше со мной не живет, поэтому некому подтвердить мои слова, а с соседями я почти не общаюсь.

И все, неизвестно почему, начали одновременно качать головами. Бывают такие моменты, когда все разом начинают качать головами.

На сегодня хватит. Адамберг заметил, как отяжелели от усталости веки старого византолога, знаком показал, что они уходят, и тихонько поднялся с места.

На следующий день Данглар вышел из дому, неся под мышкой книгу «Идеология и общество в эпоху Юстиниана», опубликованную одиннадцать лет назад, – единственное произведение Ле Нермора, оказавшееся в его домашней библиотеке.

Сзади на обложке была краткая хвалебная биографическая справка, а также красовалась фотография автора. Ле Нермор улыбался, он выглядел гораздо моложе; его наружность и тогда нельзя было назвать приятной; ничто в ней не бросалось в глаза, разве только удивительно ровные зубы. Накануне Данглар заметил, что Ле Нермор периодически немного кривил губы – свойство курильщиков, привыкших постукивать о зубы концом трубки. Банальное наблюдение, как сказал бы Шарль Рейе.

Адамберга не было на месте. Должно быть, он уже отправился навестить любовника. Данглар положил книгу на стол комиссара, думая произвести впечатление на Адамберга содержимым личной библиотеки. Однако это была напрасная надежда, поскольку инспектор знал, что его начальника мало чем можно удивить. Тем хуже для него.

С самого утра в голове Данглара засела одна мысль: узнать, что происходило той ночью в доме Матильды Форестье. Маржелон, стойко переносивший тяготы патрулирования, ждал его и был готов отчитаться, прежде чем идти спать.

– Кое кто и входил, и выходил, – начал Маржелон. – Я проторчал в засаде у того дома до семи тридцати сегодняшнего утра, как и договорились. Морская Дама не выходила. Она выключила свет, наверное, в гостиной, когда было половина первого, а в спальне – еще на полчаса позже. А старушка Вальмон, та притащилась, пошатываясь, в три ноль пять. От нее так разило спиртным, просто кошмар. Я у нее спросил, что это с ней, а она как заревет. Старушке, видать, было не до смеху. Просто наказание Господне! В общем, я так понял, она ждала жениха в какой то пивной, весь вечер просидела, а жених то не пришел. Тогда она решила выпить, чтобы поправить здоровье, а потом взяла да и уснула прямо за столом. Хозяин пивной ее разбудил и выгнал. Наверное, ей было стыдно, но она так набралась, что не выдержала и все мне рассказала. Названия пивной я не разобрал. Удивительно, что вообще что то понял, она ведь все свалила в одну кучу. Если честно, она довольно противная. Я ее довел под руку до

двери и оставил разбираться как знает. А потом, уже сегодня утром, она вышла с чемоданчиком в руке. Она меня узнала и даже не удивилась. Она объяснила мне, что сыта по горло брачными объявлениями и едет дня на три четыре в Берри к своей школьной подруге портнихе. Шитье – это вполне приличное занятие, добавила она.

– А Рейе? Он выходил?

– Рейе выходил. Он вышел в очень красивом костюме, часов в одиннадцать, и вернулся такой же шикарный, как и ушел, постукивая своей тростью, и было это в час тридцать. Я мог задавать вопросы Клеманс, она то меня не знает в лицо, а вот Рейе – никак. Он узнал бы мой голос. Поэтому я продолжал наблюдение, отметив время. В любом случае ему не так то легко было бы меня засечь, ведь правда?

И Маржелон расхохотался. «Правда в том, что ты идиот», – подумал Данглар.

– Наберите его номер, Маржелон.

– Чей, Рейе?

– Разумеется, Рейе.

Шарль хмыкнул, услышав голос Данглара, и Данглар не понял почему.

– Итак,– произнес Шарль,– я услышал по радио, что у вас опять забот прибавилось, инспектор Данглар. Просто великолепно. И всю вину вы, конечно, хотите взвалить на меня. Ничего поумнее не придумали?

– Зачем вы выходили из дому вчера вечером, Рейе?

– За женщинами, инспектор.

– И где же вы их искали?

– В «Нуво Пале».

– Ктонибудь может это подтвердить?

– Никто! В ночных клубах слишком много народу, чтобы кто-нибудь вас заметил, вы же знаете.

– Что это вас все время смешит, Рейе?

– Вы меня смешите, вы и ваш звонок. Милейшая Матильда не умеет держать язык за зубами, поэтому она поведала мне, что комиссар посоветовал ей спокойно сидеть дома сегодня ночью. Отсюда я сделал вывод, что сегодня ночью ожидается заваруха. Итак, мне представился чудесный случай выйти погулять.

– Но почему, черт побери? Думаете, это облегчит мне работу?

– В мои намерения вовсе не входит облегчать вашу работу, инспектор. Вы мне досаждали с самого начала этой истории. Думаю, теперь настала моя очередь.

– Короче говоря, вы отправились на прогулку, чтобы нам досадить.

– Примерно так, да, потому что с девушками у меня ничего не вышло: не удалось подцепить ни одной. Очень рад узнать, что действуето вам на нервы. По настоящему рад, знаете ли.

– Но почему? – снова спросил Данглар.

– Потому что это помогает мне жить.

Данглар положил трубку, пребывая в довольно злобном настроении. Кроме Матильды Форестье, в доме на улице Патриархов этой ночью никому не сиделось на месте. Он отправил Маржелона домой спать, а сам бросился искать завещание Дельфины Ле Нермор. Он хотел проверить, что она оставила в наследство сестре. Два часа спустя он наконец убедился, что не было никакого завещания. Дельфина Ле Нермор не оставила письменных распоряжений относительно своего имущества. Бывают такие дни, когда, за что ни возьмись, ничего не выходит.

Данглар расхаживал по кабинету и снова думал о том, что через четыре или пять миллиардов лет Солнце, эта чертова звезда, собирается взорваться, и не мог понять, почему этот грядущий взрыв навевает на него такую тоску. Он отдал бы жизнь за то, чтобы Солнце через пять миллиардов лет продолжало вести себя спокойно и не взрывалось.

Адамберг вернулся около полудня и пригласил Данглара позавтракать с ним. Это случалось нечасто.

– С византологом дело продвигается, – сказал Данглар. – Он то ли ошибся, то ли соврал по поводу наследства: завещания нет. Это означает, что все переходит к мужу. Есть ценные бумаги, есть гектары леса и четыре дома в Париже, не считая того, в котором он живет. У него самого нет ни гроша. Только зарплата преподавателя да гонорары за книги. Представьте, если бы супруга решила с ним развестись, от него бы все уплыло.

– Да, именно так, Данглар. А я встречался с любовником, это действительно тот тип с фотографии. Правда и то, что он просто великан, а мозгов у него маловато. Ко всему прочему, он травоядный и очень гордится этим.

– То есть вегетарианец, – уточнил Данглар.

– Вот вот, вегетарианец. Они с братом, тоже травоядным, вместе руководят рекламным агентством. Они весь вечер работали и разошлись только в два часа ночи. Брат это подтверждает, значит, он вне подозрений, если только брат не врет. Любовник, судя по всему, в

полном отчаянии из за гибели Дельфины. Он уговаривал ее развестись; не то чтобы Ле Нермор представлял для него серьезную помеху, но он хотел, как он говорит, вырвать Дельфину из рук этого тирана. Похоже, Огюстен Луи по прежнему заставлял жену работать на него, вычитывать и перепечатывать его рукописи, приводить в порядок заметки, а та не смела ему перечить. Она объясняла, что ее это вполне устраивает, что это «тренирует мозги», но любовник уверен, что это занятие не шло ей на пользу и она просто панически боялась своего мужа. В конце концов Дельфина уже почти согласилась просить развода. Она собиралась поговорить с Огюстеном Луи. Неизвестно, сделала она это или нет. Словом, враждебные отношения между мужчинами бросаются в глаза. Любовник ничего не имел бы против, если бы Ле Нермора посадили.

– Все это вполне может оказаться правдой, – задумчиво заключил Данглар.

– Я тоже ему верю.

– У Ле Нермора нет алиби ни на одну из трех ночей, когда произошли убийства. Если он хотел избавиться от жены до того, как она взбунтуется, он мог воспользоваться случаем, который ему предоставлял человек, рисующий синие круги. Ле Нермор не храбрец, он сам так говорил. Не из тех, кто рискует. С целью свалить вину на маляка он убивает двух случайных людей, чтобы создать видимость серийности, а потом приканчивает свою жену. Дело сделано. Полиция ищет человека с кругами, а его не трогает. И наследство у него в кармане.

– Грубовато сработано. Он, наверное, полицейских за дураков держит.

– С одной стороны, дураков среди полицейских ровно столько же, сколько среди всех остальных. С другой стороны, людям поверхностным эти сомнительные делишки вполне могли бы прийти по вкусу. Согласен, Ле Нермора нельзя назвать поверхностным. Однако всякий может проколоться. Это случается. Особенно когда строишь такие увлекательные планы. А Дельфина Ле Нермор? Она то что делала на улице в такой поздний час?

– Любовник говорит, что она не собиралась в тот вечер выходить из дому. Он очень удивился, когда, вернувшись, не нашел ее. Он подумал, что она ушла за сигаретами на улицу Бертоле, в магазинчик, открытый всю ночь. Она часто туда ходила, когда заканчивались ее запасы. Прошло какое то время, и он решил, что Дельфину зачем то

позвал к себе муж. Он не посмел звонить Ле Нермору и лег спать. Утром его разбудил я.

– Ле Нермор мог обнаружить круг, например, около полуночи. Он звонит жене, вызывает ее и убивает на месте. Кажется, дела Ле Нермора складываются очень неважно. А вы как думаете?

Скатерть вокруг тарелки Адамберга была сплошь усеяна крошками. Данглар, всегда очень аккуратный за столом, взирал на это в полном ужасе.

– Что я думаю? – переспросил Адамберг, подняв голову. – Ничего. Я думаю только о человеке, рисующем синие круги. Вы, должно быть, уже начали это понимать, Данглар.

В понедельник утром Огюстена Луи Ле Нермора взяли под стражу, а потом начались бесконечные допросы.

Данглар не скрывал от него, что положение у него серьезное.

Адамберг предоставил Данглару действовать по своему усмотрению, и тот принялся беспощадно бомбить заданную цель. Старик, казалось, был не в силах защищаться. Каждая из его попыток оправдаться тут же пресекалась резкой отповедью со стороны Данглара. Между тем Адамберг отчетливо видел, что инспектор испытывает жалость к своей несчастной жертве.

Сам комиссар не чувствовал ничего подобного. Он люто ненавидел Ле Нермора, но ни за что на свете не согласился бы, чтобы Данглар спросил его почему. И Адамберг помалкивал.

Данглар уже несколько дней вел допрос Ле Нермора.

Время от времени Адамберг заглядывал в кабинет Данглара. Загнанный в угол, испуганный свалившимися на него тяжкими обвинениями, старик разваливался на глазах. Он уже был не в состоянии отвечать на самые простые вопросы. Нет, он не знал, что Дельфина не оставила завещания. Он всегда был убежден, что все перейдет к сестре Клер, она всю жизнь маялась одна с тремя детьми. Нет, он не знает, где был в те три ночи, когда произошли убийства. Должно быть, он работал или спал, как обычно.

Данглар ледяным тоном опровергал его слова: в ночь убийства Мадлены Шатлен в аптеке сидела дежурная. Она видела, как Ле Нермор выходил из дому. Ле Нермор, совершенно раздавленный, пытался объяснить, что это вполне возможно, что он иногда выходил вечером, чтобы купить сигареты: «Я ломаю сигареты и набиваю трубку табаком. Мы с Дельфи всегда много курили. Она то пыталась бросить. Я – нет. Мне слишком одиноко в моем огромном сарае».

И снова – круг руками в воздухе, и снова – подавленность, и только взгляд, несмотря ни на что, – ясный и упрямый. От профессора Коллеж де Франс мало что осталось, теперь это был дряхлый старик, конченный человек, который из последних сил и вопреки здравому смыслу пытался отвести от себя обвинение, теперь уже почти неизбежное. Он уже, наверное, тысячу раз повторил: «Это не мог сделать я. Я любил Дельфи». Хотя у Данглара становилось все тяжелее на душе, он по прежнему давил на Ле Нермора, не утаив ни одного факта, свидетельствующего против старика. Инспектор даже намеренно допустил небольшую утечку информации, незамедлительно появившейся на первых полосах газет. Старик едва притрагивался к еде, несмотря на уговоры Маржелона, умевшего иногда быть очень ласковым. Ле Нермор зарос щетиной, он не стал бриться, даже когда ему разрешили уйти домой на ночь, отпустив из камеры предварительного заключения. Адамберг удивлялся тому, как быстро сломался этот старик, несмотря на ясный ум, служивший ему надежной защитой. Комиссару никогда прежде не доводилось видеть, чтобы человека так быстро выбило из колеи.

К четвергу почти обезумевший Ле Нермор в буквальном смысле еле держался на ногах. Следователь прокуратуры потребовал подготовить документы для обвинительного заключения, и Данглар сообщил старику об этом решении. Ле Нермор сделал долгую паузу, как в ночь убийства Дельфины, когда полицейские пришли к нему домой. Казалось, он взвешивает все «за» и «против». Так же, как тогда, Адамберг сделал знак Данглору ни под каким предлогом не прерывать молчания.

Наконец Ле Нермор сказал:

– Дайте мне мел. Синий мел. Никто не пошевелился, и он добавил властным тоном:

– Вы не слышали? Я просил принести мне мел.

Данглар вышел и, поискав, обнаружил мел в ящике стола Флоранс. Там можно было найти что угодно.

Ослабевший Ле Нермор осторожно поднялся и взял мел. Он встал перед гладкой белой стеной и на несколько секунд задумался. Потом быстро надписал крупными буквами: «Парень, горек твой удел, лучше б дома ты сидел».

Адамберг стоял не шелохнувшись. Он ждал этого момента со вчерашнего дня.

– Данглар, найдите Менье. Он должен быть где то здесь, – произнес комиссар.

Данглар ушел, а человек, рисующий синие крути, повернулся лицом к Адамбергу и уставился на него.

– Здравствуйте,– обратился к нему Адамберг.– Я давно уже вас ищу.

Ле Нермор ничего не ответил. Адамберг разглядывал его некрасивое лицо, на котором появилось решительное выражение, когда он услышал признание комиссара.

Графолог Менье вошел в кабинет вслед за Дангларом. Он окинул взглядом надпись, едва уместившуюся на длинной стене.

– В вашем кабинете, Данглар, останется прелестный сувенир, – проворчал он. – Да, несомненно, тот самый почерк. Его невозможно подделать.

– Благодарю вас,– сказал человек, рисующий круги, возвращая мел Данглару. – Я принесу другие доказательства, если вы сочтете нужным. Мои дневники, время ночных походов, план Парижа, размеченный крестиками, список предметов – все, что пожелаете. Я знаю, что слишком

многого хочу, но было бы лучше, если бы для всех это осталось тайной. Чтобы ни мои студенты, ни мои коллеги никогда не узнали, кто я. Вполне допускаю, что это невозможно. В конце концов, это все меняет, разве нет?

– Совершенно верно, – согласился Данглар.

Немного приободрившись, Ле Нермор встал и взял стакан пива. Он зашагал по кабинету от окна к двери и обратно, проходя вдоль своей огромной надписи.

– У меня не было выбора, мне пришлось вам все рассказать. Против меня выдвигали слишком много обвинений. Теперь другое дело. Вы можете догадаться, что, решив убить жену, я не стал бы делать этого в одном из моих собственных кругов, да еще не потрудившись даже изменить почерк. Надеюсь, вы со мной согласны.

Он пожал плечами.

– Теперь мне уже не видать места в академии. Бессмысленно составлять план лекций на будущий год. Меня выгонят из Коллеж де Франс, и это в порядке вещей. Но у меня нет выбора. Тем не менее я думаю, что взамен кое что выиграл. Разобраться во всем остальном – это уже ваше дело. Кто воспользовался мной? С тех пор, как в моем круге появился первый труп, я стараюсь это понять, я попал в мерзкую ловушку и не могу выбраться. Я страшно испугался, когда узнал о первом убийстве. Я уже говорил вам, я не смелее других. Если честно – трусливее. Я ломал себе голову, пытаюсь разобраться.

Кто это сделал? Кто ходил за мной по пятам? Кто подложил труп той женщины в мой круг? Если я и начал вновь чертить круги, то не для того, чтобы, как уверяют газеты, бросить вам вызов. Нет, вовсе не для этого.

Я надеялся обнаружить того, кто следит за мной, установить личность убийцы и снять с себя обвинения. Я размышлял несколько дней, прежде чем принять решение. Человек колеблется, – особенно такой робкий человек, как я, – зная, что ночью за ним следом ходит убийца. Но я знал также, что, если вы доберетесь до меня, у меня не будет ни малейшего шанса уйти от обвинения в убийстве, именно так и задумал убийца: я должен был понести наказание вместо него. Теперь мы сражались с ним один на один: он и я. Это был первый настоящий бой в моей жизни. В этом смысле я ни о чем не жалею. Единственное, чего я даже представить себе не мог, – что он набросится на мою собственную жену. Всю ночь после того, как вы ко мне приходили, я размышлял, почему он так поступил. Я нашел только одно объяснение: полиция все еще не нашла мой след, а это противоречило планам убийцы. Тогда то он и зарезал Дельфи, чтобы вы неминуемо вышли на меня, чтобы меня арестовали, а он продолжал бы спокойно жить. Наверное, так. Нет?

– Возможно, – произнес Адамберг.

– Его ошибка в том, что любой из ваших психиатров подтвердит мою полную вменяемость. Только неуравновешенный человек мог бы сначала убить двух первых попавшихся людей, а потом прикончить собственную жену. Но не я. Я не безумец. И я никогда не убил бы Дельфи в моем круге. Дельфи... Не будь моих чертовых кругов, она была бы жива, Дельфи.

– Если вы вменяемы, зачем тогда вы рисовали эти чертовы круги?

– Чтобы потерянные вещи принадлежали мне, чтобы они были мне благодарны. Нет, я не так объясняю.

– Действительно, я вас не понимаю, – сказал Данглар.

– Тем хуже, – вздохнул Ле Нермор. – Я постараюсь об этом написать, может, так будет проще.

Адамбергу вспомнилась запись в дневнике Матильды: «Маленький человечек, жаждущий власти, но не добившийся ее. Как он с этим справится?»

– Найдите его, – продолжал Ле Нермор. В голосе его слышалось отчаяние. – Найдите убийцу! Вы верите, что вам это удастся? Вы в это верите?

– Если вы нам поможете, – ответил Данглар. – Например, когда вы выходили ночью, вы видели когонибудь, кто шел за вами?

– Ничего определенного я, к сожалению, не видел. Вначале, месяца два три назад, за мной постоянно следовала одна женщина. Тогда, а это было задолго до первого убийства, меня это не тревожило. Та женщина казалась мне странной, хотя и очень милой. У меня возникло ощущение, будто она подбадривает меня. Сначала я остерегался ее, но потом мне даже понравилось, что она рядом. Что я могу вам о ней сообщить? По моему, она жгучая брюнетка, довольно высокая, кажется красивая и не очень молодая. Сейчас мне крайне трудно описать ее подробнее, но что это была женщина, я совершенно уверен.

– Да, – сказал Данглар, – мы ее знаем. Сколько раз вы ее видели?

– Больше десяти раз.

– А после первого убийства?

Ле Нермор помедлил, словно боясь собственных воспоминаний.

– Да, – неуверенно сказал он, – дважды я видел кого то, но это была уже не та темноволосая женщина. Это был кто то другой. Поскольку я боялся, я едва повернул голову в ту сторону и, как закончил круг, тут же убежал. У меня не хватило смелости завершить задуманное, то есть

броситься вдогонку за тем человеком и разглядеть лицо. Это был... была маленькая фигурка, Странное существо, нечто неопределенное – ни мужчина, ни женщина. Вот видите, я ничего не могу вам сказать.

– Почему вы всегда носите с собой портфель? – вмешался в разговор Адамберг.

– В нем мои бумаги. Закончив очередной круг, я старался как можно быстрее спуститься в метро. Я так нервничал, мне нужно было сразу чтонибудь почитать, чтобы успокоиться, поэтому я с головой погружался в свои записи и вновь ощущал себя профессором. Не знаю, как это понятнее объяснить. Что вы теперь намерены со мной делать?

– Весьма вероятно, что вас освободят, – сказал Адамберг. – Следователь прокуратуры не захочет совершать юридическую ошибку.

– Разумеется, – подтвердил Данглар. – Теперь все изменилось.

Ле Нермор немного повеселел. Он попросил сигарету и высыпал из нее табак в трубку.

– Несмотря ни на что, я хотел бы осмотреть ваш дом. Это простая формальность, – заявил Адамберг.

Данглар недоуменно взглянул на комиссара: Адамберг никогда не тратил время на то, чтобы лично заниматься простыми формальностями.

– Пожалуйста, сделайте, как сочтете нужным, – согласился Ле Нермор. – А что вы ищете? Я ведь уже говорил, что принесу все вещественные доказательства.

– Я точно не знаю. Я вам доверяю. Но я ищу что то такое, что нельзя потрогать руками. Тем временем вы с помощью Данглара оформите: ваши показания.

– Скажите честно, комиссар: что мне грозит, если я и есть «человек, рисующий синие круги»?

– По моему мнению, ничего. Не было ни шума в ночное время, ни, в строгом смысле, нарушений общественного порядка. То, что вы подсказали кому то мысль совершить убийство, вас не касается. Мы же не можем нести ответственность за идеи, которые внушаем другим. Ваша мания унесла три жизни, но вы то не виноваты.

– Я такого даже вообразить не мог, – пробормотал Ле Нермор. – Мне очень жаль.

Адамберг вышел, не говоря ни слова, и Данглар рассердился на него за то, что он не проявил ни малейшего сочувствия к несчастному человечку, хотя прежде инспектору не раз доводилось видеть, как комиссар расставлял сети своего обаяния, когда ему надо было заручиться расположением какогонибудь незнакомца или даже обычного дурака. А сегодня у него не нашлось для старика ни капли доброты.

На следующее утро Адамберг велел опять пригласить Ле Нермора. Данглар насупился. Он не хотел, чтобы старика продолжали мучить.

Адамберг дождался последней минуты и теперь вызывал старика на допрос, хотя все предыдущие дни он ни во что не вмешивался.

Итак, Ле Нермора вновь позвали в комиссарат. Он робко вошел, еще слабый и очень бледный. Данглар внимательно смотрел на него.

– Он изменился, – шепнул инспектор своему начальнику.

– Меня это не волнует, – ответил Адамберг. Ле Нермор присел на кончик стула и попросил разрешения закурить трубку.

– Я размышлял сегодня ночью, – проговорил он, роясь в карманах в поисках спичек. – Думал всю ночь. Теперь мне наплевать, что все знают об мне правду. Я смирился с тем, какой жалкий из меня вышел персонаж – тот, кого пресса величает «человеком, рисующим синие круги». В самом начале у меня возникло ощущение, что я

обретаю огромную власть. На деле я оказался всего лишь тщеславным чудаковатым типом. И вот все рухнуло. Двоих убили. Потом мою Дельфи. Зачем мне скрывать это от самого себя? Зачем пытаться скрыть это от других, чтобы по крупицам собрать обломки своего будущего, если я все равно все испортил, все уничтожил? Нет. Я был человеком с кругами. Тем хуже для меня. Из за этого, из за «комплексов», как говорит Веркор Лори, погибли три человека. Одна из них – моя Дельфи.

Он обхватил голову руками. Данглар и Адамберг молчали, стараясь не смотреть друг на друга.

Потом Ле Нермор вытер глаза рукавом плаща, словно старый бродяга: он как будто навсегда прощался со своим престижем, заработанным за долгие годы.

– Значит, не стоит скрывать правду от журналистов, – продолжал он, сделав над собой усилие. – У меня сложилось впечатление, что лучше мириться с тем, какой я есть, и с тем, что я натворил, вместо того чтобы защищаться, прикрываясь профессорским портфелем. Однако, поскольку я трус, я предпочел бы покинуть Париж сейчас, пока еще не все раскрылось. Вы понимаете, я встречаю на улице слишком много знакомых лиц. Если, позвольте, я хотел бы пожить в одиночестве в деревне. Я ненавижу деревню. Я купил этот дом для Дельфи. Теперь он станет моим убежищем.

Ле Нермор с нетерпением ждал, их ответа, поглаживая щеку концом трубки, и выражение лица его было тоскливое и несчастное.

– Вы имеете на это полное право, – отозвался Адамберг. – Только оставьте мне свой адрес, больше ничего не нужно.

– Спасибо. Думаю, я смогу окончательно туда переехать недели через две. Я избавлюсь от всего. С Византией покончено.

Адамберг снова немного помолчал, потом спросил:

– Скажите, вы не больны диабетом, я надеюсь?

– Странный вопрос, комиссар. Нет, у меня нет диабета. А это... так важно для вас?

– Очень даже важно. Еще один вопрос, и я больше не стану испытывать ваше терпение. Так, ерунда, но мне обязательно надо с ней разобраться, и вы, надеюсь, мне поможете. Все свидетели, видевшие вас, говорили о каком то запахе, который вы оставляли после себя. Одни говорили, что пахло гнилыми яблоками, другие – уксусом, третьи – настойкой. Сначала я думал, что у вас диабет: вы, должно быть, знаете, что страдающие им больные часто издают легкий запах брожения. Но здесь не тот случай. Мне кажется, вы пахнете светлым

табаком. Тогда я решил, что запах может исходить от вашей одежды или от платяного шкафа. Поэтому я позволил себе вчера, находясь в вашем доме, обнюхать все гардеробы, шкафы, сундуки, комоды, все ваши вещи. Ничего. Запахи старого дерева, химчистки, трубки, книг, даже мела, но никаких запахов кислоты или брожения. Я расстроился.

– Что вам на это сказать? – воскликнул озадаченный Ле Нермор. – Что конкретно вы хотите узнать?

– А как бы вы сами это объяснили?

– Да откуда мне знать! Я никогда не думал об этом. Довольно уни- зительно выслушивать такое.

– Возможно, у меня найдется объяснение. Запах мог быть в другом месте, в шкафу, что находится не у вас дома, а там, где вы оставляете ваш костюм человека с кругами.

– Костюм человека с кругами? Но у меня нет такого костюма! Бы- ло бы смешно, если бы у меня был специальный костюм для этого. Нет, повторяю вам, нет, комиссар. Впрочем, ваши свидетели должны были сказать вам, что я был одет совершенно обычно, как сегодня. Я ношу всегда примерно одно и то же: фланелевые брюки, белую со- рочку, куртку из саржи и плащ. Я почти никогда не одеваюсь по другому. Какой интерес мне был бы, выйдя из дому в саржевой куртке, пойти куда то «в другое место», чтобы там надеть другую саржевую куртку, да еще дурно пахнущую?

– Вот и я никак этого не пойму.

У Ле Нермора снова появилось страдальческое выражение лица, и Данглар опять рассердился на Адамберга. Ведь, в сущности, комис- сар был не настолько злым, чтобы так мучить старика.

– Рад бы вам помочь, но вы слишком много от меня хотите! – Го- лос Ле Нермора срывался на крик. – Я не способен разобраться ни в истории с запахом, ни в том, почему это вас так интересует.

– Может статься, это не так уж и интересно.

– В конце концов, вполне возможно, что, рисуя круги, я торопился и сильно волновался, и поэтому от меня шел «запах страха». В конце концов, это возможно. Говорят, такое бывает. Когда я вбегал в мет- ро, я был весь в поту.

– Не важно, забудьте об этом, – сказал Адамберг, рисуя что то уже не на бумаге, а на самом столе. – Меня иногда донимают несуразные навязчивые идеи. Я сейчас отпущу вас, господин Ле Нермор. Наде- юсь, в деревне вы обретете покой. Иногда так случается.

Покой в деревне! Раздраженный Данглар шумно выдохнул. Так или иначе, но сегодня его раздражало в комиссаре буквально все: его бессмысленные уловки, бесполезные расспросы, банальные слова. Ему захотелось сию же секунду выпить стаканчик вина. Но еще слишком рано. Неприлично рано. Господи, только бы удержаться.

Ле Нермор печально улыбнулся им, и Данглар, решив подбодрить его на прощание, крепко стиснул ему руку. Но безвольная рука Ле Нермора не ответила на пожатие. «Все, он пропал», – подумал Данглар.

Адамберг поднялся и пошел посмотреть, как Ле Нермор идет по коридору, с портфелем под мышкой, ссутулившийся и исхудавший.

– Бедняга, – вздохнул Данглар, – он конченный человек.

– Я предпочел бы, чтобы у него оказался диабет.

До обеда Адамберг читал «Идеологию и общество в эпоху Юстиниана». Данглар, измотанный до предела, как и его жертва, поединком с человеком, рисующим синие круги, мечтал, что Адамберг наконец перестанет думать об одном и том же и снова займется расследованием, только другими методами.

Инспектор настолько пресытился общением с Огюстеном Луи Ле Нермором, что ни за что на свете не согласился бы прочесть ни единой строчки из его книги. При каждом слове ему постоянно мерещилось бы лицо с неопределенными чертами и упорный взгляд грязно голубых глаз старика византолога, явившегося упрекнуть его за чрезмерное рвение. Данглар зашел в кабинет комиссара около часа дня. Адамберг продолжал читать. Инспектор вспомнил, как шеф когда то объяснял ему, что читает все слова подряд, не пропуская ни одного. Адамберг не поднял головы, но, судя по всему, услышал, как вошел Данглар.

– Данглар, вы помните модный журнал, обнаруженный в сумке госпожи Ле Нермор?

– Тот, что вы листали, пока мы сидели в фургоне? Он, должно быть, еще в лаборатории.

Адамберг позвонил и попросил принести ему журнал, если он больше не нужен экспертам.

– Вас что то смущает? – спросил его Данглар.

– Не знаю. Меня смущают как минимум три вещи: запах гнилых яблок, милый доктор Жерар Понтье и этот журнал мод.

Спустя немного времени Адамберг позвал Данглара к себе. Он держал в руке маленький листок бумаги.

– Это железнодорожное расписание, – проговорил Адамберг. – Через пятьдесят пять минут отходит поезд на Марсильи – там родина доктора Понтье.

– Но что вам не нравится в докторе?

– То, что он мужчина.

– Опять эта история?

– Данглар, я вас предупреждал, я медлителен. Как вы думаете, вы успеете на этот поезд?

– Сегодня?

– Да, если сможете. Я хочу знать все о нашем милом докторе. В Марсильи вы найдете тех, кто был с ним знаком в молодости, еще до того момента, когда он уехал в Париж и занялся практикой. Расспросите их. Я хочу знать. Все. Что то мы упустили.

– Вы хотите, чтобы я расспрашивал людей, но как я буду это делать, если понятия не имею, что вы ищете?

Адамберг покачал головой:

– Поезжайте туда и задавайте все мыслимые и немыслимые вопросы. Я в вас верю. И не забудьте мне позвонить.

Адамберг попрощался с Дангларом и с совершенно отсутствующим видом отправился на поиски какойнибудь еды. Он жевал холодный завтрак по дороге в Национальную библиотеку.

Когда он вошел туда, его потрепанные черные брюки и рубашка с закатанными по локоть рукавами произвели не самое благоприятное впечатление. Он показал удостоверение и заявил, что хочет ознакомиться со всеми имеющимися в наличии произведениями Огюстена Луи Ле Нормора.

Данглар очутился на вокзале в Марсильи в десять минут седьмого. Посетители начали собираться в кафе на стаканчик белого вина. Всего в Марсильи было шесть кафе, и Данглар наведаясь в каждое, встретив там немало стариков, которым было что рассказать о Жераре Понтье. Однако то, о чем они говорили, не представляло для Данглара никакого интереса. Он скучал, слушая истории из жизни юного Жерара, тем более что не находил в них ни одной скольконибудь существенной зацепки. Ему казалось, что полезнее было бы собрать сведения о медицинской карьере доктора Понтье. Мало ли что могло произойти: эвтаназия, неверный диагноз... Ведь столько всего случается! Но Адамберг просил его не об этом. Комиссар послал его сюда, где ни одна живая душа ничего не знала о докторе Понтье с тех пор, как тому исполнилось двадцать четыре года.

В десять часов вечера, опьянев от местного вина и не получив никакой существенной информации, он в полном одиночестве брел по улице. Ему не хотелось возвращаться в Париж с пустыми руками. Он решил предпринять еще одну попытку хотя его совсем не радовала перспектива остаться ночевать в Марсильи. Он позвонил детям и пожелал им спокойной ночи. Хозяин последнего кафе дал ему адрес местного жителя, сдававшего комнаты, и Данглар отправился туда. «Местным жителем» оказалась пожилая дама, тут же угостившая его стаканом вина. Глаза старой женщины смотрели на Данглара так ясно и живо, что у него возникло желание поделиться с ней всеми своими тревогами.

Всю неделю Матильда пребывала в угнетенном состоянии, но никому об этом не говорила. Началось все с того, что она услышала, как Шарль возвращается домой; было половина второго ночи, а наутро стало известно об убийстве еще одной женщины. Когда наступил вечер, Шарль, злой как черт, принялся высмеивать всех и вся, чтобы только избежать объяснений. Ее терпение лопнуло, и она выставила его вон, предупредив, что он сможет вернуться только после того, как успокоится. Он очень тревожил ее, что уж там скрывать. А Клеманс той же ночью вернулась еще позже, вся в слезах, совершенно разбитая. Целый час Матильда безуспешно пыталась привести ее в чувство. Клеманс была взвинчена до предела, но признала, что ей необходимо кое что изменить в жизни и сделать передышку, временно прекратив давать объявления. Эти объявления совсем лишают ее сил. Матильда одобрила ее решение и отослала в «Колюшку» собрать чемодан и немного отдохнуть перед дорогой. Утром она услышала, как

Клеманс тихонько спускается по лестнице, стараясь никого не разбудить, и подумала: «Впереди четыре спокойных дня». Теперь она упрекала себя за такие мысли. Клеманс обещала в среду вернуться в «Колюшку», чтобы закончить сортировку диапозитивов.

Наверное, она предчувствовала, что ее приятельница портниха не позволит ей остаться надолго. У старушки Клеманс всегда был ясный ум. «Интересно, сколько ей лет на самом деле?» – гадала Матильда. Шестьдесят, семьдесят, а может, и больше. Однако ее темные глаза с красными веками и остренькие зубки давали весьма смутное представление о ее возрасте.

Всю неделю прекрасное лицо Шарля кривилось мерзкими злобными гримасами, а Клеманс не вернулась к обещанному сроку. Неразобранные диапозитивы валялись по всему столу. Шарль первым

сказал, что исчезновение Клеманс внушает беспокойство, однако было бы совсем неплохо, если бы старушка нашла себе в поезде какогонибудь мужчину, побежала бы за ним и позволила себя укукошить. От таких предположений Матильда пришла в ужас. В пятницу вечером, видя, что землеройка все не возвращается, она совсем было уже решилась начать ее поиски и позвонить той портнихе.

И тут Клеманс внезапно вернулась. «Черт побери», – процедил Шарль, расположившийся на диване в гостиной Матильды и читавший книгу, набранную брайлем, легонько прикасаясь пальцами к строчкам. И все равно Матильде стало спокойнее на душе. Потом она вдруг словно впервые увидела этих двоих, прочно обосновавшихся в ее квартире: он вальяжно растянулся на ее диване, бросив белую трость на ковре; она, в неизменном черном берете, нервно сдирает с себя нейлоновое пальто. И тут Матильда подумала, что в ее доме что то неладно.

В девять часов утра Адамберг увидел, как крайне возбужденный Данглар, прижимая палец ко лбу, ввалился в свой кабинет. Он рухнул в кресло и какое то время пытался отдышаться.

– Извините, пожалуйста, я задыхаюсь. Я всю дорогу бежал. В Марсильи я сел на первый утренний поезд. До вас невозможно дозвониться, вы не ночуете дома.

Адамберг развел руками, словно желая сказать: «Ну, что же я могу поделать? Мы не всегда заранее знаем, в чьей постели нам суждено ночевать».

– Гениальная пожилая дама, сдавшая мне комнату, – задыхаясь, выпалил Данглар, – хорошо знала вашего милого доктора. Настолько хорошо, что тот даже вел с ней доверительные беседы. Это меня не удивляет, она действительно очень чуткая женщина. Жерар Понтье, как она сказала, впутался в историю с одной девицей, дочерью аптекаря, весьма непривлекательной, но весьма богатой. Он хотел открыть свой кабинет, а бабок то у него не хватало. Однако в последний момент он почувствовал отвращение к себе и решил, что если начнет жизнь вот так, с подлости, то ему нечего мечтать о честной медицинской карьере. Тогда он решил пойти на попятный и бросил девицу на следующий день после помолвки, трусливо отделавшись коротеньким письмецом. Короче говоря, ничего особенного, правда? Ничего особенного, кроме имени девицы.

– Клеманс Вальмон, – произнес Адамберг.

– Точно, – выдохнул Данглар.

– Пойдемте со мной туда, – сказал Адамберг, раздавив в пепельнице едва раскуренную сигарету.

Двадцать минут спустя они уже стояли у двери дома номер 44 по улице Патриархов. Была суббота, и изнутри не доносилось ни единого звука. В квартире Клеманс по домофону никто не отвечал.

– Попробуйте позвонить Матильде Форестье, – торопливо проговорил Адамберг. Он просто извелся от нетерпения, что было на него совершенно непохоже.

– Жан Батист Адамберг, – назвал он себя. – Откройте мне, госпожа Форестье. И поскорее.

Он взлетел по лестнице на третий этаж, к «Морскому петуху», и Матильда открыла дверь.

– Госпожа Форестье, мне нужен ключ от квартиры наверху, где живет Клеманс. У вас есть запасной?

Матильда, ни слова не говоря, принесла связку ключей с биркой «Колюшка».

– Я пойду с вами, – сказала она. Голос ее утром звучал еще более хрипло, чем днем. – У меня скверно на душе, Адамберг.

Они втроем вошли в квартиру Клеманс.

Там не было ничего. Никаких признаков жизни: ни одежды на вешалке в прихожей, ни бумаг на столе.

– Вот сволочь, сбежала, – воскликнул Данглар.

Адамберг обошел комнату медленнее, чем обычно, глядя под ноги; он открывал то пустой шкаф, то ящик стола, потом опять принимался неспешно шагать из угла в угол. «Сейчас у него в голове пусто-та», – подумал Данглар, придя в отчаяние от постигшей их неудачи. Лучше бы Адамберг впал в ярость, рвал и метал, носился по квартире, раздавал приказы, пытался так или иначе наверстать упущенное; однако не стоило надеяться, что он сделает нечто подобное. Напротив он с очаровательной улыбкой согласился выпить кофе, предложенный растерянной Матильдой.

Адамберг позвонил от нее в комиссариат и, насколько сумел, подробно и точно описал внешность Клеманс Вальмон.

– Разошлите описание на все вокзалы, в аэропорты, на пограничные посты и во все отделения жандармерии. Объявите ее в розыск, как обычно. Пришлите сюда человека. Квартира должна быть под постоянным наблюдением.

Он беззвучно положил трубку и стал пить кофе так, словно ничего серьезного не произошло.

– Вам надо прийти в себя. Вы неважно выглядите, – сказал он Матильде. – Данглар, успокойте госпожу Форестье и постарайтесь объяснить ей, что происходит. Простите, что я не могу сделать это сам. Я плохо умею выражать свои мысли.

– Вы читали в газетах, что Ле Нормора больше не обвиняют в убийствах и что он и есть человек, рисующий синие круги? – начал Данглар.

– Еще бы, – ответила Матильда, – Я даже видела его фото. Это тот самый человек, за которым я тогда наблюдала, именно он завтракал в маленьком ресторанчике на площади Пигаль восемь лет назад. Он же безобидный! Я устала повторять это Адамбергу! Униженный, неудовлетворенный жизнью – все что угодно, но он безобидный! Я же вам говорила, комиссар!

– Да, вы так говорили. А я – нет, – заявил Адамберг.

– Именно так, – подчеркнула Матильда. – А куда подевалась землеройка? И почему вы ее щете? Она вернулась вчера вечером из деревни, приодевшаяся, кокетливая. Не пойму, почему она новь сбежала.

– Она рассказывала вам о своем женихе, удравшем без предупреждения?

– Более или менее. Это ее задело не так сильно, как можно было предположить. Слушайте, уж не собираетесь ли вы прямо сейчас удариться в дурацкий психоанализ?

– Всенепременно, – заявил Данглар. – Женихом был Жерар Понтье, жертва второго убийства. Именно он сватался к ней пятьдесят лет назад.

– Вы шутите, – с сомнением сказала Матильда.

– Да нет, я только что оттуда, из их родных мест, их обоих. Матильда, она родилась вовсе не в Нейи.

Адамберг отметил мимоходом, что Данглар назвал госпожу Форестье Матильдой.

– Ярость и безумие проделали путь в пятьдесят лет, – продолжал Данглар. – На последнем этапе жизни, которую Клеманс считала загубленной напрасно, она в конце концов ощутила непреодолимое желание убить. Подвернулся удачный случай – человек с кругами. Реализовать свой план сейчас или никогда, другой возможности может не представиться. Она никогда не теряла из виду Жерара Понтье, только о нем неотступно думала. Она знала, где он живет. Она уехала из Нейи, чтобы найти человека с кругами, для этого ей понадобились вы, Матильда. Только вы могли вывести ее на этого человека.

И на его круги. Сначала она убила ту толстуху, с которой не была знакома, просто чтобы положить начало «серии». Потом зарезала Понтье. Ей это доставило такое удовольствие, что она увлеклась и основательно поработала ножом. Наконец, опасаясь, что следствие не найдет человека с кругами так быстро, как ей бы хотелось, и что полиция сосредоточится на убийстве доктора, она прикончила законную супругу человека, рисующего синие круги, – Дельфину Ле Нермор. Серийность обязывает, и ей пришлось потрудиться над третьей жертвой так же, как и над второй, чтобы ничто не привлекло особого внимания именно к убийству доктора. Кроме того, что он мужчина.

Данглар взглянул на Адамберга, не обронившего ни слова, и тот сделал ему знак продолжать.

– Последнее убийство привело нас прямоком к человеку, рисуящему синие круги, как и задумала Клеманс. Но у нее изворотливый и вместе с тем слишком простой ум. Быть человеком, рисующим круги, и одновременно убийцей собственной жены – это уж как то слишком. Это просто невозможно, если только не имеешь дела с сумасшедшим. Ле Нермора освободили. Она узнала об этом в тот же вечер о радио. Ле Нермора оправдали, и все сразу изменилось. Ее идеальный план приказал долго жить. У нее еще было время сбежать. Что она и сделала.

Матильда ошеломленно переводила взгляд с одного на другого. Адамберг дал ей возможность собраться с мыслями. Он знал, что ей понадобится немного времени, а потом она бросится в бой.

– Да нет же, – произнесла Матильда, – она никогда не была физически сильной! Вы хоть помните, как она выглядела: жалкие останки женщины.

– Есть множество способов обойти это препятствие, – терпеливо объяснял Данглар. – Можно прикинуться, будто вам плохо, и расположиться на тротуаре, а когда сердобольный прохожий наклонится к вам, оглушить его. Всех убитых сначала оглушили и только потом зарезали, помните, Матильда?

– Да, помню, – ответила она, в сотый раз откидывая назад черные волосы, непослушными прядями падавшие ей на лоб. – А как она сумела подобраться к доктору?

– Очень просто. Она вызвала его туда, куда ей было нужно.

– Почему он пришел?

– Ну как же иначе? Подруга юности приглашает вас встретиться, она нуждается в вас! Вы все забываете и мчитесь к ней.

– Конечно. Наверное, вы правы, – согласилась Матильда.

– В ночи убийств она была дома? Не помните?

– Честно говоря, она исчезала почти каждый вечер, отправляясь на свидание, как она мне говорила. И так все время. Она разыгрывала мерзкую комедию, черт ее возьми! А вы то почему молчите, комиссар?

– Я пытаюсь думать.

– И чтонибудь получается?

– Ничего. Просто я так привык.

Матильда и Данглар обменялись сочувствующими взглядами. Однако Данглар не был критически настроен в отношении Адамберга. Клеманс исчезла, понятное дело. Тем не менее Адамберг сумел во всем разобраться и отправил Данглара в Марсильи.

Адамберг неожиданно поднялся, беспечно махнул рукой, поблагодарил Матильду за кофе и попросил Данглара отправить экспертов в квартиру Клеманс Вальмон.

– Пойду похожу, – добавил он только для того, чтобы не уходить молча. Ведь он не хотел их обидеть.

Данглар и Матильда еще долго сидели вместе. Они без конца говорили о Клеманс, стараясь разобраться в ее истории. Сбежавший жених, всепоглощающее увлечение объявлениями о знакомстве, невроз, остренькие зубки, грязные чувства, двусмысленности. Время от времени Данглар заходил наверх посмотреть, как идут дела у экспертов, и возвращался со словами: «Они все еще в ванной». Матильда снова наливала кофе, добавив туда кипятку. Данглару было очень хорошо. Он охотно остался бы здесь до конца своих дней, так и сидел бы, положив локти на стеклянный стол, внутри которого плавали рыбки, и его жизнь освещало бы смуглое лицо королевы Матильды. Она заговорила об Адамберге и спросила, как ему удалось до всего додуматься.

– Представления не имею, – ответил Данглар. – Между тем я видел, как он это делает, а иногда, как, наоборот, ничего не делает. Иногда он кажется беззаботным и поверхностным, словно никогда в жизни не работал в полиции, а иногда его лицо становится каким то странным, жестким, озабоченным; появляется ощущение, будто он ничего не замечает вокруг себя. Но чем он бывает озабочен? Вот в чем вопрос.

– Вид у него не слишком довольный.

– Действительно. Это из за того, что Клеманс сбежала.

– Нет, Данглар, Адамберга волнует совсем другое.

Леклерк, один из экспертов, вошел в комнату:

– Я по поводу отпечатков, инспектор. Ни одного не обнаружили. Она все вытерла или все время была в перчатках. Никогда такого не видел. Но ванная комната все же кое что нам дала. Я нашел засохшую каплю крови на стене за трубой умывальника.

Данглар мгновенно поймал его мысль.

– Очевидно, она что то мыла, – сказал инспектор. – Возможно, перчатки, перед тем как их выбросить. Около Дельфины их не нашли. Срочно отдайте на анализ, Леклерк. Если это кровь госпожи Ле Нермор, Клеманс крепко влипла.

Несколько часов спустя анализ подтвердил, что это была действительно кровь Дельфины Ле Нермор. Охота на Клеманс началась.

Адамберг узнал новость, но по прежнему пребывал в довольно мрачном настроении. Данглар подумал о трех вещах, занимавших комиссара. Доктор Понтье. Но с этим Данглар разобрался. Оставались еще модный журнал и гнилые яблоки. Что это могло реально изменить? Поразмыслив, Данглар решил, что у них с Адамбергом совершенно разные способы портить себе жизнь. Инспектор сделал вывод, что, несмотря на кажущуюся беспечность, Адамберг знал верный способ постоянно себя изводить.

Дверь между кабинетами Адамберга и Данглара почти никогда не закрывалась. Комиссару не было необходимости отгораживаться от людей, чтобы остаться наедине с собой. Поэтому Данглар входил и выходил, клал ему на стол папки, читал выписки из дел и снова удалялся или присаживался на минутку и о чем то с ним говорил. С момента исчезновения Клеманс Адамберг все чаще ни на что не реагировал и продолжал читать, не поднимая глаз от страницы, но на его невнимание никто не обижался, ведь он так вел себя не нарочно.

Впрочем, рассуждал Данглар, это не невнимание, просто Адамберг как бы отсутствовал. Ведь на самом деле комиссар был очень внимателен. Вот только к чему? Он имел странную манеру почти всегда читать стоя; он прижимал руки к туловищу и смотрел вниз, на разложенные на столе материалы. Он мог стоять так по несколько часов подряд. Данглар недоумевал, как это комиссар умудряется долго выдерживать такую позу, ведь у него самого к вечеру во всем теле чувствовалась усталость, а ноги отказывались повиноваться.

Сейчас Адамберг тоже стоял, уставившись в пустую страничку маленького блокнота на столе.

– Прошло уже шестнадцать дней, – сказал Данглар, садясь.

– Да, – ответил Адамберг.

На сей раз он оторвался от чтения и взглянул на Данглара. Хотя что он мог вычитать в блокноте, где ничего не написано?

– Это никуда не годится, – вновь начал Данглар. – Мы уже должны были ее найти. Ведь она перемещается, что то ест и пьет, где то спит. Ее описание напечатано во всех газетах. Она не должна от нас ускользнуть. Тем более с ее то внешностью. И все таки ей удастся скрываться.

– Да, – задумчиво произнес Адамберг, – ей удастся от нас скрываться. Что то не клеится.

– Я бы так не сказал, – не согласился Данглар. – Я считаю, мы тратим слишком много времени, чтобы ее разыскать, но нам это обязательно удастся. Старуха всегда была скрытной. В Нейи ее мало кто знал. Что о ней рассказали, соседи? Что она никого не беспокоила, держалась независимо, не блистала красотой, всегда ходила в своем проклятом берете и была помешана на газетных объявлениях. Больше ничего из них вытянуть не удалось. Она прожила там около двадцати лет, но никто не знает, были ли у нее где нибудь друзья, водились ли за ней какие нибудь грешки, и никто точно не помнит, когда она уехала. Судя по всему, она никогда не ездила отдыхать. Есть такие люди: они проходят по жизни, и никто их не замечает. Неудивительно, что в конце концов она стала убийцей. Мы найдем ее, это вопрос времени.

– Нет. Что то у нас не клеится.

– В чем же проблема?

– Это как раз то, что я пытаюсь понять.

Обескураженный Данглар грузно поднялся в три приема: туловище, зад, ноги, потом сделал круг по комнате.

– Я очень хотел бы попытаться понять, что именно вы пытаетесь понять, – тихо сказал он Адамбергу.

– Кстати, Данглар, лаборатория может забрать журнал мод, я с ним закончил.

– Закончили что?

Данглар хотел вернуться в свой кабинет, заранее расстроенный едва начавшейся дискуссией, – зная, что она закончилась бы ничем, – но никак не мог отделаться от подозрений, что в голове Адамберга уже бродят какие то идеи, возможно, даже гипотезы, и это возбуждало его любопытство. Несмотря на то, что идеи эти еще не были доступны аже самому Адамбергу.

Комиссар снова уставился в блокнот.

– В журнале мод была статья, подписанная "Дельфина Витрюэль". Это девичья фамилия Дельфины Ле Нермор. Главная редакторша сообщила мне, что Дельфина постоянно сотрудничала с их журналом, примерно раз в месяц приносила статьи о веяниях времени, новых тенденциях в моде, об увлечениях платьями с фижмами или чулками со швом.

– И это показалось вам интересным?

– Невероятно. Я прочел всю подшивку. Времени ушло довольно много. Плюс к этому еще гнилые яблоки. Я начинаю кое что понимать.

Данглар покачал головой.

– И что с гнилыми яблоками? – спросил он. – Не будем же мы упрекать Ле Нермора в том, что от него пахло страхом. Черт возьми, мы что, опять возьмемся за него?

– Все маленькое и жестокое очень меня беспокоит. Вы наслушались рассуждений Матильды. Теперь вы защищаете человека, рисующего круги.

– Ничего подобного. Просто я занимаюсь Клеманс, а его оставил в покое.

– Я тоже занимаюсь Клеманс, ею одной. Но это ничего не меняет в том, что Ле Нермор – низкая душонка.

– Комиссар, нужно экономно расходовать презрение, ибо в нем нуждаются многие. Это не мои слова.

– А чьи же?

– Шатобриана.

– Ну вот, опять. Что он вам сделал?

– Явно ничего хорошего. Да бог с ним. Скажите честно, комиссар, разве человек с кругами заслуживает такой злобы? Все таки он крупный историк.

– Поглядим.

– Все, с меня довольно, – заявил Данглар, усаживаясь на место. – У каждого свои навязчивые идеи. У меня, например, в голове одна Клеманс. Я должен ее найти. Где то же она есть, и я ее оттуда достану. Это обязательно. И это логично.

– Однако, – с улыбкой произнес Адамберг, – глупая логика – демон слабых умов. Это не мои слова.

– А чьи же?

– Вот этим то я от вас и отличаюсь: я не знаю, чьи это слова. Но я очень люблю эту фразу, она меня устраивает, понимаете? Я почти лишен логики. Я пойду похожу, Данглар, мне это необходимо.

Адамберг ходил до самого вечера. Это был единственный способ навести порядок в голове. Ритмичное движение при ходьбе как бы встряхивало мысли, словно твердые частички, плавающие в жидкости. Поэтому самые тяжелые падали на дно, а самые легкие оставались на поверхности. В конце концов Адамберг не сделал заключительного вывода, но получил ясную картину собственных мыслей, выстроившихся по порядку благодаря законам гравитации. На первый план выплыл несчастный старик Ле Нермор, его прощание с Византией, кончик трубки, постукивающий по передним зубам, не пожелтевшим от табака. Вставная челюсть.

Далее следовали гнилые яблоки, Клеманс убийца, исчезнувшая вместе с черным беретом, нейлоновыми блузками и воспаленными веками.

Внезапно он застыл на месте. Неподалеку от него какая то молодая женщина подозвала такси. Было уже поздно, он не мог хорошо ее разглядеть и побежал к ней. А потом было уже слишком поздно и бежать было бессмысленно: такси отъехало.

Он остался стоять у края тротуара, часто дыша. Почему он побежал? Потому что ему приятно было бы увидеть, как Камилла садится в такси, даже если он все равно не успел бы ее догнать.

Он сжал кулаки в карманах куртки. Немного волнения. Это нормально.

Нормально. Не стоит делать из этого трагедию. Увидеть Камиллу, удивиться, побежать следом: нормально немного поволноваться по этому поводу. Это от удивления. Или оттого, что бежал слишком быстро. У любого точно так же тряслись бы руки.

Впрочем, действительно ли это была она? Вероятно, не она. Она живет на другом краю земли. Нужно, чтобы она была на другом краю земли, совершенно необходимо. Но профиль, фигура, манера держаться за стекло машины обеими руками, разговаривая с водителем! И что с того? Ничего особенного. Камилла – на другом краю земли. Не о чем тут рассуждать, значит, нет причины волноваться по поводу этой девушки в такси.

А если это все же была Камилла? Ну, что ж, если это была Камилла, он ее упустил. Вот и все. Она села в такси, чтобы уехать на другой край земли. Нечего об этом думать, все осталось по прежнему. Ночь с Камиллой, всегда. Пришла. Ушла.

Он вновь отправился в путь, тихонько повторяя эти два слова. Он хотел поскорее уснуть, чтобы забыть о трубке старика Ле Нермора, о берете Клеманс, о спутанных волосах своей любимой малышки.

Следующая неделя не принесла никаких новостей о Клеманс. К трем часам дня Данглар погружался в пьяную дремоту, а иногда от сознания собственного бессилия у него случались приступы словоизвержения. Десятки людей заявляли, что видели убийцу. Каждое утро Данглар приносил в кабинет Адамберга отчеты, сообщавшие об отрицательных результатах поисков.

– Отчет о следственных действиях из Монтобана. Опять ничего, – в очередной раз говорил Данглар.

Адамберг поднимал голову и отвечал каждый раз одно и то же: «Очень хорошо. Превосходно». Хуже того: Данглар подозревал, что Адамберг вообще не читает эти отчеты, так как вечером они обычно лежали на том же месте, куда инспектор положил их с утра, и он вновь забирал их, чтобы приобщить к делу Клеманс Вальмон.

Данглар не мог заставить себя не считать. С момента исчезновения Клеманс прошло двадцать семь дней. Адамбергу часто звонила Матильда, чтобы узнать новости о землеройке. Данглар слышал, как он отвечал: «Пока ничего. Нет, я не опустил руки, кто вам сказал? Я жду дополнительных сведений. Теперь можно не торопиться».

«Можно не торопиться». Любимое выражение Адамберга. Данглар приходил от него в бешенство, в то время как Кастро, сильно изменившийся за последнее время, судя по всему, воспринимал все происходящее с несвойственным ему терпением.

Вдобавок еще по просьбе Адамберга в комиссариат несколько раз приходил Рейе. Он казался Данглару менее желчным, чем раньше. Данглар спрашивал себя, с чем это могло быть связано: то ли с тем, что слепой теперь хорошо ориентируется в здании комиссариата и спокойно находит дорогу, ощупывая стены кончиками пальцев; то ли с тем, что стало известно имя убийцы и это положило конец его тревогам. Единственное, о чем Данглар и думать не хотел, – это что Рейе стал менее желчным, потому что Матильда пустила его в свою постель. Об этом не могло быть и речи! Но как бы узнать наверняка? Однажды Данглар присутствовал при начале разговора Адамберга и Рейе.

– В обычном понимании вы не видите, – рассуждал комиссар, – но вы видите по другому. Мне бы очень хотелось, чтобы вы рассказали о Клеманс Вальмон, и говорили бы столько времени, сколько у вас хватит сил; чтобы вы описали мне все ваши впечатления во время бесед с нею, все ваши ощущения в ее присутствии, все мельчайшие подробности ее жизни, о которых вы догадывались, когда она подходила, когда вы ее слышали, когда чувствовали ее рядом. Чем больше

я буду о ней знать, тем успешнее закончу дело. Вы, Рейе, вы и Матильда – вот два человека, знавшие ее лучше всех. И еще вам может быть доступно нечто, находящееся за пределами обычного зрения. То, что мы, остальные, не замечаем, потому что зрительный образ возникает быстро и мы этим удовлетворяемся.

Всякий раз Рейе подолгу сидел у него. В открытую дверь Данглару было видно, как Адамберг стоит, прислонившись к стене, и слушает с величайшим вниманием.

Было три тридцать.

Адамберг открыл свой блокнот на третьей странице. Он помедлил какое то время, а потом написал:

«Завтра я еду в деревню искать Клеманс. Думаю, я не ошибся. Никак не вспомню, когда именно я это обнаружил, надо было сделать пометку. Может, я понял это с самого начала? Или когда появились гнилые яблоки? Все, что рассказывает Рейе, сходится с моими предположениями. Вчера я дошел до Восточного вокзала. Попытался разобраться, почему стал полицейским. Возможно, потому, что здесь, когда ты что то ищешь, то имеешь шансы найти: такая профессия. Это примиряет меня со всем остальным. В другое время никто не просит тебя искать что бы то ни было, и ты не рискуешь найти что то, потому что не знаешь, что искать. Например, листья: я до сих пор не знаю точно, почему их рисую.

Вчера в кафе на Восточном вокзале какой то тип сказал мне, что лучшее средство избавиться от страха смерти – вести жизнь кретина. Тогда не о чем будет сожалеть. Мне кажется, это не лучший выход.

Я не боюсь смерти, во всяком случае, не очень. Следовательно, по настоящему меня это не касается. И остаться в одиночестве я тоже не боюсь.

Мне следует обновить все сорочки, я отдаю себе в этом отчет. Вот было бы здорово найти универсальную форму одежды. Я бы купил ее сразу тридцать комплектов, и тогда бы мне до конца дней уже не пришлось мучиться с вещами. Когда я поделился своей идеей с сестричкой, она подняла страшный крик. Ее приводит в ужас даже мысль о том, что могла бы существовать универсальная форма одежды.

А мне бы очень хотелось иметь такую одежду, чтобы больше с этим не возиться.

Еще я хотел бы найти универсальный лист дерева, чтобы тоже больше с этим не возиться.

По правде говоря, я очень хотел бы не упустить Камиллу вчера вечером на улице. Я бы ее догнал, она бы очень удивилась, может, даже разволновалась. Возможно, я увидел бы, как ее лицо дрожит, или бледнеет, или краснеет – не знаю точно. Я бы сжал в ладонях ее щеки, чтобы унять эту дрожь, и это было бы замечательно. Я бы прижал ее к себе, и мы долго стояли бы так посреди улицы. Например, час. Но вполне вероятно, что она не разволновалась бы и не захотела прижаться ко мне. Может, она ничего бы не сделала. Не знаю. Я не отдаю себе в этом отчета. Вполне возможно, что она просто сказала бы: «Жан Батист, меня ждет такси». Не знаю. Может статься, это вообще была не Камилла. А может, мне вообще на это наплевать. Не знаю. Не думаю.

Я сейчас крайне раздражаю мыслителя Данглара. Да, это очевидно. Я делаю это не нарочно. Ничего не происходит, ничего не говорится, и он от этого сходит с ума. Между тем с тех пор, как Клеманс ушла, произошло самое главное. Но я ничего не могу ему сказать».

Услышав, как открывается дверь, Адамберг поднял голову.

Была жара, и Данглар вернулся из северного пригорода весь в поту. Задержали укрывателя краденого. Все прошло удачно, но это не принесло инспектору удовлетворения. Данглару нужен был более сильный противник, и вызов, брошенный землеройкой убийцей, представлялся ему вполне достойным. Однако с каждым днем его все больше мучил страх, что наступит момент, когда им придется признать свое поражение. Он даже не осмеливался заговаривать с детьми об этом деле. Сейчас он всерьез подумывал о том, не пора ли приложиться к бутылке вина, и тут в его кабинет вошел Адамберг.

– Мне нужны ножницы, – заявил он.

Данглар вышел и, порывшись в ящике стола Флоранс, принес ножницы. Во время поисков он обратил внимание на то, что Флоранс пополнила запас карамелек. Адамберг, прищурившись, пытался продеть черную нитку в ушко иголки.

– Что происходит? – изумился Данглар. – Вы что, шьете?

– Брюки снизу отпоролось.

Адамберг сел на стул, положил ногу на ногу и принялся подшивать брючину. Данглар наблюдал за его действиями, озадаченный, но умиротворенный. Смотреть, как кто то сосредоточенно шьет маленькими стежками, с таким видом, будто мир вокруг перестал существовать, – это превосходно успокаивает.

– Вот увидите, Данглар, я отлично умею подшивать брюки, – похвастался Адамберг. – Стежки совсем маленькие. Почти ничего не

заметно. Меня научила моя сестричка, когда однажды, как говаривал мой отец, нас надо было куданибудь приткнуть.

– А вот у меня ничего не получается, – вздохнул Данглар. – Во первых, я не умею аккуратно подшивать детям брюки. Во вторых, меня тревожит наша убийца. Мерзкая старуха убийца. Она точно уйдет от меня, я знаю. Меня это сводит с ума. Я вам честно говорю, меня это сводит с ума.

Он поднялся и направился к шкафу взять бутылочку пива.

– Не надо, – произнес Адамберг, не отрываясь от шитья.

– Чего не надо?

– Пива не надо.

Комиссар перекусил нитку зубами, совсем забыв, что ему принесли ножницы Флоранс.

– А ножницы? – сердито спросил Данглар. – Черт возьми, мне пришлось тащиться за ножницами, чтобы вы аккуратно отрезали нитку, а вы что делаете? А пиво? Что вдруг случилось с моим пивом?

– С вашим пивом случилось то, что вы выпьете сначала пару бутылочек, потом еще и еще, и так штук десять, а сегодня это совершенно невозможно.

– Я думал, вы не станете в это вмешиваться. Это мой организм, моя ответственность, мой живот, мое пиво.

– Договорились. Тем не менее это ваше расследование, а вы – мой инспектор. И завтра мы едем в деревню. И кое что найдем, я надеюсь. Следовательно, вы мне нужны в здравом уме и трезвой памяти. И со здоровым желудком. Желудок – это очень важно. То, что здоровый желудок – гарантия плодотворного мышления, точно не установлено. Зато абсолютно верно то, что желудок, если он не в порядке, не даст вам собраться с мыслями.

Данглар пристально взглянул в напряженное лицо Адамберга. Невозможно было понять, отчего вид у него стал такой суровый: то ли из за узла, некстати затянувшегося на нитке, то ли из за завтрашней поездки в деревню.

– Черт! Нитка в узел завязалась. Как я это ненавижу! Кажется, есть золотое правило: нитка вдевается в иголку в том же направлении, в каком она была намотана на катушку. Иначе образуются узлы. Понимаете? Видимо, я не обратил внимания и вдел ее в иголку наоборот. И вот теперь узел.

– Мне кажется, просто нитка слишком длинная, – предположил Данглар.

Какое все таки успокаивающее занятие – шитье.

– Нет, Данглар. Я взял нитку ровно такую, как надо: длиной от пальцев до локтя. Завтра в восемь мне нужны фургон, восемь человек и собаки. Медэксперт тоже должен поехать с нами.

Адамберг сделал несколько стежков, закрепляя шов, отрезал нитку и расправил брюки. Он вышел, даже не удосужившись осведомиться, собирается ли Данглар привести в надлежащее состояние голову и желудок. Данглар и сам пока этого не знал.

Шарль Рейе вернулся домой.

Он чувствовал себя умиротворенным и получал от этого удовольствие, поскольку знал, что это состояние долго не продлится. Беседы с Адамбергом приносили ему душевный покой, он даже не понимал почему. Между тем Шарль отметил, что вот уже два дня он никому не предлагает помочь перейти дорогу.

Ему не стоило особых усилий откровенно говорить с комиссаром о Клеманс, о Матильде, о множестве разных вещей, и он не торопился уйти. Адамберг ему тоже кое что рассказывал. Кое что свое. И далеко не всегда понятное. Иногда легкомысленное, а иногда серьезное, хотя Шарль потом не мог с уверенностью утверждать, что легкомысленное не было на самом деле серьезным. У Адамберга не разберешь. Мудрость младенцев, философия стариков. Он так и сказал Матильде в ресторане. Он никогда не обманывался насчет того, что скрывалось за мягким голосом комиссара. А теперь настала очередь комиссара спрашивать у Рейе, что скрывают его черные глаза.

Адамберг внимательно выслушал то, о чем рассказал ему Рейе. Гул в ушах незрячего человека, болезненно обостренное восприятие в кольце полной темноты, способность ориентироваться во мраке. Когда Шарль прерывался, Адамберг его просил: «Продолжайте, Рейе. Я вас очень внимательно слушаю». Шарль представил себе, что будь он женщиной, то, наверное, влюбился бы в Адамберга, хотя и осознал бы, насколько тщетны попытки удержать его. Комиссар принадлежал к тому типу людей, к которым, скорее всего, лучше не приближаться. Или сразу смириться с тем, что такого человека невозможно схватить и не отпускать. Да, пожалуй, что так.

Однако Шарль был мужчиной и дорожил этим. Кроме того, Адамберг утверждал, что Шарль – красивый мужчина. Итак, Шарль, поскольку он был мужчиной, решил, что ему было бы гораздо приятнее полюбить Матильду. Поскольку он мужчина.

Но разве Матильда не рвалась к морю, чтобы раствориться в его глубинах? Разве она не старалась отгородиться от земных страданий? Что произошло с Матильдой? Никто этого не знал. Почему

Матильда любила эту проклятую воду? Может, попробовать поймать Матильду? Шарль боялся, что она выскользнет у него из рук, как русалка.

Не заходя к себе, он сразу поднялся к ней, в «Морского петуха». Он нащупал кнопку звонка и нажал на нее два раза подряд.

– У тебя чтонибудь случилось? – спросила Матильда, открыв дверь. – Может, у тебя есть новости о землеройке?

– А они у меня должны быть?

– Ты же несколько раз встречался с Адамбергом, так? Я ему недавно звонила. Похоже, завтра у него будут новости о Клеманс.

– Почему тебя настолько интересует Клеманс?

– Потому что ее нашла я. Это моя землеройка.

– Нет, это она тебя нашла. Почему ты плакала, Матильда?

– Разве я плакала? Ну да, чуть чуть. Как ты узнал?

– У тебя голос мокрый. Я отлично это слышу.

– Не бери в голову. Просто один человек, которого я обожаю, собирается завтра уезжать. Тут поневоле заплачешь.

– Мне можно узнать, какое у тебя лицо? – спросил Шарль, протягивая к ней руки.

– Как ты собираешься это сделать?

– Вот так. Сейчас увидишь.

Шарль вытянул пальцы, дотронулся до лица Матильды и прошелся по нему легкими осторожными движениями, как пианист по клавишам. Вид у него был сосредоточенный. На самом деле он хорошо знал, какое лицо у Матильды. Возможно, оно немного изменилось с тех пор, когда она читала лекции в университете и он видел ее. Но ему очень хотелось к ней прикоснуться.

Матильда проснулась рано и не нашла в себе мужества отправиться следить за кем-нибудь. Накануне ее на славу развлекла одна явно не супружеская парочка, за которой она долго наблюдала в пивной «Барнкруг». Эти двое, видимо, познакомились недавно. Когда мужчина в разгаре трапезы извинился и встал из-за столика, чтобы пойти позвонить, девушка, нахмурившись, посмотрела ему вслед и быстренько переложила изрядную порцию жареной картошки из его тарелки в свою. Довольная тем, что ей удалось поживиться, она проворно слопала добычу, высовывая язык всякий раз, когда подносила вилку ко рту. Мужчина вернулся. Матильда подумала, что теперь ей известно о его подруге нечто очень важное, чего он сам так никогда и не узнает. Да, она здорово повеселилась. Удачный отрезок.

Однако сегодняшнее утро ей ничего не предвещало. В конце первого отрезка ничему не стоило удивляться. Она подумала, что сегодня Жан Батист Адамберг наконец поймает землеройку, что она будет отбиваться с пронзительным свистом, что это будет черный день для старой Клеманс; она умела так аккуратно раскладывать по порядку диапозитивы – так же аккуратно, как убивала. Матильда задала себе вопрос, не было ли во всем этом и ее вины. Если бы тогда, в ресторане, Матильда, желая привлечь внимание публики, не кричала, что она готова хоть сейчас представить всем человека с кругами, Клеманс не явилась бы, чтобы бессовестно использовать ее, и не получила бы отличный шанс совершить все эти убийства. Матильда подумала, что все происшедшее – какой то чудовищный бред: Клеманс зарезала старого доктора только за то, что он когда то был ее женихом, а ее озлобленность довершила остальное.

Чудовищный бред. Следовало сказать это Адамбергу. Матильда тихо говорила это самой себе, облокотившись на стол аквариум: «Адамберг, это убийство – чудовищный бред». Убийство на почве страсти никто не готовит пятьдесят лет, да еще с таким хладнокровием, и уж тем более не разрабатывает сложную систему уничтожения, какую использовала Клеманс. Как мог Адамберг так ошибаться относительно мотивов, руководивших старухой? Нужно быть идиотом, чтобы поверить в такой бредовый мотив убийства! Матильда искренне считала Адамберга одним из самых проникательных людей, каких ей доводилось встречать. Но с мотивом преступления старухи Клеманс действительно что то не клеилось. Эта женщина была безлика. Матильда убедилась в том, что Клеманс – милая старушка, лишь для того, чтобы постараться хоть немного полюбить ее, помочь ей, но на самом деле в землеройке ее смущало абсолютно все. Все – это значит отсутствие всего: ни тела на миниатюрном скелете, ни взгляда, ни живых интонаций голоса. Ничего.

Вчера вечером Шарль тихонько трогал ее лицо. Надо признать, это было довольно приятно, его длинные пальцы так методично и нежно ощупывали все ее черты, словно он читал страницу книги, напечатанной брайлем. Ей показалось, что он с удовольствием прикоснулся бы не только к ее лицу, но она никак не поощрила его. Напротив, она отправилась варить кофе. Надо сказать, кофе получился отменный. Конечно, он не может заменить ласку. С другой стороны, и ласка не может заменить чашечки хорошего кофе. Матильда вдруг подумала, что сравнение у нее вышло бессмысленное: ласки и хороший кофе – одно другого не заменяет.

– Ладно, – вслух произнесла Матильда и вздохнула. Она поводила пальцем по стеклянной крышке стола, следуя за плавающей под ней колюшкой с двумя пятнышками на боках. Что же ей делать с Шарлем и его ласками? Не пора ли наконец отправляться в море? Ведь сегодня утром ей уже не захотелось ни за кем следить. Что ей удалось собрать на поверхности земной коры за эти три месяца? Ей попались: полицейский, которому следовало бы стать проституткой; слепой, злой как черт и удивительно ласковый; византолог, увлекающийся черчением; старушка, убивающая всех, кто под руку попадет. Что ж, урожай действительно неплохой. Жаловаться не на что. Ей следовало бы об этом написать. Это было бы куда забавнее, чем писать о грудных мышцах рыб.

– Написать, но что? – спросила она себя вслух, стремительно поднявшись с места. – Что? И для чего это нужно?

«Чтобы рассказать о жизни», – ответила она уже про себя.

Какие пустяки! О грудных мышцах рыб хотя бы можно рассказать то, что никому не известно. А о другом? Зачем это делать, зачем писать? Чтобы кого то привлечь? Так, что ли? Чтобы очаровывать незнакомых людей, словно ей знакомых не хватает? Чтобы вообразить, будто на нескольких страницах удастся поместить квинтэссенцию бытия? Какую такую квинтэссенцию? А может быть, чувства всего человечества? О чем она вообще может рассказать? Даже история старой землеройки, и та не очень то интересна. Написать – значит потерпеть неудачу.

Матильда снова села, настроение у нее было мрачное. Она подумала, что мысли у нее бессвязные. А вот грудные мышцы рыб – это просто замечательно. Тем не менее так печально, когда говоришь только о грудных мышцах рыб, потому что на них всем наплевать куда больше, чем на старуху Клеманс.

Матильда выпрямилась и обеими руками откинула назад свои черные волосы. "Так так, – рассудила она, – что то я ударились в метафизику, но это пройдет. Пустяки, – пробормотала она вслух. – Мне не было бы так грустно, если бы Камилла не уезжала сегодня вечером. Опять ей уезжать. Не встретить она тогда этого летучего полицейского, не пришлось бы ей скитаться по земле. Но стоит ли писать об этом? Нет."

Должно быть, уже давно настало время снова погрузиться в морскую пучину. Главное, не задавать себе вопрос, зачем ты это делаешь. «Так зачем же?» – тут же спросила себя Матильда.

Чтобы стало легче на душе. Чтобы размокнуть в воде. Точно. Чтобы размокнуть.

На следующий день они отправились в путь в сторону Монтаржи. Адамберг сам сел за руль. Данглар устроился на переднем сиденье, Кастро и Делиль сзади. Следом ехал фургон. Адамберг постоянно кусал губы. Время от времени он поглядывал на Данглара, а иногда, переключив передачу, он на мгновение притрагивался к руке инспектора. словно хотел убедиться, что Данглар на месте, что он живой и никуда не исчез, ведь комиссару было нужно, чтобы его коллега всегда оставался рядом.

Адамберг мчался вперед на высокой скорости. Данглар видел, что они направляются к Монтаржи, но больше он ничего не понимал. Чем дальше они ехали, тем более напряженным становилось лицо комиссара. Его черты вдруг стали невероятно четкими, почти сюрреальными. Казалось, физиономия Адамберга устроена так же, как лампы с регулятором накала. А еще Данглар не мог понять, почему комиссар к старой белой сорочке надел черный галстук, повязав его узлом собственного изобретения. Траурный галстук, совершенно не подходящий к случаю. Данглар озабоченно поинтересовался, почему комиссар сегодня так странно одет.

– Я специально выбрал этот галстук, – ответил Адамберг. – Милый обычай я придумал, не правда ли?

И больше не прибавил ни слова. Только всю оставшуюся дорогу изредка прикасался к руке Данглара. Прошло уже больше двух часов, как они выехали из города, когда Адамберг остановил машину на лесной дороге. Там уже не чувствовалась летняя жара. Данглар прочел на указателе: «Лес Бертранж. Государственная собственность», – а Адамберг сказал: «Приехали», – и дернул ручной тормоз.

Он вышел из машины, отдышался и осмотрелся, покачивая головой. Потом разложил карту на капоте машины и позвал Кастро, Делиля и полицейских, ехавших в фургоне.

– Мы пойдем сюда. – Он показал направление. – Сначала по этой тропинке, потом по этой и вот этой. Дальше мы осмотрим всю южную часть массива. Наша задача – прочесать зону вокруг вот этой лачуги в лесу.

Его палец вычертил на карте небольшой круг.

– Круги, опять круги, – пробормотал он.

Адамберг небрежно сложил карту, так что она превратилась в бесформенный комок бумаги, и протянул ее Кастро.

– Выводите собак, – напоследок скомандовал комиссар.

Шесть овчарок на поводках с лаем выпрыгнули из фургона. Данглар, не очень любивший этих животных, отошел в сторонку и инстинктивно запахнул поплотнее полы просторной серой куртки, словно она могла защитить его от собак.

– И все это ради старухи Клеманс? – спросил он. – А что будут делать собаки? Она же нам не оставила даже лоскутка своей одежды, чтобы они могли взять след.

– Все, что нужно, у меня с собой, – ответил Адамберг, вытащив из фургона небольшой сверток и сунув его под нос собакам.

– Это тухлое мясо, – сказал Делиль, сморщив нос.

– Оно пахнет смертью, – заметил Кастро.

– Совершенно верно, – согласился Адамберг.

Он подал знак, и они отправились к первой тропинке, начинавшейся справа от них. Впереди бежали собаки, рыча и натягивая поводки. Один из псов ухитрился сожрать часть мяса.

– Ну и придурок этот пес, – сердито заметил Кастро.

– Мне это не нравится, – проворчал Данглар, – совсем не нравится.

– Не сомневаюсь, – ответил Адамберг.

По лесу невозможно пройти бесшумно. Звуки окружали их со всех сторон: ломающиеся ветки, убегающие зверьки, улетающие птицы, шуршание листьев под ногами, лай собак, рвущихся то в одну сторону, то в другую.

На Адамберге были обычные старые черные брюки. Его траурный галстук сбился и висел на плече. Он шел молча, заложив руки за пояс, и сосредоточенно ловил взглядом малейшее отклонение собак от тропинки. Прошло три четверти часа, как вдруг собаки разом свернули влево. Тропинки там уже не было. Приходилось пробираться среди ветвей, огибать деревья. Люди шли медленно, а овчарки тащили их вперед. Согнутая ветка больно хлестнула Данглара по лицу. Первая и лучшая из собак, по кличке Будильник, остановилась метрах в шестидесяти впереди. Подняв морду и оглушительно лая, она покрутилась на месте, потом поскулила и легла на землю, очень довольная собой. Адамберг замер, вцепившись пальцами в ремень. Он осмотрел участок, где лег Будильник: несколько квадратных метров между дубами и березами. Он потрогал нижнюю ветку одного из деревьев, сломанную, судя по всему, несколько месяцев назад. На месте надлома уже появился мох.

Губы Адамберга как то странно сжались, как обычно бывало в минуты крайнего волнения. Данглар это тут же заметил.

– Позовите всех, – приказал Адамберг.

Потом он посмотрел на Деклерка, который нес мешок с инструментами, и сделал ему знак приступить к работе. Данглар с опаской наблюдал, как Деклерк развязывает мешок, достает оттуда кирки и лопаты и раздает людям.

Целый час Данглар запрещал себе думать о том, что они ищут. Но он не мог больше отрицать очевидное: они искали именно это.

«Нас ждут находки» – кажется, так сказал вчера Адамберг. Этот черный галстук. Оказывается, комиссар не чуждался символики, какой бы мрачной она ни была.

Лопаты вонзались в землю, издавая ужасные звуки, особенно когда железо скребло по камням. Слишком много раз Данглару приходилось слышать этот звук. И груды земли, выроставшие по обеим сторонам ямы, он тоже видел слишком много раз.

Полицейские копали умело, ритмично сгибая и разгибая колени. Яма увеличивалась.

«Мне нельзя было приезжать сюда», – только и подумал он, не задаваясь вопросами о том, чье страшное мертвое тело лежало в яме, зачем они искали его, где они сейчас находились и почему никто ничего не понимал. Единственное, что пришло ему в голову, так это то, что находка комиссара ничем им не поможет. Труп пролежал в земле уже не один месяц. Значит, это не Клеманс.

Люди проработали еще около часа; по мере продвижения в глубь ямы зловоние стало совершенно невыносимым. Данглар застыл не шевелясь у ствола своего надежного дуба. Он старался не опускать голову. Между кронами деревьев виднелся только небольшой кусочек синего неба, лес в этом месте был темным и мрачным. Данглар услышал мягкий голос Адамберга:

– Достаточно. Прервемся. Надо немного выпить. Лопаты были отброшены в сторону, а Деклерк извлек откуда то литр коньяку.

– Коньяк не очень, – пояснил он, – но мозги он нам прочистит.

– Запрещено, но совершенно необходимо, – вздохнул Адамберг.

Комиссар подошел к Данглару и протянул ему стаканчик с коньяком. Он не спросил инспектора: «Как вы?» или «Вам лучше?». Он вообще ничего не сказал. Адамберг знал, что через полчаса Данглару станет немного лучше и он сможет ходить. И все это знали, и никто не приставал к Данглару. У всех сидящих неподалеку от зловонной могилы в душе боролись противоречивые чувства.

Девять мужчин расположились на земле поближе к Данглару, по прежнему стоявшему у дерева. Медэксперт покружил еще немного около захоронения и присоединился к остальным.

– Ну с, доктор мертвых, что вы нам скажете? – обратился к нему Кастро.

– Скажу, что это женщина, немолодая, шестидесяти семидесяти лет... Скажу, что ее убили, нанеся глубокую рану в область шеи, и произошло это более пяти месяцев назад. Установить ее личность – дело почти безнадежное. Так то, ребятки.– Доктор часто говорил «ребятки», словно вел урок в школе. – Одежда обыкновенная, недорогая, так что это вам не поможет. У меня такое впечатление, что в могиле мы не найдем ничего, что указывало бы на личность погибшей. Не надейтесь выудить чтонибудь из ее зубного врача. Зубы у нее здоровые и целые, как у нас с вами, нет ни следа вмешательства стоматолога, насколько я мог рассмотреть. Вот, ребятки, что я хотел вам сказать. Следовательно, чтобы узнать, кто она, потребуется немало времени.

– Это Клеманс Вальмон, шестидесяти четырех лет, проживавшая в Нейи сюр Сен, – тихо проговорил Адамберг.– Налейте мне еще глоточек коньяку, Деклерк. Вы правы, он не самый изысканный, но все же вкус у него очень приятный.

– Нет! – Данглар вступил в разговор гораздо энергичнее, чем от него можно было ожидать, но все же не рискнул расстаться со спасительным деревом. – Не может этого быть. Доктор сказал, эта женщина мертва уже более пяти месяцев! А Клеманс ушла из квартиры на улице Патриархов всего месяц назад и была жива живехонька. Как это объяснить?

– Но я же сказал: Клеманс Вальмон, проживавшая в Нейи сюр Сен, – возразил Адамберг, – а вовсе не Клеманс с улицы Патриархов.

– Так что же получается? – спросил Кастро. – Их было две? Две полные тезки? Две близняшки?

Адамберг отрицательно мотнул головой, вертя в руке стаканчик с коньяком.

– Существовала только одна Клеманс, – сказал он.– Та Клеманс, что жила в Нейи и была убита пять или шесть месяцев назад. Вот эта самая женщина.– Он показал на яму движением подбородка.– А ещё был некто, живший у Матильды Форестье на улице Патриархов под именем Клеманс Вальмон. Этот некто и убил Клеманс Вальмон.

– Кто же это был? – спросил Делиль.

Адамберг, словно извиняясь, покосился на Данглара.

– Это был один человек, – произнес он. – Человек, рисующий синие круги.

Они отошли подальше от ямы, чтобы можно было нормально дышать. Двое полицейских остались по очереди дежурить у места захоронения. Ждали команду экспертов криминалистов и комиссара из Невера. Адамберг и Кастро уселись у фургона, а Данглар прохаживался неподалеку.

Инспектор гулял так уже около получаса, охотно подставляя спину солнцу, чтобы восстановить утраченные силы. Значит, землеройкой на самом деле был человек, рисующий синие круги. Значит, это он зарезал Клеманс Вальмон, потом Мадлену Шатлен, потом Жерара Понтье и, наконец, собственную жену. С хитростью старой крысы он довел до совершенства свой адский план. Сначала круги. Множество кругов. Все поверили в существование маньяка. Несчастного маньяка, которого использует для прикрытия убийца. События разворачивались именно так, как он задумал. Его арестовали и в конце концов признали маньяком, рисующим круги. Как он и задумал. Его выпустили, и все кинулись ловить Клеманс Вальмон. Ловить виновную, заранее заготовленную для полиции человеком, рисующим синие круги. Ту самую Клеманс, что погибла несколько месяцев назад. И они напрасно искали бы ее, а потом дело пришлось бы закрыть. Данглар недовольтно хмурился. Слишком многое оставалось неясным.

Он подошел к комиссару, молча жевавшему кусок хлеба, и Кастро, по прежнему сидевшему у края тропинки. Кастро осторожно бросал крошки хлеба, пытаясь подманить самочку дрозда.

– Интересно, почему самки птиц обычно имеют менее яркую окраску, чем самцы? – рассуждал Кастро. – Самки обычно коричневатые, бежевые, непонятно какие. Можно подумать, им плевать на свой внешний вид. А их самцы красные, зеленые, золотистые. Господи, почему у них так? Ну просто мир наизнанку.

– Говорят, – задумчиво произнес Адамберг, – это нужно самцам, чтобы нравиться. Они вечно должны придумывать всякие фокусы, эти бедняги самцы. Не знаю, замечали ли вы это, Кастро. Без конца какие то фокусы. Это так утомительно.

Самка дрозда улетела.

– У дрозди дел полно, – сказал Делиль, – ей нужно яйца отложить, потом птенцов высидывать, разве не так?

– Прямо как я, – грустно констатировал Данглар. – Мне бы дроздохой быть. Мои птенцы мне доставляют кучу хлопот. Особенно последний, маленький кукушонок, которого подбросили в мое гнездо.

– Пстой ка, – воскликнул Кастро, – ничего у тебя не получится: ты же не носишь бежевое и коричневое.

– К черту все это! – вскричал Данглар. – Твои банальные зооантропологические сравнения – вот где они у меня сидят! Наблюдая за птицами, людей лучше не узнаешь. Ты что думаешь? Птицы – это только птицы, и все. И вообще, о чем ты только думаешь, когда у нас на руках труп и все так запутанно? А может, ты то как раз все понимаешь?

Данглар чувствовал, что его несколько занесло и что в других обстоятельствах он вел бы себя куда дипломатичнее. Однако этим утром у него ни на что не было сил.

– Вам следует извинить меня за то, что я не посвятил вас во все, – обратился Адамберг к Данглару. – Просто до сегодняшнего утра у меня были основания сомневаться в себе. Я не хотел делиться с вами своими слишком смелыми догадками, тем более что вы человек здравомыслящий и разгромили бы меня в пух и прах. Ваши рассуждения на меня сильно влияют, Данглар, а я не хотел подвергаться ничьему влиянию. Иначе я сбился бы со следа.

– Со следа, пахнувшего гнилыми яблоками?

– Главным образом со следа из кругов. Тех самых кругов, которые я так ненавидел. И еще больше стал ненавидеть, когда Веркор Лори подтвердил, что речь не идет о настоящей мании. А что еще хуже, это вообще была не мания. Синие меловые круги не свидетельствовали о подлинной одержимости. Все это только внешне напоминало одержимость, навязчивую идею, овладевшую человеком. Например, Данглар, вы отмечали, что наш подопечный рисует круги по-разному: то в одно касание, то соединяет два полукруга, то выводит овал. Неужели вы думаете, что маньяк допустил бы столь явное отступление от правил? Маньяк организует свою вселенную, отмеряя все с точностью до миллиметра. В противном случае для чего тогда существуют мании? Мания нужна для того, чтобы противостоять всему миру, чтобы установить в нем свой порядок, чтобы получить невозможное и защитить свою добычу. Так вот, чертить круги по-разному, в разные дни, в разных местах, с разными предметами внутри – это не мания, а просто цирк. Изобразить овал вместо круга на улице Бертоле, когда он обводил тело Дельфины Ле Нермор, было его большой ошибкой.

– Это еще что такое? – неожиданно воскликнул Кастро. – Смотрите ка! А вот и самец! А вот и самец с желтым клювом.

– Круг превратился в овал, потому что тротуар был слишком узким. Ни один маньяк такого бы не потерпел. Он совершил бы задуманное на три улицы дальше, и все. Если этот круг оказался в том месте, значит, он должен был оказаться именно там, на середине маршрута полицейского патруля, на темной улице, где можно было совершить убийство. Круг стал овалом, потому что убить Дельфину Ле Нермор в другом месте, например на бульваре, просто не представлялось возможным. Слишком много полицейских, я вам говорил, Данглар. Ему нужно было действовать скрытно, убить там, где никто ему не мешает. Тем хуже для круга, пусть теперь он будет поуже. Трагическая оплошность так называемого маньяка.

– Значит, тем вечером вы уже знали, что убийца – человек, рисующий круги?

– По крайней мере, я знал, что это скверные круги. Фальшивые круги.

– Он отлично справился с поставленной задачей, этот Ле Нермор. Кроме всего прочего, еще и меня провел, не так ли? Испуг, рыдания, ранимость, заверения, невинный вид. Вздор!

– Он превосходно сыграл свою роль. Вы были потрясены, Данглар. Даже следователь прокуратуры, у которого подозрительность в крови, и тот счел, что Ле Нермор не может быть виновен. Убить собственную супругу в собственноручно вычерченном круге? Немыслимо. Нам ничего не оставалось, как отпустить его и позволить вести нас туда, куда он запланировал. К сфабрикованному специально для нас убийце, к старухе Клеманс. А я и пальцем не пошевелил. Я позволил тащить себя, куда ему было угодно.

– Дрозд припас подарок своей девушке, – сообщил Кастро. – Кусочек алюминиевой фольги.

– Тебе не интересно, о чем мы говорим? – спросил его Данглар.

– Очень интересно, но я не подаю вида, что ловлю каждое ваше слово, просто чтобы не выглядеть дураком. Вы не обращали на меня внимания, а я тем не менее много думал об этом деле. Мне удалось тогда прийти к единственному выводу: в Ле Нерморе есть что то нездоровое. Но дальше этого я не пошел. Как и все остальные, я искал Клеманс.

– Клеманс...– задумчиво произнес Адамберг.– Ему, должно быть, потребовалось много времени, чтобы ее найти. Нужно было отыскать кого то, кто имел бы соответствующий возраст, невзрачную внешность, да к тому же был отрезан от мира, чтобы его исчезновение никого не беспокоило. Старушка Вальмон из Нейи, с ее

уединенным существованием и наивным помешательством на брачных объявлениях, стала идеальной кандидатурой. Обольстить ее, наобещать золотые горы, убедить все продать и приехать к нему с двумя чемоданами – наверное, это было не так уж трудно. Клеманс рассказала обо всем одним лишь соседям. Поскольку они не были ее друзьями, их не встревожила ее авантюра, все только посмеялись в сласть. Жениха никто никогда не видел. Несчастливая старуха явилась на свидание.

– Ну ка, ну ка, – оживился Кастро, – а вот и второй. Явился не запыхавшись! На что он надеется? А самочка то на него поглядывает. Сейчас начнется война. Что за жизнь, черт побери!

– Он ее убил, – сказал Данглар, – и закопал здесь, в лесу. Почему именно здесь? И вообще, где мы находимся?

Адамберг устало поднял руку и указал куда то влево:

– Чтобы беспрепятственно захоронить кого то, нужно знать безлюдные места. Развалюха в лесу, что находится неподалеку, – это загородный дом Ле Нермора.

Данглар взглянул в сторону дома. Ничего не скажешь, Ле Нермор ловко провернул это дельце.

– После чего, – проговорил инспектор, – Ле Нермор воспользовался тряпками старухи Клеманс. Очень удобно: два готовых, аккуратно уложенных чемодана.

– Продолжайте, Данглар. Заканчивайте сами.

– Ну вот! – огорченно воскликнул Кастро. – Дроздыха улетает, она потеряла кусочек фольги. Вот и надрывайся после этого, и ищи подарки! Хотя нет, она возвращается.

– Он обосновался у Матильды, – продолжил Данглар. – Эта женщина уже давно следила за ним. Она его беспокоила. Ему самому нужно было держать ее под присмотром, чтобы потом воспользоваться ею по своему усмотрению. Сдающаяся внаем квартира стала отличной находкой. В случае осложнений Матильда могла стать незаменимым свидетелем: она знала и человека, рисующего круги, и старуху Клеманс. Матильда свято верила в то, что это два разных существа, и он старался подкрепить ее уверенность. А что он придумал с зубами?

– Вы сами говорили мне о том, что он особенным образом постукивает кончиком трубки по зубам.

– Правда. Значит, вставная челюсть. Ему нужно было только подпилить старый протез. А глаза?

У Ле Нермора они голубые. У нее были карие. Линзы? Да, линзы. Берет. Перчатки. Всегда в перчатках. И все же для трансформации требовались определенное время, определенные усилия, наконец, определенное искусство. Кроме того, как он выходил из собственного дома, переодетый в пожилую даму? Его мог увидеть любой сосед. Где он переодевался?

– Он переодевался по дороге. Он выходил из своего дома стариком, а на улицу Патриархов приходил уже старухой. И наоборот.

– Значит, есть некое заброшенное место, где он держал одежду? Например, строительный вагончик.

– Да, что то в этом роде. Надо будет его найти. Или Ле Нермор сам нам его укажет.

– Строительный вагончик, где валяются остатки еды, недопитые бутылки, стоит шкаф, пропахший чем то затхлым. Тот запах оттуда? Запах гнилых яблок, пропитавший его одежду? А почему одежда Клеманс ничем таким не пахла?

– Ее одежда легкая. Он надевал свой костюм прямо на нее, а остальное – берет, перчатки – прятал в портфель. Однако под одежду Клеманс он не мог надевать мужской костюм. Поэтому он хранил его в другом месте.

– Чертовски здорово он все организовал.

– Некоторые люди получают неизъяснимое наслаждение от самого процесса организации. Это изощренное убийство потребовало нескольких месяцев подготовки. Он начал чертить круги более чем за четыре месяца до первого убийства. Этого проклятого византолога не пугали долгие часы тщательных приготовлений, он всегда был дотошным. Я уверен, что он получал от этого огромное удовольствие. Чего стоит хотя бы мысль использовать Жерара Понтье, чтобы навести нас на след Клеманс. Должно быть, он был в восторге от своей утонченной изобретательности. Наверное, и оттого, как удачно он, прежде чем уехать, оставил специально для нас капельку крови в квартире Клеманс.

– Так где же он? Где он, Господи Боже мой?

– Сейчас в городе. Должен вернуться к завтраку. Торопиться некуда, ведь он так уверен в себе. Такой изощренный план не мог провалиться. Но Ле Нермор ничего не знал о модном журнале. Его Дельфи иногда позволяла себе глоток свободы втайне от него.

– Кажется, победу одерживает маленький самец, – произнес Кастро. – Дам ка я ему хлеба. Он на славу потрудился.

Адамберг поднял голову. Подъехала команда экспертов. Из автобуса выскочил Конти, как всегда обвешанный сумками.

– Сейчас сам все увидишь, – сказал ему Данглар, поздоровавшись. – Тут не бигуди, тут кое что другое. Но автор – тот же.

– Автора мы сейчас навестим, – произнес Адамберг, поднимаясь.

Жилищем Огюстена Луи Ле Нермора был давно нуждавшийся в ремонте охотничий домик с помещением для собак. Над входной дверью красовался череп оленя.

– Веселенькая картинка, – пробурчал Данглар.

– Потому что хозяин веселенький, – мрачно отозвался Адамберг. – Ему нравится смерть. Так сказал Рейе о Клеманс. А еще он настаивал на том, что она говорит, как мужчина.

– А мне плевать, – неожиданно заявил Кастро. – Взгляните ка лучше сюда.

И он гордо показал на самку дрозда, усевшуюся к нему на плечо.

– Вы когданибудь такое видели? Дрессированная дроздица! И выбрала она меня – не тех двоих, а меня!

Кастро рассмеялся.

– Я назову ее Крошкой, – продолжал он. – Наверное, это глупо. Или нет? Как вы думаете, она от меня не улетит?

Адамберг позвонил. За дверью послышалось неторопливое шарканье ног в мягких туфлях. Ле Нермора ничто не тревожило. Когда он открыл им, Данглар по иному взглянул и на его тусклые голубые глаза, и на его бледную кожу в рыжеватых пигментных пятнах.

– Я собирался поесть, – произнес Ле Нермор. – Чтонибудь случилось?

– Все кончено, мсье, – ответил Адамберг. – Так бывает.

И комиссар положил руку на плечо Ле Нермора.

– Вы делаете мне больно! – пяясь, воскликнул старик.

– Просим вас пройти с нами, – отчетливо произнес Кастро. – Вы обвиняетесь в убийстве четырех человек.

Птичка спокойно продолжала сидеть у него на плече, когда он стиснул запястья Ле Нермора и защелкнул на них наручники. Раньше, при прежнем комиссаре, Кастро всегда кичился тем, что умеет молниеносно надевать наручники – так, что никто и глазом моргнуть не успеет. Теперь он не произнес ни слова.

Данглар неотступно следил за человеком, рисовавшим синие круги. Кажется, инспектор наконец начал понимать, что имел в виду Адамберг, когда рассказывал ему историю о глупой слюнявой псине. Это была история жестокости. Запаха жестокости. В тот момент

человек, рисовавший круги, был просто ужасен. Еще ужаснее, чем мертвое тело, лежавшее в яме.

К вечеру они возвратились в Париж. Комиссариат бурлил и готов был взорваться от напряжения. Деклерк и Маржелон едва удерживали на стуле человека с кругами, сыпавшего проклятиями и призывавшего погибель на головы полицейских.

– Вы слышите эти вопли? – спросил Данглар, войдя в кабинет Адамберга.

На сей раз комиссар не рисовал. Он стоя дописывал отчет для прокуратуры.

– Да, слышу, – отозвался он.

– Он мечтает перерезать вам горло.

– Знаю, дружище. Надо бы вам позвонить Матильде Форестье. Вполне естественно, ей захочется узнать, что произошло с землеройкой.

Данглар радостно помчался к телефону.

– Ее нет дома, – сообщил он, вернувшись. – Я наткнулся на Рейе. Он меня раздражает. Вечно торчит у нее. Матильда поехала на Северный вокзал провожать кого то на девятичасовой поезд. Рейе говорит, что Матильда скоро вернется. Еще он добавил, что она совсем не в форме, что у нее постоянно дрожит голос и что нужно будет пойти куда нибудь выпить, чтобы поднять ей настроение. Интересно, как он собирается это сделать?

Вдруг Адамберг не мигая уставился на Данглара.

– Который час? – торопливо спросил он.

– Восемь двадцать. А что?

Адамберг схватил куртку и опрометью кинулся вон, только и успев на бегу крикнуть Данглару, что вернется, а к его возвращению инспектору хорошо бы прочитать отчет.

Выскочив на улицу, комиссар бросился ловить такси.

В восемь сорок пять он уже был на Северном вокзале. Он влетел в двери, на бегу закуривая сигарету. Заметив Матильду, он преградил ей дорогу:

– Ну же, Матильда! Ведь это она сейчас уезжает, правда? Боже мой, только не лгите! Я уверен, это она! С какой платформы? Скорее, номер платформы!

Матильда молча смотрела на него.

– Скажите же мне номер платформы! – кричал Адамберг.

– Черт бы вас побрал! – воскликнула Матильда. – Пропадите вы пропадом, Адамберг. Если бы не вы, ей не пришлось бы все время куда то бежать.

– Что вы об этом знаете? Она такой родилась! Господи, номер платформы, скорее же!

Матильда не желала ему отвечать.

– Четырнадцатая, – нехотя проговорила она наконец.

Адамберг оставил ее и помчался вперед. Большие часы в зале показывали без шести минут девять. Добежав до четырнадцатой платформы, Адамберг перевел дух.

Она стояла там. Конечно, она. Стройная фигурка, затянутая в черные брюки и тонкий свитер. Она казалась тенью. Камилла держала голову прямо и куда то смотрела – наверное, оглядывала здание вокзала. Адамберг вспомнил это выражение ее лица: она словно хотела увидеть все сразу, не стараясь разглядеть ничего конкретного. Ее пальцы сжимали зажженную сигарету.

Потом она далеко отшвырнула окурок. Движения Камиллы всегда были удивительно красивы. И этот жест тоже был прекрасен. Она подхватила чемодан и пошла вдоль перрона. Адамберг рванулся вперед, обогнал ее, повернулся и встал у нее на пути. Камилла столкнулась с ним.

– Иди ко мне, – позвал он. – Мне нужно, чтобы ты была со мной. Иди ко мне. Хотя бы только на час.

Камилла взволнованно взглянула на него – именно так, как он это себе представлял, когда она умчалась от него на такси.

– Нет, – ответила она. – Уходи, Жан Батист.

Камилла пошатывалась. Адамберг помнил, что даже в нормальном состоянии Камилла производила такое впечатление, что она вот вот сделает пируэт или даже покатится кубарем. Этим она напоминала мать. Казалось, будто она ступает по шаткой дощечке, висящей над пропастью, а не ходит по земле, как все люди. Однако сейчас Камиллу действительно шатало от волнения.

– Камилла, ты сейчас упадешь. Скажи чтонибудь!

– Нет, не упаду.

Камилла поставила чемодан и вытянула руки вверх, словно хотела дотронуться до неба.

– Вот, посмотри, Жан Батист. Вытянулась на носочках. Видел? И падать не собираюсь.

Камилла улыбнулась и опустила руки, глубоко вздохнув:

– Я люблю тебя. Разреши мне сейчас уехать.

Она швырнула чемодан в открытую дверь вагона, взлетела по ступенькам, тоненькая, черная, и Адамберг с горечью почувствовал, что ему осталось всего несколько секунд, чтобы наглядеться на лицо этой девушки, родившейся от союза греческого бога и египетской уличной девки.

Камилла покачала головой:

– Ты сам знаешь, Жан Батист. Я тебя любила, любовь не могла пройти вот так, сразу: подуешь – и нет ее. Это же не муха. Муху можно сдуть, и она улетит навсегда. Смею тебя уверить, Жан Батист, ты совсем не похож на муху. Господи! Но любить такого, как ты, у меня просто не хватает сил. Это слишком трудно. Я всю голову себе сломала. Никогда не знаешь наверняка, где ты, где носит твою душу. Это тревожит меня, и я чувствую себя несчастной. Что же до моей души, то она тоже бродит невесть где. Получается, что все только и делают, что страдают. Господи, да ты и сам все это знаешь, Жан Батист.

Камилла улыбнулась.

Двери закрылись. Провожающих попросили отойти от края перрона. Затем пассажиров предупредили, что не следует ничего выбрасывать из окон вагонов. Да, Адамберг все это уже слышал много раз. Брошенный из окна предмет может когонибудь поранить или убить. Поезд тронулся.

Один час. Хотя бы один час, а потом можно и сдохнуть.

Он побежал за поездом и вскарабкался на площадку вагона.

– Полиция, – сказал он проводнику, уже собравшемуся поднять скандал.

Он прошел половину состава.

Потом увидел ее: она лежала, подперев голову рукой, не читала, не спала, не плакала. Он вошел и закрыл за собой дверь купе.

– Так я и думала, – произнесла Камила. – Ты зануда.

– Я хочу один час полежать рядом, с тобой.

– А почему час?

– Я не знаю.

– Ты не изменил своим привычкам? Ты по прежнему говоришь «я не знаю»?

– Я не изменил ни одной из своих привычек. Я тебя люблю и хочу прилечь здесь всего на один час.

– Нет. Я себе потом голову сломаю.

– Ты права. Я тоже.

Они еще несколько минут сидели друг против друга. Вошел контролер.

– Полиция, – снова сказал Адамберг. – Мне нужно допросить мадам. Никого не пускайте в купе. Какая следующая остановка?

– Лилль, через два часа.

– Благодарю вас. – Адамберг улыбнулся, чтобы не обидеть контролера.

Камилла поднялась и стояла у окна, рассматривая пейзаж.

– Вот это и называется «злоупотребление служебным положением», – усмехнулся Адамберг. – Весьма сожалею.

– Ты сказал «один час»? – спросила Камила, по-прежнему прижимаясь лбом к стеклу, – Ты думаешь, у нас есть выбор?

– Нет. Честно говоря, не думаю, – поразмыслив, ответил Адамберг.

Камилла прижалась к нему. Адамберг стиснул ее в объятиях, совсем как тогда, во сне, когда у постели примостился служащий гостиницы. В купе было лучше: здесь не было того служащего, и не было Матильды, чтобы отнять у него Камиллу.

– Лилль будет только через два часа, – сказала Камила.

– Один час для тебя, один – для меня, – ответил Адамберг.

За несколько минут до Лилля Адамберг оделся в темноте. Потом не спеша одел Камиллу. Им обоим было грустно.

– До свидания, любимая, – тихонько сказал он.

Он нежно провел рукой по ее волосам, потом поцеловал ее.

Он не хотел смотреть, как отходит поезд. Он стоял на перроне, скрестив руки на груди. Вдруг до него дошло, что он забыл в купе куртку. Он представил себе, как ее надевает Камила, как рукава свисают до самых кончиков пальцев, как красива она даже в его куртке, как она открывает окно и вглядывается в ночной пейзаж. Теперь его уже не было в поезде, и он не мог знать, что делает Камила. Ему захотелось пройтись, найти гостиницу недалеко от вокзала. Он обязательно снова увидит свою любимую малышку. Хотя бы на час. Скажем так: по меньшей мере на час, прежде чем умереть.

В гостинице ему предложили номер с видом на железную дорогу. Он сказал, что ему все равно, только сначала он хотел бы позвонить.

– Данглар, это вы? Это Адамберг. Ле Нермор у вас? Он не спит? Отлично. Скажите ему, что у меня теперь нет ни малейшего желания подышать. Нет. Я звоню вам не за этим. Я звоню вам по поводу журнала мод. Почитайте в нем статьи Дельфины Витрюэль. А потом загляните в труды великого византолога. Вы сразу поймете, что книги писала Дельфина. Она, и только она. А он всего лишь собирал

материал. При поддержке своего травоядного любовника она рано или поздно перестала бы быть рабыней Ле Нермора, и тот об этом знал. Кончилось бы тем, что она набралась бы смелости и заговорила. И тогда всем стало бы известно, что великого византолога никогда не существовало, что вместо него размышляла и писала книги его жена. Всем стало бы известно, что сам он был ничтожеством, жалким тираном, обыкновенной крысой. В этом то и состоял мотив его преступления, Данглар, в этом – и ни в чем другом. Скажите ему, что он напрасно убил Дельфину: ему это не поможет. И пусть сдохнет со злости.

– Откуда такая ненависть?– спросил Данглар. – Вы где?

– Я в Лилле. У меня тяжело на душе. Очень тяжело, дружище. Но это пройдет. Это пройдет, я уверен. Вот увидите. До завтра, Данглар.

Камилла курила в коридоре, и ее руки путались в рукавах куртки Жан Батиста. Ей не хотелось любоваться пейзажем. Еще немного, и она покинет пределы Франции. Она постарается сохранять душевное равновесие. Потом, когда пересечет границу.

Лежа на гостиничной кровати в полной темноте, Адамберг подложил руки под голову и стал ждать, когда придет сон. Потом зажег лампу и вытащил маленькую записную книжку из заднего кармана брюк. Записей почти не прибавилось, во всяком случае, у него было такое впечатление. Ну да ладно.

Он нашел карандаш и написал: «Я ночую в Лилле. Я потерял куртку».

Он помедлил, попытался собраться с мыслями. Все правильно, он действительно ночует в Лилле. И он закончил запись:

«Я не сплю. Все лежу в постели и думаю о своей жизни».

www.feedbooks.com
Food for the mind